

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Черный человек

Черный человек

Василий Головачев

Черный человек

«ЭКСМО»

1996

Головачев В. В.

Черный человек / В. В. Головачев — «Эксмо», 1996 — (Черный человек)

ISBN 978-5-699-24265-8

Космос всегда манил людей своими загадками. И, наконец, в третьем тысячелетии казавшаяся столь нереальной встреча с его таинственными обитателями стала возможной. Но вот последствия этого процесса оказались не такими радужными, как ожидания. Рождение «Черного человека» – олицетворения худших и теневых сторон человеческой натуры – поставило под угрозу само существование маленькой и хрупкой планеты Земля.

ISBN 978-5-699-24265-8

© Головачев В. В., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Книга I	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Часть II	30
Глава 1	30
Глава 2	39
Глава 3	48
Глава 4	56
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	85
Часть III	93
Глава 1	93
Глава 2	95
Глава 3	104
Глава 4	109
Глава 5	114
Глава 6	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Василий Головачев

Черный человек

Книга I

Часть первая Серая дыра

Глава 1

Когда Шаламов очнулся от беспамятства и с трудом поднял ставшие чугунными веки, то не сразу понял, что все еще находится в рубке интергалактического спасательного шлюпа «Кентавр» с маской-фильтром на лице. К тому же сбивала с толку невесомость. Все органы чувств вопили что было мочи о том, что он попал если не в мясорубку, то по крайней мере в камнедробилку, в то время как старт должен был быть мягким и не влияющим на самочувствие.

Шаламов попробовал шевельнуться и едва сдержал стон: тело уподобилось студню, в который вонзился миллион игл, осколков стекла и прочих острых предметов.

– Елки-палки! – сказал Шаламов вслух, не узнавая собственного голоса. – На стон это мало похоже. Эй, кто-нибудь, что случилось? Где я?

– Вы на шлюпе курьерской линии СПАС-главный – Орион-6, – прошелестел в ушах бесплотный голос.

И Шаламов наконец вспомнил, где он находится.

Багровая пелена в глазах медленно растаяла, сквозь мглу проступили очертания рубки.

Поскольку «Кентавр» был спасательным шлюпом класса «универсал-абсолют» и представлял собой, по сути, единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитал водитель, называемый по древней традиции пилотом, то рубка шлюпа должна была иметь вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного множеством датчиков; датчики подавали информацию напрямую в мозг пилоту и через дисциплинатор, блок целесмыслового контроля,¹ передавали его мысленные команды исполнительным механизмам. Теперь уже в передней части кокона напротив Шаламова зияла брешь, образуя своеобразное окно, за которым располагалось странное помещение, напоминавшее пещеру. «Пещера», заросшая гребнеобразными перепонками, имела, однако, явные признаки технологической обработки. Ее торец представлял собой черный гладкий экран, по которому плыли светящиеся линии, искаженные геометрические фигуры, замысловатые символы и знаки, а напротив в кресле, напоминающем журавлиное гнездо, сплетенное из толстых металлических прутьев, восседала заволаживающая взор фигура: трехгорбая глыба в пластинчатых доспехах из полированного желтого металла. Глыба казалась живой и неживой одновременно и вызывала в памяти ассоциации – окаменевшего бегемота или, наоборот, ожившую скульптуру модернистов. Но хотя Шаламов и соображал пока туго, он сразу узнал маатанина.

Цивилизация маатан была открыта около десяти лет назад, причем курьезным образом, не с помощью звездных экспедиций. По земле вдруг прокатилась волна жалоб операторов и

¹ Этот блок «отсеивает» неадекватные моменту мысли пилота при управлении, если тот почему-то отвлекается; поэтому пилотами спасательной службы могут работать только люди с четкой дисциплиной мысли.

владельцев компьютерных баз: информация, запасенная компьютерами, начала вдруг исчезать, теряться, будто ее кто-то нарочно стирал. Специалисты сначала грешили на компьютерный вирус, запущенный в общую сеть неким злодеем-любителем, но подключенная к расследованию служба безопасности вышла совершенно неожиданно на странных существ, беззащитно грабивших память компьютеров. Последовавший вслед за этим открытием контакт привел если не к войне, то к полному отказу маатан объяснить свои действия и сотрудничать с землянами.

Десять лет люди пытались узнать причину такого отношения к себе со стороны негуманного разума, и все десять лет маатане упорно продолжали не замечать усилий землян, отвечая молчанием на все вопросы и предложения, демонстративно не замечая братьев по разуму. За свой необычный облик, подчеркнутое нежелание вести диалог и явное пренебрежение к деятельности людей маатан прозвали «черными людьми». Разведчики, спасатели и археонавты не раз встречали в космосе их корабли, игнорирующие любые знаки, будь то запрет посадки, предупреждение об опасности; и еще не было случая, чтобы «черные люди» ответили на чьи-либо сигналы.

«Джо, – позвал мысленно Шаламов, обрадовавшись тому, что пси-связь с координатором не пострадала. – Жив, старина? Что случилось? Почему я в маске? Высвети экспресс-информацию».

– Маска надета аварийно, – сухо ответил координатор, – потому что в рубку проник инертный газ. Но я вам не Джо, а функциональный киб-интеллект типа «проводник» класса «инк-пять»,² и прошу обращаться в соответствии с инструкцией.

– Слушаюсь, проводник! – пробормотал изумленный Шаламов.

Искусственные интеллекты устанавливались, а вернее, выращивались на каждом базовом спасательном шлюпе и даже на модулях аварийно-спасательной службы и обычно откликались на то имя, которое отражало название шлюпа или было вложено в них при рождении. Шаламов еще с первого рейса назвал координатора своего шлюпа Джорджем, по имени героя старинного романа Апдайка «Кентавр», и тот принял имя как должное. И если уж он вдруг «обиделся», значит, шлюп был поврежден серьезно, вплоть до нарушения работы главного компьютера.

– Экспресс-информацию выдать не могу, – продолжал пси-доклад координатор. – Почти все рецепторы и нейронные узлы парализованы, датчики пространства разрушены. Через пять-шесть минут смогу восстановить визуальный обзор, но мешает присутствие чужих логических цепей, сбивающих оптимальное функционирование систем.

– А нормальную гравитацию сделать можешь? Я не люблю работать в невесомости.

– Только после восстановления ремонтного узла, через час, да и то с вероятностью ноль шесть.

– Как мы оказались в одном месте? – Шаламов снова посмотрел на сверкающую металлическими зеркалами доспехов неподвижную фигуру «черного человека».

– Информации нет.

– Тогда включи меня в свой главный нервный контур напрямую и дай память от момента старта.

– Опасно, контур блокирован хаотическим поступлением чужих сигналов и «белого шума». Источник сигналов находится внутри моего информполя, вероятно, внедрен в меня ударно, однако мне неподконтролен.

– Позволю напомнить пункт инструкции: «В нештатной ситуации водитель имеет право...»

– Подчиняюсь.

² Инк – интеллектуальный компьютер.

И в мозг Шаламова хлынули лавины сигналов, донесений датчиков, обрывков команд, мыслей и чувств координатора, бессмысленное бормотание поврежденных аппаратов, шепоты аварийных систем, пучки импульсов и глухой угрожающий шум...

Повторно очнулся пилот спустя час, хотя и не помнил этого – координатор сам равнодушно сообщил ему о времени и причинах беспамьяства.

Невесомости уже не было, сила тяжести равнялась примерно трем четвертям земной, координатор сдержал слово и починил генератор тяготения.

– Ввел максимальную аптечку, – добавил он, – вы были на грани коллапса.

– Спасибо, – пробормотал Шаламов, наслаждаясь почти нормальной силой тяжести и разливающимся по телу теплом: стимуляторы аптечки сработали и вытеснили из головы расплавленный свинец боли. Теперь он кое-что знал, по сути, главное.

Давно известна формула: проблема межзвездных путешествий – проблема побуждений, движущих разумом, а вовсе не физическая проблема; если межзвездные путешествия нужны – разум ее решает. Как, например, это сделал человек. Но, кроме человека, в космосе обитают и другие разумные существа, решившие ту же задачу сходным путем, и в один прекрасный день (вечер, утро) два межзвездных корабля, подобных в движении лучу света, точнее – потоку информации, а еще точнее – растянутым от точки старта до точки финиша «суперструнам информации», вдруг оказываются в одной и той же точке пространства в один и тот же момент. Именно этот редчайший случай и выпал на долю Шаламова.

Осознав свое «счастье», пилот понял, насколько ему повезло: шлюп, вонзившись в чужой космолет, не взорвался! Столкновение напоминало скорее процесс взаимопроникновения двух пересекшихся струй пыли или пара, и в настоящий момент «Кентавр» и маатанский корабль действительно напоминали мифического тезку земного шлюпа: сам он стал «головой и торсом», а «туловищем» был корпус чужого корабля.

– Включаю обзор, – предупредил координатор.

Экранов визуального обзора шлюп не имел, вместо этого сигналы видеокамер выдавались непосредственно в мозг пилоту, прямо к синапсам, минуя глаза, но суть видеосистемы от этого не изменилась.

Первым ощущением Шаламова было впечатление глубины: казалось, он заглянул в гигантский, непостижимо глубокий колодец, причем колодец, вывернутый наизнанку, – со светлыми стенками, – потом упал в него и стал погружаться, глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии света: мерцание таинственного «колодца» заворачивало взор, как танцующее пламя костра...

– С ума сойти! – сказал Шаламов, очнувшись.

– Не понял, – откликнулся координатор, – повторите.

– Что это?

– Для правильной оценки мало достоверной информации.

– Оцени с любой вероятностью, я и так понял, что это не Орион-6, не далекая галактика и не диффузная туманность.

– С вероятностью ноль семьдесят семь мы приближаемся к «серой дыре». Термин знаком?

– Знаком, – буркнул Шаламов, вспоминая все, что знал о «серых дырах».

Эти загадочные объекты были предсказаны учеными-космологами еще два века назад и по теории представляли собой входы в свернутые «струны», скомпактифицированные, то есть схлопнувшиеся «лишние измерения» (известно, что наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, но в процессе эволюции девять из двенадцати измерений сжались в «струны», скомпактифицировались). Косморазведчики и пограничники уже встречали рассеянные по Галактике «серые дыры», но «заросшие», покрывшиеся, как вода льдом в проруби, слоем преобразованного пространства, сквозь который могли просочиться разве что отдельные атомы;

этот слой называли еще «мембраной закона компактификации». Но еще никто никогда не встречал «незаросших» «серых дыр», Шаламов, видимо, был первым «счастливчиком» из землян.

– М-да, повезло... Из «струны» нас выбросило явно не по вектору Ориона. Как далеки мы от «серой дыры»?

– Мы уже в ее горловине, иначе не видели бы «колодца». «Серую дыру» можно увидеть, только попав за ее «горизонт». Кстати, если не принять мер, нас затянет за «критический горизонт», и выбраться назад мы уже не сможем.

– Сколько времени в нашем распоряжении?

– Не знаю.

– Тогда к чему эти советы? Затянет так затянет, мы и так не можем выбраться отсюда, вломившись в маатанина. Я хочу посмотреть на себя со стороны, дай внешний обзор.

Координатор выстрелил одним из уцелевших зондов, его камеры передали изображение Шаламову, и тот присвистнул от удивления, хотя уже знал, что шлюп и маатанский корабль проникли друг в друга и «срослись». Но теперь их вид стал доступен прямому визуальному наблюдению.

Чужак был огромен, раз в сто двадцать больше двадцатиметрового «Кентавра», и на два порядка сложнее. Больше всего он напоминал раздавленный панцирь черепахи, сложенный из выпуклых «костяных» пластин размером с зимний стадион. Весь «панцирь» был усеян тускло светящимися рубиновыми линзами, словно десятками паучьих глаз, и множеством других деталей разной формы и размеров.

«Кентавр» мог трансформировать свое тело в широком диапазоне форм – в зависимости от решаемых им задач, но, «оборвав струну движения» нештатно, не успев оптимизировать форму соответственно новым условиям, он представлял сейчас деформированную «ракетку для настольного тенниса» и «лопастью ракетки» проткнул «панцирь черепахи» там, где должна была находиться ее голова.

– Весело!.. – пробормотал Шаламов. Сказать больше ему было нечего. Он еще раз более внимательно оглядел район дрейфа сцепившихся кораблей, осторожно подключая к сознанию выводы немногих исправных датчиков пространства, но определить свои координаты не смог: звезд сквозь мерцание горловины «серой дыры» не было видно. Пространство внутри горловины в пределах прямого визуального наблюдения было стерильно чистым и пустым, если не считать радиационного фона, обнаруженного датчиками.

«Странно, звезд близко нет, а „дыра“ светится, – подумал Шаламов. – Эффект, которого я не знаю? Или „серые дыры“ накачаны энергией изначально?»

– Логично, – отозвался координатор.

– Да, но тогда возникает вопрос: какого черта нас занесло именно сюда, в горловину? Может быть, маатанский транспортник направлялся в «серую дыру», зная дорогу, а нас вывернуло по вектору его «струны»?

– Логично, – повторил координатор.

– Я и сам знаю, что логично, – разозлился Шаламов, морщась от приступа головной боли. – Сам-то можешь что-нибудь предложить?

– Нет, – холодно отрезал Джордж.

– Тогда пиши завешание. Сам говорил: затянет за горизонт – не вылезем... или вылезем в другой вселенной. Подходит перспектива? Ищи ориентиры, какие-нибудь объекты, тела, может, мы не одни здесь болтаемся, не зря же маатанин шел сюда на всех парах. Чини шлюп, в общем, делай что-нибудь. Впрочем... – Шаламов внезапно покрылся потом от приступа слабости, – сначала займись мной. Дай укол гиперальгина и через час рольфанг-массаж... если не разучился его делать.

Координатор промолчал.

Глава 2

Выдержав рольфанг – серию глубоких и болезненных массажей всех основных групп мышц – и приняв душ, Шаламов впервые после аварии почувствовал себя человеком.

За то время, что он отдыхал и лечился, координатор неожиданно обнаружил концентрацию массы примерно по вектору дрейфа кораблей, и Шаламов присвистнул от удивления, когда узнал, что это за концентрация массы: по всем признакам это была планета! Как она оказалась в горловине «серой дыры», приходилось только гадать. Приказав Джорджу поточнее направить к ней вросший в гиганта чужака «Кентавр» – кормовой двигатель, к счастью, не пострадал, – Шаламов принялся исследовать маатанский корабль. В его распоряжении было достаточно времени до встречи с планетой, скорость «упряжки» космолетов по космическим меркам была невелика.

Девяносто процентов имеющейся на борту шлюпа аппаратуры не работало, но и оставшихся датчиков хватило пилоту на определение основных параметров маатанского транспорта: массы, размеров, энергозаряда, гравитационной системы. Было интересно разбираться в конструкции чужого корабля, созданного негуманоидами, но полностью понять принципы его компоновки и функциональные особенности Шаламов не смог даже с помощью Джорджа. Один из маатан, сидевший (или стоявший – поди разберись) в «гнезде» прямо перед рубкой-креслом пилота, был, очевидно, еще жив. Но если бы у пилота спросили, почему он так решил, он мог бы ответить только одним словом: интуиция.

Пока он приводил в порядок рубку, искал способы устранения неисправностей, лечился сам, блистающий металлом «черный человек» ни разу не пошевелился и обстановка в зале управления не изменилась, если не считать того, что экран перестал работать, извергать потоки светящихся кривых и лишь изредка на нем вспыхивали неяркие блуждающие звезды.

Наконец Шаламов проанализировал свое положение достаточно трезво и сделал неутешительный вывод: ремонт своими силами невозможен. Оживить компакт-генераторы, то есть генераторы свертки пространства в «струну», как называли их инженеры, или – по терминологии пилотов спасательных шлюпов – дыробои, без спецверфи нечего было и думать. К тому же растащить корабли, проникшие друг в друга до накладки кристаллических решеток материальных структур, было бы не под силу и специалистам на Земле. Поразмышляв о коварстве случая, Шаламов приказал себе не паниковать и решил, пока связка «хлама» будет ползти к обнаруженной планете, обследовать чужой корабль.

Для начала он осмотрел маатанина в «гнезде», используя переносной диагностер из походной аптечки, но микрокомпьютер прибора лишь отметил пульсацию целого набора биополей и не смог прямо ответить на вопрос, жив ли «черный человек». Не помог и Джордж, обладавший о маатанах лишь сведениями общего характера.

Шаламов и не ожидал позитивного результата от своих полудилетантских изысканий, имея кое-какие познания и навыки лечения нормальных людей, а не «черных негуманоидов». Облачившись в гибкий и легкий гермокостюм для короткого выхода в космос – во избежание неприятных сюрпризов, – пилот вошел в «пещеру» центра управления чужого корабля, внимательно осмотрел изломанные волей разработчиков стены «пещеры», поросшие гребенчатыми перепонками, и понял, что выхода из центра самостоятельно не найдет. Однако автоматика этого странного зала все еще работала и сама предложила гостю свои услуги.

В самом темном углу помещения, как раз напротив черного экрана, пилот обнаружил нечто, напоминавшее прозрачный мыльный пузырь в два человеческих роста. Стена за пузырем была вогнута, сходясь кольцами в коническую воронку, вершина которой «дышала» – то проваливалась в стену, то надвигалась на наблюдателя. Все это сооружение находилось под напряжением. Заинтригованный Шаламов подошел ближе, наклонился к прозрачной поверх-

ности пузыря, и в тот же миг внутри вспыхнула фиолетовая звезда, пузырь бесшумно лопнул и облепил человека тугим коконом так, что он не мог пошевелиться. Мышцы неприятно свело от электрического удара, несмотря на защиту гермокостюма. В следующее мгновение все вокруг пришло в движение: воронка в стене надвинулась вплотную, провалилась наружу и превратилась в длинный прозрачно-светящийся туннель, стены которого побежали мимо с нарастающей скоростью.

«Если это катапульта для выхода в космос – мне здорово не повезло, – отрешенно подумал Шаламов. – Выбросит в пространство – поди догони своего „коня“, впряженного в чужую колымагу...» И вдруг он понял, что его беспечность и заторможенность могут стоить ему жизни. Страх парализующей струей газа ударил в голову, перехватил дыхание: все-таки пилот еще не выздоровел полностью и не был готов к подобной ситуации. Он рванулся изо всех сил назад, стараясь высвободиться от сдавливающих тело пут. Тотчас же туннель изогнулся как живой и выбросил его в тупик, слабо освещенный бледно-голубыми прожилками в плите потолка.

– Спасибо! – с чувством поблагодарил Шаламов вслух неизвестно кого, облизывая пересохшие губы и успокаивая сердце. Потребовалось целых пять минут на то, чтобы сообразить: тревоги напрасны, включившийся механизм вовсе не катапульта, а своеобразный внутрикорабельный транспорт.

– Но все-таки сначала надо было спросить – хочу ли я прокатиться. – Шаламов укоризненно покачал головой: самобичевание было не в его характере, а чувство юмора не раз помогало справляться с растерянностью и быстро обретать форму. – Набрасываешься как дикий зверь... мустанг необъезженный! Как я теперь вернусь обратно?

«Мустанг» не ответил, мигая фиолетовым глазом готовности к новому старту.

Пилот ощущал сухие теплые стены тупика и выглянул из ниши. И увидел короткий, но широкий коридор с плохо обработанными на первый взгляд бугристыми стенами, освещенный ручьем жидкого с виду голубого пламени, который, вопреки здравому смыслу, струился по потолку. Ближайший торец коридора был черным и дымился, впечатление было такое, будто в нем догорают костер. Дальний конец коридора зарос шипастым «кустарником» без листьев, а на концах каждого шипа светилась багровая капля. Даже отсюда ощущалось, что «кустарник» заряжен электричеством.

Непроизвольно задерживая дыхание при каждом шаге, спасатель обошел коридор, внутри которого парила примерно земная гравитация, издали с опаской осмотрел «заросли крыжовника» и подумал, что техника маатан ни в коем случае не должна причинять вреда как хозяевам, так и гостям. Но с другой стороны, что безвредно хозяину-негуманоиду, вполне может нанести вред гостю-человеку. Усмехнувшись своему внутреннему призыву к осторожности, Шаламов медленно приблизился к «дымящейся» стене коридора и стал свидетелем включения маатанской автоматики.

Как только он приблизился к «струйкам дыма» на расстояние метра, облачко дыма застыло, покрылось морозным узором, словно «дым» закристаллизовался от холода, и на его месте протаял глубокий колодец с черными стенками и светлым дном, похожим на блюдо со светящейся икрой. Шаламов не сразу сообразил, что видит торец «серой дыры», открытый в сторону какого-то далекого звездного скопления. Сработавший автомат включил не то телескоп, не то экран видеосистемы. Понаблюдав за мерцанием «икринок», каждая из которых на деле представляла собой звезду, пилот поймал себя на мысли, что не знает, как добираться до своего «Кентавра», изуродованного, с травмированным координатором, но простого и надежного, готового защитить своего хозяина от любой предвиденной создателями опасности. Тогда Шаламов заставил себя с большей тщательностью проанализировать имевшуюся информацию о маатанском корабле и пришел к выводу, что «мустанг» ему не страшен: в конце концов это

всего-навсего лифт с плавающими координатами выхода и должен когда-нибудь вынести его в рубку с не пришедшим в себя водителем.

Так и случилось.

Не обращая внимания на приступы слабости и головной боли, а также на электрические уколы, сопровождавшие посадку на «мустанга», Шаламов принялся его объезжать. Сначала «мустанг» выбросил его на узкий балкон, нависающий над провалом неизвестных размеров. Пространство под балконом было заполнено текучим багрово-фиолетовым полумраком, в котором плыли дымы, шлейфы искр, что-то урчало, хрустело, чавкало, вспыхивало, странные тени двигались в дыму, корчились и шипели. Шаламов нагнулся к перилам балкона, и дремавшая доселе техника этого места снова отреагировала на его движение: из провала с низким гулом выплыл «мыльный пузырь», подплыл к балкону, зажигая внутри своей прозрачной оболочки знакомую фиолетовую звезду.

Пилот отступил, усмехнувшись собственной готовности попробовать действие и этого «зверя» – скорее всего разновидности лифта или защитной кабины. В последний момент, когда он сел на «мустанга», ему показалось, что провал за балконом на самом деле вовсе не провал, а зрачок какого-то исполинского живого существа, смотревшего на него пристально и тяжело.

Вторая попытка привела его на стык трех коридоров: один из них был круглым и освещался ослепительным желтым светом, казалось, он заполнен расплавленным стеклом; второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как речная вода; третий был вполне земным, квадратным в сечении, с черным потолком, по которому мчались стремительные ручьи голубого света. Заходить в него Шаламов не стал.

В третий раз он вышел в мрачный склеп с едва светящимся низким потолком и черными, с багровыми прожилками стенами. Склеп был заполнен рядами неподвижных металлических глыб, восседавших на «гнездах аиста» собратьев маатанина в рубке. Возле каждого располагался плоский экран и пучок членистых антенн, похожих на удочки, но ни одна из фигур не казалась живой, экраны были черны, и веяло от них пронзительным холодом космического пространства.

Шаламов со смешанным чувством жалости и отвращения рассматривал застывшие глыбы, понимая, что эти странные существа, то ли пассажиры, то ли члены экипажа, мертвы или на полпути к водам Стикса. Он не знал, что послужило тому причиной, может быть, резкое изменение условий в пассажирском салоне, может, отсечка энергии или подачи воздуха, но гибель «черных людей» не могла оставить его равнодушным.

Устав от стремительных рывков «мустанга» и борьбы с собой, Шаламов обреченно шагнул в его объятия и наконец вышел в знакомом треугольном зале с единственным его обитателем. Вдохнул с облегчением. И еще не отдышавшись как следует, понял: здесь что-то изменилось.

На первый взгляд все было как и прежде: мерцающий экран, мертвая неподвижность всех предметов, тишина, – и все же пилоту показалось, что он не один в зале. Впрочем, он и был не один, вторым был «черный человек». Глаз, подобных человеческим, у горбатившейся глыбы пилот не заметил, и тем не менее маатанин смотрел на него так же пристально и тяжело, как жуткий монстр в провале.

– Привет, – сказал пилот первое, что пришло в голову, интуитивно ощущая давление чужого взгляда в пси-диапазоне. – Я думал, ты уже не очнешься, дружище.

В голове вспыхнула связь пылающих знаков, быстро и плавно меняющих до тех пор очертания, пока не превратилась в неграмотно построенную фразу (это была именно картинка, видение, а не «мысленный шепот», как при обычном пси-обмене воспринимаемый человеком как шепот звуковой): «Вода... жидкие гуманоид... хомо Земле да... дело что хомо на борт проникател...»

Шаламов еще не собрался с мыслями, что ответить маатанину на заданный вопрос, как фраза превратилась в пляшущие языки пламени, из которых вылепилось новое предложение: «Мы информации... причина поломка проникател... неопытност водителей Землие хомо... смысл понятное да... нет...»

– Еще бы! – сказал Шаламов, ошалевший от столь бесцеремонного обвинения и от того, что «черный человек» знает земной язык; по всей видимости, маатане давно изучили язык и пси-спектр мыслеобщения людей, хотя и никогда не общались с ними в открытую. – Но у меня прямо противоположная информация: еще десять лет назад мы сообщили вам граничные параметры наших космических маш... э-э... проникателей. Ваша раса использовала другие частоты свертки пространства в «струны», и «столкнуться» двум нашим проникателям было невозможно. Мы не меняли частот «струн», изменили вы, не известив нас, из-за чего, собственно, и произошел этот прискорбный случай, так что извини, друг, я не виноват. Но давай все же начнем с другого конца: найдем более мирный способ контакта и попробуем выжить в этих условиях. К сожалению, мой... м-м... проникатель потерял связь, в том числе и дальнюю. А твой?

Маатанин вдруг изменил позу, причем выглядел этот процесс настолько необычно, что Шаламов застыл, изумленный, он еще не видел, как передвигаются «черные люди»: тело маатанина буквально встопорщилось мелкими кристалликами, словно человеческая кожа пупыршками от холода, превратилось в сrostок кристаллов разной величины, и каждый кристалл ожил, трансформируясь из одной формы в другую; вероятно, эти движения были аналогичны вспуханию и сокращению мускулов под кожей человека при ходьбе, только «мускулы» маатанина были твердыми, кристаллоподобными. Он превратился в металлическую глыбу, чем-то напоминающую вырубленную из грубого камня скульптуру человека с горбом-головой.

В мозгу Шаламова высветились слова:

– Про анализ полученные сведения хомо да. Ориентацеры нет функционира... нет информации положение проникател два... кто район галактика мы... нет...

– Этого и я не знаю. Наши проникатели пересеклись «на струне» и выпали в евклидовом пространстве, причем не просто в пространстве, а внутри горловины «серой дыры». Термин знаком?

– Термин знакомство да... нормальное проникател у цел...

– К сожалению, нас потихоньку затягивает в глубь «дыры», придется садиться на поверхность планеты, которую я обнаружил, хотя и не понял, откуда она взялась.

– Загде... нет да. Так... зачто... нет... зачем... вопрос.

– Вы хотите провалиться в «дыру»?

– Да так есто... необходимое... утверждение.

– Благодарю покорно! Тогда мне с вами не по пути. Если за время полета к планете никто не откликнется, я буду садиться.

Огненные ленты перестали трепетать в голове Шаламова, маатанин «замолчал». Шаламов выжидательно смотрел на него, чувствуя, что блокада собственной воли начинает сдавать, тошнота подкатывает к горлу, и темнота небытия накрывает его душной и болезненной волной. К тому же то и дело руки и ноги начинали казаться манипуляторами или гибкими рукавами-шлангами – давал о себе знать синдром механошока после прокачки через мозг памяти компьютера.

Ощущение взгляда со стороны внезапно исчезло, будто выключили пси-излучатель. Металлическая гора «черного человека» – маатанин потерял сознание. Впрочем, Шаламов и сам был на грани срыва, езда на «мустанге» отняла у него немало сил и здоровья. Пробормотав извинение, Шаламов доплелся до рваной дыры в гондоле своего шлюпа, свалился в кресло и поплыл в забытие, не чувствуя, как корабль начал осторожно лечить, массажировать, кормить и поить своего господина.

Глава 3

«Кентавр» с прицепом маатанского корабля достиг обнаруженной планеты спустя трое суток.

Человек очень быстро привык преодолевать колоссальные межзвездные расстояния, которые свет преодолевает сотни, тысячи и даже миллионы лет, и как-то упустил из виду, что, случись авария или какое-то происшествие, обрекавшее его на вечное блуждание между звезд, без своих совершенных машин для преодоления пространства он становится абсолютно беспомощным. И хотя подобные происшествия происходили редко, каждый из попавших в беду разрабатывал философию одиночества, потрясенный открывшейся перспективой. Шаламов тоже был в шоке, хотя закаленный характер и не позволял ему поддаваться панике.

За время полета к планете он дважды пытался завязать беседу с маатанином, который то и дело проваливался в «коматозное состояние», но помощи так и не попросил, а на предложения пилота отвечал равнодушным: «Хомо гуманоидо жидкие Землие да нет», – что в устах «черного человека» соответствовало, наверное, старой поговорке, перелицованной на новый лад: «гуманоид негуманоиду не товариш».

С помощью диагностера и Джорджа Шаламов как мог обследовал «черного нигилиста» и пришел к выводу, что жить тому осталось немного: запасы энергии у маатанина почему-то истощались гораздо быстрее, чем его снабжала собственная система жизнеобеспечения. Впечатление было такое, будто энергия от питателей утекает в какую-то «черную дыру» внутри маатанина, и в то же время приборы вопреки смыслу фиксировали в теле «черного человека» громадные запасы энергии. Почему он не мог ими воспользоваться, оставалось непонятным.

Надо было что-то делать, но пилот не знал – что. «Черный человек» был прав: земная медицина не могла ему помочь, не имея сведений и знаний о метаболизме негуманоида, параметрах обмена и жизненных циклах.

Шаламов еще раз попытался обследовать чужой корабль в надежде найти живого и здорового члена экипажа и снова потерпел неудачу. От электрических разрядов «мустанга» он защитился, надев пленочный скафандр, но обследовать за несколько часов гигантский проникатель-космолет, не зная принципов смены координат выхода лифта, было невозможно. «Мустанг» выбрасывал его то под купол башенки, торчащей на воротнике «панциря черепахи», то в глубокие колодцы, то в широкие гrotы с мерцающими сводами, заполненными таинственными движущимися или неподвижными предметами, однако живых маатан, равно как и мертвых, в этих помещениях не оказалось.

В башенке, стены которой были оптически прозрачными, Шаламов задержался, с невольным благоговением любясь сиянием Горловины, как он стал называть вход в «серую дыру». Подумал: поверит ли кто-нибудь его рассказу? Ведь чтобы оценить своеобразие «серой дыры», ее надо увидеть. И все же он попробует рассказать... если вернется. Обязан вернуться! Спасатель всегда должен возвращаться, иначе какой он тогда спасатель.

Шаламов прищурился, вглядываясь в лучистое мерцание воронки «серой дыры», сходящейся в точку на пределе видимости. Куда же ты ведешь, самая древняя из «струн»? В какие измерения, в какие пространства? Осью какого мира ты служишь? И почему ты «не заросла», как другие «серые дыры»? Может быть, не только я один «провалился» в Горловину? Ведь оказалась же здесь каким-то чудом целая планета! Улыбнись, Фортуна, помоги встретить своих и пусть даже не своих, но хотя бы друзей – гуманоидов...

Вернувшись на корабль, Шаламов попытался помочь Джорджу с ремонтом станции связи, но координатор, сам травмированный при аварии, не принял его предложения и опять обиделся, перестав разговаривать. В это время «Кентавр» догнал тело, которое Джордж принимал за планету, и ошеломленный Шаламов наконец разглядел, что это было на самом деле.

Перед ним висел, медленно вращаясь, слабо освещенный сиянием Горловины колоссальный куб размером с небольшую планету типа Марса! Как и нормальная планета, он имел сфероидальную атмосферу, над которой возвышались лишь «горные пики» углов куба, и моря, занимавшие большую часть каждой грани. В центре каждого моря располагались архипелаги больших и малых островов, а материков Шаламов не заметил вовсе, если не считать материками ребра планеты-куба, играющие здесь роль горных хребтов. На базе своих знаний и логических умозаключений Шаламов мог смело назвать это тело искусственным объектом, но что-то останавливало его сделать окончательный вывод, какие-то неясные предчувствия да еще соседство «черного человека», который признался, что цель его полета – именно «серая дыра». Не их ли тогда это сторожевой пост у входа в Горловину? Правда, не видно развитой инфраструктуры, которая непременно должна иметь место, будь планета населена расой конструкторов куба, и обширной сети искусственных спутников и станций, формирующих архитектуру околопланетного пространства. По всем признакам планета необитаема, хотя, по данным экспресс-анализа, имеет кислородную атмосферу.

К такому же мнению склонялся и Джордж, несмотря на открытие им на островах каких-то почерневших развалин. Шаламов тем не менее обрадовался, углядев шанс встретить обитателей развалин и попросить у них помощи. Не привыкший сокрушаться о несбывшихся надеждах, он ввел себе стимулятор, подключил через Джорджа мозг к искаленной системе датчиков, исполнительных машин и контуров защиты дисциплинатора, принявшись сажать на одну из граней куба почти неуправляемую связку шлюпа с маатанским кораблем.

Когда все закончилось, Шаламов с неожиданным сочувствием вспомнил о «черном человеке», потрогал свои соленые губы, не то от крови, не то от пота, подумал: «Губы, кажется, всмятку», и потерял сознание.

Пришел в себя через пять часов, так велики были потери сил и «засорение» мозга информационными шлаками – сигналами регистраторов, радаров, исполнительных вычислителей траектории, обработчиков команд, – чем обычно оперировал только инк. В голове шумело, перед глазами все плыло и качалось, руки не слушались, но пилоту удалось перекинуться парой слов с координатором, после чего, успокоенный, он снова впал в беспамятство, проспал еще около семи часов, не чувствуя, как медицинский комплекс, отвечающий за здоровье хозяина, пытался лечить его, поить и кормить, подавая питающие, укрепляющие и стимулирующие препараты прямо в кровь.

Проснулся почти свежим, бодрым, отдохнувшим и первым делом проверил состояние маатанина: «черный человек» был жив, судя по медленной пульсации электрических и пси-полей в его теле, однако на пси-контакт не шел.

Шаламов определил положение «Кентавра» и остался доволен своим мастерством: грохнулись они точно по расчету – «черепаха» чужого корабля послужила посадочной «подушкой», а шлюп сыграл роль наездника. Теперь предстояло заняться внешним осмотром и попытаться найти аборигенов, способных хоть как-то помочь в беде. Пилот еще раз проверил данные экспресс-анализа и с неохотой констатировал, что придется-таки надевать если не скафандр, то, во всяком случае, маску-фильтр: воздух планеты-куба, несмотря на присутствие кислорода и азота, имел иной изотопный состав, дышать им было нельзя.

Экипировавшись для пробной вылазки, Шаламов разблокировал люк и с трудом, сдерживая проклятия от ломоты в суставах, вылез на смотровой балкон в корме «Кентавра».

Сначала его оглушила, сбив дыхание, странная смесь сладковатых и кисло-острых запахов: кипрей, клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон; маска-фильтр пропускала практически все безвредные газовые смеси, задерживая только ядовитые, опасные для здоровья и совсем незнакомые. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла как в вакууме – таково было первое впечатление.

Обычного для дневной поры на любой «нормальной» планете солнца в небе не оказалось, но света хватало: казалось, он льется отовсюду, не отбрасывая теней, окрашивая небо в нежно – розовый, с перламутровыми переливами, цвет. Левая часть небосклона скрывалась за грядой высоких, кипенно-белых, с яркими рубиновыми прожилками облаков.

Холмистая равнина простиралась вперед и до самого горизонта, справа переходила в каменистое плато, заканчиваясь группой невысоких желтых скал; а слева, совсем недалеко от упавших космолетов, начинались необычно черные, словно недавно выжженные огнем развалины большого города, состоящего, на сколько хватал глаз, из одних толстых, пересекающихся под разными углами стен. Ни одной крыши Шаламов не заметил, как, впрочем, и других деталей, соответствующих понятию архитектуры городской застройки: стены, стены, стены до горизонта, черные наверху и светлеющие до пепельного оттенка к основанию.

– М-да, – промышчал Шаламов, переживая острый приступ желания проснуться. – Не хватало мне стать причиной какого-нибудь межпланетного конфликта...

Он вернулся в кольцевой коридор и сформировал смотровой балкон с противоположной стороны.

«Черепаха» маатанского корабля пропахала при посадке широкую и глубокую борозду в почве планеты, и над этой серо-зеленой бороздой вспыхивали снопы долго не гаснущих искр, которые Шаламов принял поначалу за бабочек или мелких светящихся птиц.

«Интересно, – подумал пилот, – если причина пожара в городе не мое приземление – а это видно, слава богу, невооруженным глазом, мы до города не доползли, – то когда и по какой причине он сгорел?»

С высоты в триста с лишним метров было видно, что воды моря, окружающие остров со всех сторон, похожи по цвету на расплавленный янтарь или мед. И нигде ничего – ни на глади моря, ни в воздухе, небо пустынно и чисто. Тишина...

Что ж, пока не на что жаловаться, если следовать принципу оптимизма. При столкновении «Кентавр» не взорвался – первая удача. Не попадись в Горловине планета-куб, его могло затянуть в «серую дыру» – удача номер два. Промახни Шаламов мимо острова – утонул бы в море-океане, попробуй потом вылезти оттуда! Осталось разобраться с аборигенами: раз есть город, значит, должны быть и его хозяева. А коли так, то появляется шанс выбраться отсюда и помочь маатанину. В таком случае нарекаем планету, этот шедевр кубизма, именем Шанс, и да поможет нам Фортуна! Аминь!

Разложив таким образом «по полочкам» имевшуюся информацию, Шаламов мог теперь как следует рассмотреть маатанский корабль-проникатель при почти дневном освещении и еще раз убедиться в том, что технические сооружения негуманоидного разума, переживающего технологическую стадию эволюции, необычны, удивительны и кажутся далекими от совершенства, хотя на самом деле просто функционально приспособлены решать задачи своих повелителей, смысл и цели которых зачастую так и остаются непонятными людям.

Корабль маатан только издали напоминал черепаху, а с расстояния в пятнадцать метров он походил на обросшего полипами, ракушками, водорослями и прочей светящейся и мигающей живностью исполинского кита. Непривычного человека это зрелище привело бы в содрогание, но Шаламов в бытность свою разведчиком-первопроходцем повидал немало на своем веку, в том числе поистине жуткого и чудовищного, поэтому он только отметил знакомые геометрические формы и мимолетно подумал, что маатанину свой корабль починить будет гораздо сложнее. Если только он выживет в этой передрыге...

Подкрепившись питательным и к тому же вкусным бульоном, Шаламов предпринял новую попытку разбудить «черного человека», но тот по-прежнему не отзывался, застыв бугристой, черной сверху и бронированной снизу, похожей на старого сивуча тушей. Тогда пилот переделался в кокос – компенсационный костюм спасателя, имеющий ко всем своим достоин-

ствам еще и прямую связь с координатором, нацепил антиграв, респиратор и вышел в вечный день чужого мира, которому дал название Шанс.

До развалин города решил пройти пешком. Идиллическая тишина настраивала на философские размышления, а прекрасная ласковая погода, чем-то напоминающая земное бабье лето умеренных широт, настраивала на умиротворение и спокойствие. Джордж включил исследовательский комплекс и объяснил здешнее «лето» равномерным потоком тепла, идущим из глубин моря, а значит, из ядра планеты-куба, и поддерживающим на планете всюду одинаковые погодные условия. Сгоревшие закопченные развалины, к которым подходил Шаламов, никак не вписывались в концепцию безмятежного, размеренного бытия планеты. Что же здесь, в конце концов, случилось, черт побери?!

Шагая по негустой желтой траве, Шаламов спустился с холма, в который упирался уродливым носом маатанский корабль. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на сапогах. Воздух был насыщен электричеством, словно облако, готовое пролиться дождем-влагой, и кожу на щеках и на лбу слегка пощипывало при ходьбе.

Шаламов принялся: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал столь остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный запах, напоминающий аромат масличной пальмы.

Координатор, подключенный контуром пси-связи напрямую к мозгу, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об «электрических карманах» – неизвестной глубины круглых ямах, заряженных статическим электричеством, которые встречались довольно часто и были, похоже, разбросаны по всему острову. Шаламов выслушал сообщение, пожал плечами и обошел яму на почтительном расстоянии.

Черно-серые стены города приблизились и накрыли спасателя ощутимо теплой тенью. Датчики, встроенные в костюм, сообщили температуру стен: около сорока двух градусов по Цельсию. Шаламов с недоумением взгляделся в представшие перед ним развалины. Больше всего они напоминали срубки неровных стен разной толщины – от двух дециметров до двух метров, разной длины и высоты: ничего похожего на геометрический порядок, расчет, логику и гармонию, соответствующие понятию пилота об архитектурных сооружениях. Но главное, что развалины, низкие и редкие на окраине, вскоре переходили в поистине непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонки, буквально сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», «хижины» и «дворцы» без кровли, с окнами-дырами и дверями-проводами... Температура воздуха в городе была градусов на двадцать пять выше, чем вне его, повысилась и концентрация горьких примесей в нем.

Шаламов забрел в тупик, остановился и потрогал стену ближайшего здания: поверхность ее была бархатистой, горячей на ощупь, как шкура живого существа, с тонким муаровым рисунком, видимым только вблизи и напоминающим загадочные письмена, и поверхность эта... вздрагивала! Шаламов приблизил ухо к стене и уловил внутри ее медленную пульсацию какой-то жидкости.

«Господи, да ведь они живые! – сообразил он. – Клянусь Купавой, живые! Я слышу пульс, слышу гул пробивающейся по сосудам крови!..»

С минуту он прислушивался к четким, размеренным ударам сердца исполина и не сразу расслышал мысленный «шепот» координатора:

– Догадка верна с вероятностью ноль восемь. Отмечаю повышение пси-фона в районе города, рекомендую вернуться.

Тут только пилот понял, почему у него, по мере того как он углублялся в город, появилось ощущение чьего-то скрытого присутствия, взгляда в спину: он и в самом деле находился внутри большого скопления биомассы, обладавшей разветвленной нервной системой, которая и создавала пси-фон, биоизлучение «мысленного эха». Спасатель скомандовал антиграву подъем и

взлетел над «живым городом», внимательно вглядываясь в сплетение «улиц», «переулков», узких извилистых проходов, дворики, «площадей» и открытых «зданий». Теперь было ясно, что ни о какой системе в скоплении сросшихся стен речь не идет, перед человеком предстал самый настоящий лес! Выросший по своим законам, странный, жутковатый, похожий на развалины сгоревшего города, состоящий из «живых» деревьев-стен, но лес!

Шаламов записал картину стенолеса на видео и поднялся выше. Остров оказался плоским – в пределах холмистого рельефа, большим, а главное – идеально круглым, будто был вычерчен гигантским циркулем, и не имел береговой линии с пляжами и рифами. Он выступал из морских вод метров на сорок гладким цилиндром и будил в памяти ассоциации искусственных морских платформ Земли. Впрочем, Шаламов не слишком удивился сходству, вспомнив, что форма планеты – куб, искусственное происхождение которого не вызывало сомнений.

Остров почти полностью зарос «развалинами», «Кентавр» на «черепаше» маатанского корабля сел на его краю, а в самом центре острова пилот разглядел какое-то грандиозное сооружение: храм не храм, но нечто в этом роде, удивительно красивое, поражающее законченностью форм и эстетическим совершенством. У Шаламова дух захватило от поднявшегося волнения, хотя минуту спустя он отметил и некоторые отклонения в симметрии «скульптур» сооружения, нарушения в его структуре и очертаниях. «Оно не достроено, – догадался он без подсказки координатора. – Значит, где-то поблизости должны бродить и сами строители? В таком случае надо срочно готовиться к нештатному контакту, чтобы предстать перед светлые очи хозяев в нужной кондиции, не то пойдет гулять по здешнему миру легенда о небритом пришельце».

Порадовавшись своей вернувшейся способности не унывать в любой ситуации, Шаламов утихомирил боль в грудной клетке и помчался домой, где ждал его холодно-вежливый, но все же заботливый Джордж.

Глава 4

Маатанина он застал в тот момент, когда «черный человек» самостоятельно пытался заняться ремонтом рубки. Тот, кто метко назвал маатан «черными людьми», смотрел в корень: во-первых, маатанин, по сути, до сих пор оставался загадкой, «черным ящиком», никто из земных ученых не обследовал его и не знал параметров жизнедеятельности; а во-вторых, когда передвигался, то чем-то напоминал человека, вернее, карикатуру на него, грубый слепок.

Он сполз со своего гнездоподобного кресла и медленно двинулся вдоль стены рубки, превратив нижнюю часть тела в «ногу улитки». Шаламов никогда не видел, как передвигаются маатане, поэтому с любопытством и жалостью смотрел на слабые попытки коллеги разобраться в обстановке.

Черная сгорбленная фигура с намеками на плечи, голову и руки, одетая по пояс в сверкающие многогранные зеркала и колышущаяся при каждом шаге, как металлоподобный студень, тяжеловесно доползла до стены и замерла. «Кожа» верхней части туловища встопорщилась мелкими кристалликами и стала похожа на крупнозернистую наждачную бумагу. Одно «плечо» маатанина претерпело несколько быстрых трансформаций, меняя форму в строго детерминированном диапазоне геометрических фигур, и вдруг прошло сквозь стену. В то же мгновение «гнездо» в центре рубки превратилось в «жидкую» стеклянную чашу и скользнуло к маатанину, который без сил рухнул в нее грудой кристаллов разных размеров и форм.

– Осторожнее! – Шаламов подскочил к упавшему «черному человеку». – Не хватало мне еще собирать тебя по частям. Помощь нужна?

– Ничего... – высветилось перед глазами. – Нет помоч... нельзя да хомо команда зона операции... без мой да вход нет... нет понятное... вопрос.

Маатанин снова сформировал свое непослушное тело и полез в стену зала, но теперь ему было легче передвигаться по рубке – бывшее «гнездо» стало подчиняться его командам и превратилось в тележку-антиграв, перемещая хозяина со скоростью корабельного «мустанга». Однако энергии у «черного» хватило ненадолго. Он успел только включить экран, по которому тотчас же поплыли вереницы странных знаков, и потерял сознание – превратился в безжизненную глыбу не то камня, не то какой-то иной субстанции.

Шаламов вздохнул. Помочь маатанину он не мог, а сочувствием сыт не будешь. Он даже накормить коллегу не мог, не ведая, чем питаются негуманоиды и каким способом. «Может быть, попробовать подсоединиться к компьютеру его корабля? – мелькнула мысль. – Должен же у них быть компьютер или что там его заменяет – вычислитель-водитель, автомат».

– Подобное подсоединение стопроцентно гарантирует психическое расстройство, – буркнул Джордж. – А то и аннигиляцию личности. Тебе мало того, что получил? Да и откуда я знаю, на каких принципах работает их компьютер и каким образом к нему можно присоединиться?

– Нашел бы, если бы захотел... – Шаламов автоматически проверил экипировку. – Ладно, это беспредметный спор. Надеюсь, хозяева Шанса... знаешь, давай лучше назовем этот куб Стражем, вернее, Стражем Горловины, а? Так вот, хозяева Стража Горловины должны помочь нам починиться или хотя бы доставить «черных людей» на родину. Ну и нас, конечно.

Выйдя наружу, пилот бегло оглядел тело «Кентавра», глубоко вонзившееся в маатанский корабль, как топор в пень по самое топорщице, вздохнул и направил полет к «храму», с хладнокровным автоматизмом выполняя привычную работу разведчика: видеосъемки, замер параметров среды и наблюдение за всеми объектами, способными представлять опасность. Правда, в данном случае самыми опасными объектами были маатанский корабль и приближающийся «храм».

Чем ближе подлетал к нему Шаламов, тем необычнее становился облик колоссального строения. Оно на глазах теряло красоту контуров, четкую структуру, эстетику плавных гармоничных переходов, грубело и корежилось, пока не превратилось в топорную неизящную постройку-барак из плохо пригнанных многотонных глыб, пористых стен, гнутых перепонки, балок и витых поверхностей с невообразимо сложной системой связок и растяжек. Растерянный пилот затормозил, не веря глазам. То, что выростало перед ним, больше напоминало взорванный, но не разлетевшийся, а склеенный неведомой силой в момент разлета грузинский мглиовани – пещерный город. Пилот несколько минут разглядывал хаос «каменных» глыб и блоков, потом подал назад. По мере того как он удалялся от строения, жуткие вблизи разрывы, дыры, выпуклости и горбы складывались в красивый затейливый узор, корявые балки, столбы и шпили превращались в изящные башенки, мелкие детали исчезли, растворились на общем фоне, и вскоре перед потрясенным пилотом опять предстал великолепный «дворец», сотворенный явно не человеческими руками, но с подобными человеческим размахом и фантазией.

– Елки-палки! – удивился Шаламов негромко. Полюбовался на «дворец», снова приблизился к нему вплотную и вернулся в исходную точку: метаморфозы чужого строения не исчезли. Оно то становилось «храмом», достойным богов, то превращалось в жуткий ансамбль слепленных кое-как развалин. Причем пилот теперь убедился в том, что это чудовищное сооружение не недостроено, как ему показалось вначале, а наоборот, начинает разваливаться от старости: вблизи хорошо были видны иззубренные бреши в его стенах и обрушившиеся вниз блоки, погнувшиеся, корявые, неровные балки, похожие больше на гигантские кости и сухожилия с утолщениями и наплывами.

– Что ты на это скажешь? – обратился пилот к Джорджу.

– Не имею полной информации... – завел было обычную песню координатор, но Шаламов его перебил:

– Дай прогноз и перестань дуться, мы оба в одинаковом положении. Или хочешь остаться здесь?

Координатор поперхнулся и не отвечал несколько секунд, потом выдал сигнал метронома, что в переводе на человеческие эмоции соответствовало растерянному покашливанию, и сказал:

– Замечание учту. Даю прогноз: судя по этому сооружению, отсутствию развитой инфраструктуры и спутниковой архитектуры, планета имеет нуль психозоя, несмотря на все признаки искусственности.

– Иначе говоря, хозяев здесь нет, – уточнил Шаламов. – А может быть, перед нами памятник старины? И хозяева живут на других островах, а этот – заповедная зона?

Джордж промолчал. То ли учел замечание пилота, то ли сумел заменить несколько поврежденных нервных узлов и понемногу приходил в себя, обретал былую интеллектуальную форму.

«Приду – проверю, – подумал Шаламов, блокируя канал пси-связи с координатором. – Похоже, придется поработать с оптимизатором, сам Джордж вряд ли вылечит себя полностью».

Пилот осторожно опустился на горизонтальный участок одной из угловых башен сооружения, похожей на полный складчатый волдырь, усеянный рваными дырами, словно по нему стреляли из гранатомета. Материал крыши, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, на камень или металл не походил.

– Кремнийорганика с примесями солей бора, – сообщил Джордж. – Хотя я могу и ошибаться.

– Пора взяться за исследования всерьез, если мы не хотим неприятных сюрпризов здешней природы. Наш исследовательский комплекс сдох, попробуй расконсервировать «пчел» из основного груза, если, конечно, он не поврежден.

– Извини, шкипер, «пчел» я уже запустил, сохранилось всего три контейнера, около сотни штук. Пока есть ресурс, они будут работать.

Как и любой спасательный шлюп, «Кентавр» имел кибсистему анализа полевой обстановки, «пчелы» были рабочими органами этой системы, сборщиками информации, но так как в результате столкновения оборудование шлюпа пришло в негодность, Джордж догадался использовать «пчел» из перевозимого «Кентавром» оборудования.

– Маяк все еще не работает?

– Ему досталось больше всего, ремонту практически не подлежит. Я пытался запустить дубль, но и он, вероятно, влип в материал чужого корабля, причем всем рабочим объемом.

– Вот повезло, а? Нечем даже хозяев позвать, разве что покричать: караул.

Шаламов включил антиграв и, преодолевая налетевший откуда-то ветер, сквозь одну из дыр в оболочке опухлевидной башни влетел внутрь. В то же мгновение его подняло вверх и вжало спиной в купол потолка. Внутри башни царил невесомость!

«Вот откуда здесь сквозняк, – сообразил Шаламов, – а развалины-то функционируют! Не получилось бы, как с прогулкой по маатанскому проникателю...» Он уравновесил себя в центре башни и осмотрелся. Здесь было довольно светло, стены башни казались обмазанными толстым слоем слабо светящейся икры. Пол помещения сходил из двумя неровными оплывшими конусами к двум отверстиям. Одно из них напоминало прорубь во льду, затянутую свежим морозным узором, второе давилось мраком, осязаемо густым, как желе. Шаламов осторожно приблизился к отверстию, заглянул внутрь и увидел длинный мрачный туннель, уходивший куда-то глубоко в недра здания, а на дне его мерцал странный багровый отблеск, будто там догорал костер. Интуиция подсказывала пилоту, что идти в этот туннель не стоит.

– Ты согласен со мной? – позвал он координатора.

Никто не ответил.

– Проводник, в чем дело?

Молчание. Глухая ватная тишина и в пси-диапазоне. Этого еще не хватало! Выходит, стены экранируют все виды связи?

Шаламов полюбовался на «прорубь», испытывая желание разбить «лед» рукой, потом на уходящий вниз туннель с «отблесками костра», вспомнил Верхарна: «Пространство, сплющенное между скал, смотрело на него горящими глазами», – и вылетел из башни наружу. Время экспедиции по чужому зданию неизвестного назначения еще не пришло. Тотчас же послышался мысленный «голос» координатора:

– ...дите! Даниил, почему молчите? Где вы! Я вас не слышу, сообщите координаты местонахождения... – Джордж нервничал и перешел на «вы».

– Все в порядке, старина, я никуда не исчезал, здесь, оказывается, зона блэк-аута.³ Не паникуй, если связь снова прервется, попробуй на всех доступных диапазонах еще раз позвать хозяев. На нашем острове их явно нет, но ближайшие острова могут быть заселены.

– Мощности уцелевшего радиопередатчика не хватает даже на двести километров, но я давно пробую, вторые сутки.

– Как там наш «черный друг»?

– Плакал.

– Что?!

– Это образное выражение, – поправился Джордж. – Он очнулся, посидел у экрана, минут пять издавал жалобные стоны в звуковом диапазоне вместе с пси-волной тоски и горя, во всяком случае, очень похоже, и снова отрубился.

«Парень совсем ослабел, – подумал Шаламов озабоченно. – Кто знает, сколько ему жить осталось. Да и мои резервы не бесконечны, надо поторопиться с поисками аборигенов, не может быть, чтобы никого из них не осталось на целой планете. Сюда я еще вернусь, поищем вокруг».

Он облетел остров вдоль и поперек, но не обнаружил ничего, кроме «развалин леса». Остров был безлюден, если применять термин земного языка к отсутствию неведомых обитателей планеты, хотя в зарослях «стенолеса» вполне могли жить какие-то представители здешней фауны.

Понаблюдав за изумительно ровной и гладкой – ряби почти не было – поверхностью словно светящегося изнутри янтарно-медового моря, Шаламов заторопился домой, с нарастающей тревогой обдумывая слово «плакал», которым координатор охарактеризовал состояние маатанина. Конечно, ни о каком внешнем сходстве речь не шла, негуманоид не мог ни плакать, ни смеяться так, как это делал человек, но что его состояние близко подошло к критическому, было видно невооруженным глазом. А при подлете к сросшимся кораблям пилот стал свидетелем работы маатанской техники.

Горб проникателя вспучился, увеличивающийся волдырь – грузовой люк по-маатански – лопнул и со скрежетом выплюнул нелепую черную конструкцию, изломанную фантазией ее конструкторов, чем-то напоминавшую безголового Змея Горыныча. Дребезжа, как разболтанный вентилятор, она зависла на несколько мгновений над десятиметровым отверстием люка, встопорщила черные лохмотья перепончатых крыльев и перьев и, косо поднявшись в небо, исчезла в розовом сиянии.

– Наверное, зонд-автомат, – подал голос координатор.

– А где наши?

– Трудятся вовсю, принимают информацию, хотя исправен всего один канал.

– Готовь к походу куттер, через час попробую облететь планету и поискать хотя бы одну живую душу.

Шаламов вернулся в корабль и первым делом навестил маатанина. «Черный человек» был в сознании и торчал перед своим экраном, густо усыпанным светящимися, меняющими

³ Блэк-аут – полное прекращение радиосвязи.

форму узорами, но едва ли он видел эти узоры так, как человек, обладая совершенно другим аппаратом зрения.

– Он должен видеть в ультрафиолете и мягком рентгене, – подтвердил координатор. – Хотя не исключено, что диапазон его зрения сдвинулся и в фиолетовую область видимого света.

– Если у него рентгеновское зрение, представляю, каким он видит меня: скелет в сапогах и шлеме. – Шаламов подошел ближе к маатанину. – Как ты себя чувствуешь, дружище?

«Черный человек», не шевелясь, «оглянулся» – пилот почувствовал на себе его взгляд, – но не ответил. Только по шершавой пупырчатой коже конвульсивно пробежала волна более крупных кристалликов.

– Могу я все-таки чем-нибудь помочь? Например, что-нибудь отремонтировать...

– Жидкие Землие хомо нет помоч... утверждение... совсем другой... себе нет помоч груд да... больше нет беседа время да...

«Ну и что ему ответить? – с досадой подумал Шаламов. – Доказывать, что кто-то из конструкторов проникателей самовольно поменял диапазон частот генераторов „струны“? Он не поймет... потому что не хочет понимать. Винить соседа во всех смертных грехах – последнее дело, неужели он не понимает, что друг без друга нам не обойтись?»

«Черный человек» равнодушно «отвернулся» – давление его тяжелого взгляда исчезло – и занялся своими делами, а через минуту расслабленно оплыл в кресле, потеряв сознание. Он был невероятно слаб и так же невероятно упорен и не хотел – хоть убей! – просить помощи у какого-то там «жидкого хомо». Какие чувства руководили им? Гордость? Презрение? Равнодушие к судьбе «недоразвитого землянина», к своей собственной судьбе? Или понимание обреченности? И вообще, обладает ли чувственной, эмоциональной сферой негуманоидный разум?

Шаламов впервые пожалел, что мало интересовался раньше ксенопсихологией.

– У меня есть кое-какие данные из этой области, – откликнулся Джордж. – Мы знаем всего две негуманоидные цивилизации: маатанскую и орилоунскую. Ни та, ни другая в контакт с нами не вступают. Причины такого странного отношения к разуму мне неизвестны, вероятно, оно традиционно. Знаю только, что орилоуны обладают зачатками психокультуры и своеобразным искусством, что уже предполагает наличие эмоциональной сферы, однако их этика и мораль настолько отличны от человеческих, что всякие аналогии исключены. На то, что у нас вызывает смех или любопытство, они реагируют иначе, и точек контакта наши ксенопсихологи пока не подобрали. С маатанами, по-моему, положение примерно такое же.

– Что ты подразумеваешь под искусством негуманоидов? Цель искусства вообще – заставить работать мысль и воображение аудитории выше привычной нормы. Но это человеческий подход к проблеме, а как с этим у негуманоидов?

– Я просто констатирую факт утверждения ксенопсихологов об искусстве Орилоуха, больше ничего добавить не могу.

– Понятно, извини.

Шаламов вздохнул с сожалением, не видя выхода из создавшегося положения. Бредовая идея с подключением к памяти маатанского компьютера, чтобы тот сообщил ему варианты спасения хозяина, снова всплыла из трясины трезвой оценки происходящего, но пилот поспешил утопить ее коротким выпадом сарказма: не сходи с ума! Если уж подключение собственной автоматики к мозгу едва не повлекло фатального исхода и до сих пор ломило в костях от разного рода электромагнитных «шумовых» наводок, то что же получится при выводе на мозг чужеродной информации, да еще закодированной неизвестным образом? Нет, самый реальный выход из положения – как можно быстрее отыскать хозяев Стража Горловины, маатанин, судя по всему, долго не протянет.

Пилот отдохнул в своей уютной гондоле, запустив кассету психоразгрузки – луг, опушка березового колка, речной откос, вдалеке стадо коров, идиллия! – вытерпел массаж основных

групп мышц и незаметно для Джорджа подключил к цепи управления оптимизатор интеллекта. Это был своеобразный «массаж» для позитронного мозга координатора, способствующий регулированию его мыслительной деятельности и компенсации возможных «шизофренических» синдромов, возникающих в результате «болевого» шока после повреждений кристаллической структуры мозга. Джордж отреагировал немедленно:

– Отмечаю нерасчетные колебания контурных связей и наводки в периферийных цепях. Причин такой «щекотки» проанализировать не могу из-за отсутствия данных. Встревожен.

– Успокойся, проводник, – сказал довольный Шаламов. – Все в порядке, это вмешалась машинная терапия, терпи, как терпел я. Твоя фармакопоя, кстати, что-то слабовата, никак не может справиться с ломотой в костях, дал бы что-нибудь посерьезней.

– Посерьезней может быть только удар по затылку.

– О, кажется, подействовало! Ты уже юморишь. Машина готова?

– Как штык, – после заминки ответил координатор. – Не могу не согласиться, что мне такая терапия приятна, но почему я ничего не знаю о существовании на борту «машинной медицины»?

– Потому что это резервная сеть, рассчитанная на аварию с тяжелыми последствиями, и подконтрольна она только мне. Не обижайся, многое из того, что делают люди, рассчитано на их спасение ценой... э-э...

– Понял, – сухо отрезал Джордж и неожиданно съязвил: – Раньше люди, не надеясь на интеллект отдельных индивидуумов, предусматривали для компьютеров «защиту от дурака», а теперь решили перевернуть формулу. Поздравляю!

Шаламов опешил, не сразу разобравшись в юморе координатора, но потом не выдержал и засмеялся: по сути, Джордж был прав – оптимизатор являлся своеобразной «защитой дурака от компьютера». Значила ли реплика проводника, что он вошел в форму?

Ответом был короткий смешок Джорджа. Они поняли друг друга.

Куттер ждал пилота у аварийного люка, стремительный и красивый, похожий на плоского ската-хвостокла. Судя по высвету готовности на терминале ручного управления – полупрозрачном квадрате с набором сенсоров, используемом только при отказе системы пси-управления, Джордж перекачал из «баков» «Кентавра» в емкости аппарата почти все оставшиеся крохи энергии.

Шаламов устроился в мидель-захвате аппарата – пилот в куттере не сидел, а полулежал лицом вниз, упираясь в тубус обзорной сферы, – нахлобучил тугим шлем эмкана, как в обиходе все пользователи называли пси-рацию, и рванул куттер с места в джамп-режиме.

Глава 5

За двое суток, почти без сна и отдыха, он облетел практически острова всех шести морей на шести гранях планеты-куба, убедился, что острова похожи друг на друга как две капли воды: выступающие из янтарного моря верхушки цилиндров с плоской вершиной, сплошь покрытые зарослями «стенолеса». Кроме того, пилот обнаружил около сотни построек, похожих на первый «храм» у корабля, похожих не очертаниями, а парадоксальной особенностью восприятия: издали они казались совершенными, красивыми, хотя и необычными, сработанными без единого изъяна, однако вблизи производили впечатление полного разгрома, – но нигде не встретил хозяев планеты или свежих следов их присутствия. Возраст построек, по осторожной оценке Джорджа, везде был примерно одинаков и подходил к сотне тысяч лет, но развалинами они все же не были, внешний разрушенный их вид имел какие-то другие причины.

Однажды Шаламов встретил невиданный ранее летательный аппарат, издали похожий на красивого парящего кондора, но вблизи «кондор» смотрелся как сварганенный кое-как, из чего попало воздушный змей, ничуть не напоминающий величественную земную птицу, и на

сигналы не реагировал совершенно, направляя полет к одному ему известной цели. Может, то был автомат аборигенов, контролирующий состояние среды, а может, и маатанский зонд, исследующий новый мир.

Получая новые и новые порции сведений о кубообразной планете, Шаламов все больше убеждался в том, что открыл искусственный объект, созданный еще одной негуманоидной расой. Особенно изумляли его «леса» Стража, до умопомрачения похожие на настоящие развалины сгоревших дотла городов, крепостей, замков или старинных заводов. Джордж предложил назвать это чудо местной флоры и фауны вудволловыми лесами: от двух английских слов wood – лес, и wall – стена, и Шаламов, поколебавшись, принял предложение: вудволловый лес – тавтология, конечно, однако звучит гораздо приятнее, чем прежнее «стенолес».

Устав так, что в который раз пришлось прибегнуть к укрепляющим и тонизирующим препаратам, пилот снова вернулся к мысли о прямом подключении к компьютеру маатанского корабля. Такое подключение при счастливом стечении обстоятельств помогло бы не только найти способ связи с маатанами, что в перспективе способно было спасти и самого экспериментатора, но и найти метод лечения маатанина. Однако шаг этот был настолько рискованным, что Джордж даже не захотел подсчитывать вероятность благоприятного исхода, охарактеризовав одним словом «дурак» шансы пилота остаться живым и нормальным человеком.

Шаламов снова кинулся в поиск аборигенов, несказанно мучаясь от дикого напряжения: в управляющем компьютере куттера полетел дисциплинатор, и приходилось напрягать волю, чтобы куттер летел туда, куда надо, и не реагировал на «побочные шумовые» мысли пилота, сбивающие компьютер с толку. Мыслеуправление всегда требовало от водителей чрезвычайно строгой дисциплины мысли, и Шаламов справился с управлением потому, что был одним из лучших драйверов-прима СПАС-центра с пятнадцатилетним опытом пилотирования любой техники.

Он сутки обследовал «горные хребты» ребер планеты-куба, монолитные, усыпанные крупными порами, но голые и безжизненные, а потом запасы энергии в емкостях куттера иссякли, и пилот с трудом дотянул до цилиндра-острова с «храмом», посадив аппарат за тридцать километров от сросшихся кораблей. Поплутав по «развалинам» вудволлового леса – антиграв без энергии тоже не тянул, – он за шесть часов кое-как доплелся до «Кентавра», и сил его хватило только на ответ Джорджу, взгляд на тушу «черного человека» и на решение о немедленной подготовке к подключению. Ждать до тех пор, пока у Джорджа кончатся и оставшиеся в наличии скудные запасы энергии, без надежды на их пополнение, не имело смысла.

– Давай лучше подключусь к нему я, – предложил Джордж, когда Шаламов привел себя в порядок. – Риск намного меньше, к тому же я машина.

Пилот отрицательно помотал головой.

– Извини, старина, твои возможности самоподстройки в таких условиях невелики, а я специально тренирован на выживание в экстремальной среде. Вспомни, как нас называют поэты, любители громких фраз. Правильно, рисконавтами! Ну а меня кто-то прозвал «сверхрисконавтом СПАС-флота». Да и случись что с тобой, мне одному все равно не выкарабкаться, так что риск остается. Ты лучше помоги избежать первого вазомоторного шока. Запускай «пчел» внутрь этого маатанского монстра, даю тебе сроку на исследование корабля сутки. И час на анализ работы его компьютера. Больше ждать мы не имеем права, «черный» почти готов, а мы как-никак спасатели.

– От упрямства нет лекарства, – сказал Джордж сердито и надолго замолчал. Он тоже был почти мертв, энергии хватало лишь на минимум жизнеобеспечения кабины пилота и на исследовательские работы. Шансы починить «гавкнувшиеся», по выражению пилота, многодиапазонные накопители таяли с каждым часом, «Кентавр» давно перестал быть межзвездным спасательным шлюпом, восстановить его собственное и перевозимое им оборудование было уже невозможно.

Шаламов попробовал еще раз подключить к маатанину диагностер, но Джордж обругал его вредителем и посоветовал «подышать свежим воздухом»: земная медицина была бессильна дать прогноз здоровья негуманоида, не имевшего внутренних органов в обычном понимании этих вещей. А сам маатанин все с тем же беспощадным фанатичным упрямством не желал разговаривать, несмотря на бедственное положение, и в короткие минуты полного сознания отгораживался от пилота давящим мысленно-психологическим барьером; Шаламов ощущал этот барьер каменной стеной с бойницами, за которыми притаились вражеские лучники с колчанами, полными стрел.

Однажды он не выдержал и упрекнул маатанина в его непровоцированно негативном отношении к людям.

– Это же безнравственно, наконец! – закончил он в сердцах.

И получил потрясающую в своей простоте, совершенно неожиданную отповедь:

– Хомо людно сам безнравство. – «Черный человек» помолчал, «глядя» на замершего Шаламова недружелюбно и мрачно (так его взгляд ощущал пилот). – Людно отношение при-рода нравство... вопрос. Нет. Много время нет. Мы знание... вопрос нет.

– Нет, – ответил Шаламов.

Больше они не разговаривали. Основную часть времени маатанин проводил в состоянии застывшей металлической горы и бредил: в мозгу пилота вспыхивали сами собой причудливые фигуры, таинственные тающие призраки, ползущие «ангелы» с крыльями птеродактилей, обрывки слов и фраз...

Гулять по «стражгорловианской» электрической природе не хотелось, в основном из-за непрекращавшихся болей в позвоночнике и в костях, но пилот заставил себя облачиться в легкий пленочный скафандр, надел антиграв и снова полетел к загадочному «храму», присутствие которого волновало душу и заставляло прикидывать возможности контакта со строителями, искать причины их непонятного исчезновения.

Облетев эту колоссальную постройку кругом, пилот вдруг опять вспомнил строки Верхарна, удивившись их созвучию с явью: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки от какой разрушенной Вселенной?» Древний бельгийский поэт словно своими глазами видел мир Стража Горловины и писал о нем. Господи, что же это за куб, равный планете? Для чего он построен почти сто тысяч лет назад? Зачем ему моря, атмосфера? «Храмы», наконец? Почему они покинуты? Ау, строители, где вы?..

Эфир молчал. «Храм» безмолвствовал. Тишина прочно владела вудволловым лесом, островом, морем, атмосферой, планетой-кубом, построенной неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Только Джордж, в котором проснулось чувство юмора, не удержался от реплики, следуя заложенной в него программе поддерживать хозяина всеми доступными ему средствами:

– Видимо, техника у кубиан, или «стражгорловиан», как ты их обозвал, достигла такого совершенства, что они смогли обойтись без самих себя.

Шаламов невольно улыбнулся, расставаясь с оцепенением волшебных грез.

– Принимаю твое предложение: назовем аборигенов кубианами, так хоть не режет слух. Но ты не отвлекайся от основной задачи, шутник. Я тут поброжу в «храме», посмотрю, что это такое. Помни о прекращении связи.

Спасатель приметил достаточно широкий проем среди громадных пепельно-серых стен, торчащих «лепестками тюльпана», и проник в извилистый коридор, ведущий в шарообразную полость с мерцающими стенами. В полости, как и в башне при первом посещении «храма», царила невесомость, а стены ее, усеянные рваными дырами приблизительно одинаковых размеров – словно из полости хотели сделать дуршлаг, – мерцали искристым узором, как перламутровое песчаное ложе реки сквозь толщу воды солнечным днем. Одна из самых больших

дыр была похожа на стеклянное окно, затянутое морозным узором, а в глубине второй дыры мрак был какой-то странный, красноватый, будто отражавший отсветы далекого пожара.

Связь с координатором снова прервалась, однако пилота это обстоятельство не смутило, в нем все еще жила надежда на встречу с теми, кто создал странные «полуживые» города, «храмы» и вообще планету-куб. Кроме того, он терпеть не мог ничегонеделанья, предпочитая активно искать выход из любых, даже самых безнадежных положений. Осмотрев мрачное отверстие с «пожаром» внутри, Шаламов поспорил со своим внутренним «я», не рекомендовавшим залезать в туннель, нашел доводы оппонента убедительными и попробовал прочность «стекла со льдом». К его удивлению, рука прошла «стекло» без сопротивления и каких-либо неприятных ощущений. Тогда Шаламов окунулся в «окно», ничего не видя впереди, и в тот же миг его «разобрали на атомы», превратили в облачко газа, подержали в таком состоянии и снова «собрали»...

Шаламов инстинктивно подался назад и выбрался из «окна» в той же полости. Впрочем, не совсем в той: форма полости была иной, да и рваных дыр в ней не было вовсе. Рядом на него мрачно смотрел зрачок черного туннеля с отблесками пламени, аверху виднелся светлый кружок выхода. Пилот с замиранием сердца поднялся вверх и вылетел из башни «храма». И почти сразу увидел, что «храм» вовсе не тот, в который он залетел, и стоит он не на острове с поврежденными космолетами.

Хорошо, что надел скафандр с автономным питанием, пришла первая мысль. Вторая была эмоциональней, ибо характеризовала самого Шаламова не с совсем лестной стороны, он уже сообразил, что совершенно случайно влез в узел мгновенного маатранспорта хозяев Стража Горловины, точно так же как внутри маатанского корабля на «мустанга». Видимо, где-то на страницах Книги Бытия рукой судьбы ему было начертано дважды нештатно испытать на себе чужие транспортные системы.

– Джордж, старина, где ты? – позвал Шаламов, не надеясь на скорый ответ. Координатор не ответил. Он был слишком далеко, чтобы услышать слабенькую рацию скафандра. Впрочем, пилот не нуждался в советах, потому что уже догадался, как поступить. Все работающие станции сети мгновенного транспорта, по логике, должны были соединяться друг с другом, и даже прыжок в иную звездную систему не менял положения: вернуться оттуда обратно не составляло большого труда.

Налюбовавшись переливчатым сиянием Горловины, Шаламов вернулся в «пещеру» «храма», представлявшую собой машину перемещения, нырнул в «окно со льдом», испытал процедуру «рассеивания» на атомы и вынырнул из «окна» другой похожей «пещеры». Определив по свечению выход наружу, задержал дыхание и вылетел из «храма». Вылетел и забыл о приступах слабости, у него даже дух захватило от невероятной, нереальной по земным меркам картины: «храм» стоял точно на вершине куба, где сходились его исполинские ребра – «хребты» и грани с видимыми сквозь дымку атмосферы линзами морей. Слов, способных выразить состояние Шаламова, не было, да он их и не искал, забыв и о постоянных глухих болях в суставах, и о своем незавидном положении. Главными ощущениями были жадный интерес и восторг, граничащий с суеверным испугом: человеку было еще так далеко до строительства подобных чудес...

Третий прыжок занес спасателя в глубины моря, судя по коричневой тьме с желтыми прожилками за толщей стены, четвертый – снова на «хребет» ребра планеты-куба, пятый – в абсолютный мрак подземелья. Вернулась тягучая головная боль, которую не снимали ни гиперальгин, ни аутотренинг. Шаламов механически, с тупым равнодушием входил в окно переброса, выходил в новом месте, окидывал взглядом пейзаж и снова нырял в отверстие входа. Он едва не прозевал нужной точки выхода: очнулся, не глядя по сторонам, собрался шагнуть в «подернутую льдом прорубь» и вдруг понял, что ландшафт с вудволловым лесом, серо-желто-зелеными холмами и близким, светящимся желтизной морем ему знаком. Этот остров он уже

посещал, когда облетал моря на куттере в поисках аборигенов, и располагался остров не так уж и далеко от места посадки «Кентавра».

Однако после долгих размышлений пилоту все же пришлось еще раз войти в туннель мгновенного скачка: дойти своим ходом на антиграве до корабля все равно было невыносимо. Стиснув зубы, Шаламов заставил себя прыгнуть в «ледяное окно».

– Вези домой, ирод проклятый! – сказал он при этом с ненавистью.

«Ирод» – автомат перемещения – не обиделся и то ли читал мысли пассажира (надо было догадаться приказать автомату раньше), то ли Шаламову наконец повезло – вышел он на острове с видимым издалика маатанским кораблем и «гарпуном» «Кентавра». Как добирался к нему, отвечал ли на скороговорку обрадованного и потому страшно ругавшегося Джорджа – не помнил, потому что провалился в темный сон-беспамятство мгновенно, лишь только коснулся спиной мягчайшей изоляционной спинки кресла. И снова заботливые «руки» медицинского комплекса, встроенного в гондолу кресла, начали приводить его в чувство, растирать и кормить. Но вылечить его полностью автоматы все же не могли.

Глава 6

В последний раз окинув взглядом пустынный пейзаж острова, Шаламов задрал люк и спустился вниз, в свою жилую камеру, где ждала его подготовленная к работе система передачи информации. В отличие от Джорджа внутренний голос, уговаривающий его не рисковать – мол, не спасешь ни маатанина, ни себя, к чему эти эксперименты, когда есть Джордж, вот его и подключи, – замолчал только после того, как Шаламов разозлился и заставил свое второе «я» уйти в «подполье». Мысли о Купаве приходили все чаще, но с ними он справлялся без труда. Купава поняла бы его решение.

«Пчелы» поработали на славу, проникнув во все доступные микроавтоматам места маатанского корабля и собрав информацию о работе его систем энергооборудования и вычислительных комплексов. Джордж проанализировал поступивший массив информации и рассчитал варианты обратной связи с центральным компьютером чужака, хотя компьютером эту странную управляющую систему, строго говоря, назвать было нельзя: она скорее напоминала нервную систему живого существа, вживленную в металлокерамическую гору с кавернами, причем в гору, которая свободно трансформировала свою форму и создавала внутри себя любые пространственные объемы. Но каналы управления этим квазикомпьютером сводились к залу с полумертвым маатанином, и Джорджу было несложно определить точки главных выходов «терминала», с помощью которого «черный человек» управлял своим проникателем. Правда, Джордж, сконструированный для целей, далеких от решения лингвистических задач, действующий по законам антилогии, математики и физики, так и не сумел разобраться, какие сведения содержит память компьютера. Это мог сделать только Шаламов, включенный напрямую в цепь контроля. Причем дело осложнялось тем, что координатор не знал, какое из подключаемых «нервных узлов» – контуров памяти – содержит нужную пилоту информацию.

– Ничего, – пробормотал Шаламов, – включай поочередно, потом сам разберешься, что нам нужно, если я потеряю сознание. Но сначала помоги «включить» собственный резерв.

Джордж настроил аппаратуру лазерного иглоукалывания и вызвал у пилота состояние стрессовой гипермнезии – сверхзапоминания. О последствиях эксперимента разговора не было, Шаламов понимал, на что идет.

За час до этого Джордж попытался подключить свой дубль-блок к выходу одной из координирующих цепей маатанского компьютера, но это привело лишь к тому, что блок после включения выдавал на выходе бессмысленный набор слов и цифр. Конечно, можно было попытаться еще инициировать в дырбное серию коротких и длинных распадов, аналогичных сигналам азбуки Морзе, то есть дать SOS, однако эта, в общем-то, неплохая идея не гарантировала,

что сигналы будут услышаны и запеленгованы, потому что диапазон дырбоя был далек от тех аварийных частот, на которых слушают космос земные СПАСы.⁴ Шанс был, но у Шаламова не оставалось времени на ожидание ответа, «черный человек» почти не двигался и перестал высвечивать даже бред.

– Приготовились, – сказал Джордж. – Трехсекундный отсчет.

При счете «три» в мозг пилота хлынула лавина чужеродной информации, насыщенная невероятным «мусором» специфичных маатанских понятий, символов и знаков, яркими искрами и вспышками озарений и темными облаками абсолютного непонимания. Это впечатление прорвавшего плотину водного потока, несущего на спине различный мусор, пелену и нефтяные пятна, сохранилось у Шаламова и после окончания сеанса.

Продержался он ровно две минуты, затем боль информационно-токсического шока оборвала сознание.

Джордж отключил выход маатанского компьютера на сферу пси-приема пилота и быстро привел того в чувство, выветив перед глазами данные медицинского контроля: пульс, давление крови, температуру, частоту дыхания, тургорные характеристики мышц, кардиозапас.

– Может быть, хватит, мастер?

– Делай свое дело, – мысленно отрезал Шаламов. – И подклочи на всякий случай резервы памяти, может быть, что-нибудь запишется в параллели, только заблокируй входы основных управляющих центров, не то сам превратишься в маатанина.

Джордж послушно выполнил приказ и снова «вонзил» в голову пилота бесшумную молнию информационного разряда чужой машины.

Дважды Шаламов всплывал из небытия после ударов аффективного и спинального шоков и окончательно потерял сознание только после явного пресыщения мозга, в течение получаса работавшего со скоростью электронно-вычислительной машины и получившего колоссальный объект маатанских знаний.

Сутки после этого жестокого эксперимента пилот отдыхал, ослабевший до такой степени – мозг не смог переварить весь информационный поток и «саботировал» даже простейшие физиологические потребности, – что внезапно засыпал во время еды или испытывал приступы беспричинного удушья.

Джордж лечил его молча, без обычных нравоучений и ворчания, но не потому, что того требовал метод лечения, а из-за неясных ему патологических проявлений в работе многих внутренних органов Шаламова, возникающих в результате неадекватной работы спинного и головного мозга. Что-то разладилось в организме пилота, центральная нервная система стала источником «фантомных» болей и «перевернутых чувств»: Шаламов вдруг начинал «слышать» глазами, «видеть» кожей рук или «чувствовать» волосами температуру. Но все это было не страшно, на Земле излечивали и не такое, главными же источниками беспокойства Джорджа оставались идущие в глубинах психики пилота процессы перерождения интеллекта и памяти: в мозгу человека боролись две вселенные – человеческая и маатанская, негуманоидная, рождалась темная бездна чужих инстинктов и чувств, вспыхивали и гасли галактики странных психических состояний, проявлялась записанная в памяти информация, обработанная подсознанием.

Однако тренированный и сильный интеллект пилота в конце концов одержал верх, хотя никто, конечно, не мог предсказать, какими будут последствия необычного пси-контакта. Шаламов неожиданно заблокировал пси-связь с Джорджем и общался с ним только по радио. Несмотря на постепенное улучшение общего тонуса, он не мог пока ни самостоятельно дви-

⁴ СПАС – станция приема аварийных сигналов.

гаться, ни отправлять естественные физиологические надобности, и координатору приходилось ухаживать за хозяином в аварийном режиме.

На вторые сутки Шаламов потребовал дать ему рецептор прямой связи с исследовательским комплексом. Координатор выполнил приказ. Спустя минуту «пчелы» снова полезли в маатанский корабль, подчиняясь неведомым командам пилота. Что они там делали, Джордж так и не узнал, «пчелы» имели выход только на мозг Шаламова, и ни одна из них не вернулась в бункер кибер-комплекса. После этого пилот завладел памятью Джорджа и гипервычислителем, с помощью которого мог оперировать расчетами любой сложности со скоростью самого координатора, и в течение трех часов гонял вычислитель как бешеный, уйдя в дебри странных и неприятных вычислений, от которых Джорджу становилось не по себе: за вычислениями стоял мир чужих правил, знаний, математических и этических формул.

Шаламов потерял сознание неожиданно, работал он далеко за пределами человеческих возможностей и не «всплывал» из беспамятства около семи часов, бледный до синевы, с окаменевшими в судороге от непонятной тоскливой потери губами. Диагностер бесстрастно выдал столбец биопараметров пилота, и Джордж испугался по-настоящему: с расширением невралгии у Шаламова обнаружилось около десятка микроизлияний крови в мозг. Пилот нуждался в немедленной операции, но сделать это можно было только на Земле, координатор не был рассчитан на лечение человека с такими специфическими травмами.

Шаламов выкарабкался из пропасти небытия сам и снова задействовал вычислитель, а затем Джордж стал свидетелем того, как пилот превратился в хозяина маатанского корабля, оживив его исполнительную технику и дремлющую автоматику из числа оставшейся неповрежденной.

Какие-то корявые, с человеческой точки зрения, механизмы, похожие на ожившие творения абстракционистов, принялись чинить и латать зал управления, запеленали неподвижного «черного человека» в серебристую пленку и поместили под ажурный колпак, напоминавший грубо сделанную птичью клетку. Маатанин был еще жив и даже в сознании, но индифферентный, как и прежде, не желая ни общаться, ни принимать предлагаемую помощь.

Деятельность маатанских киберов прекратилась так же внезапно, как и началась: они разломали силовые отсеки и блоки управления «Кентавра», а также оборудование, которое он вез по назначению как спасатель-курьер, перенесли нужные Шаламову компоненты аппаратуры на маатанский корабль и вырастили на панцире «черепахи» корабля кособокую башню, по виду – «из рогов и копыт». Затем попрятались по своим норам. Все стихло. Тишина завладела кораблями, Джордж «затаил дыхание», готовый выполнить любой приказ командира, но Шаламов молчал по-прежнему и не включал пси-связь. Он был в сознании, даже улыбался иногда – сквозь невероятную усталость и непрерывную, терзающую тело и мозг боль. Глаза его были открыты, но Джордж знал, что пилот ничего не видит, его зрительные нейроны были парализованы.

– Все в порядке, старина, – прошептал Шаламов, услышав жалостливый «шепот» координатора. – Я все-таки не даром ношу значок мастера-спасателя... мне, наверное, хана, но с техникой «черного» я разобрался...

– Включите пси-канал, Даниил, – попросил Джордж, воспрянувший «духом», – я попробую снять аспекты, и мы поборемся с недугом.

– Нет, дружище, держись теперь от меня подальше, я стал для тебя опасен. Скоро за «черным» прилетят, я починил его тахеопередатчик, используя кое-что из нашего оборудования, иначе ничего не получилось бы, и дал SOS на их языке. Не вмешивайся ни во что... если я не смогу участвовать в контакте лично. Понял?

– Да, мастер. И все же еще раз прошу использовать медкомплекс, вдвоем мы хотя бы снимем болевой синдром. Кстати, если их передатчик работает, почему бы не позвать нашу аварийно-спасательную службу?

– К сожалению, частоты передатчика далеки от частот наших приемников, как и в случае дыробоя, едва ли наши астрономы службы пространства слушают в этом диапазоне, и я, конечно же, дал сигнал, остается только ждать.

– Но вас необходимо лечить! И как можно скорее. Я подключу диагностер.

Шаламов не ответил. У него не было ни сил, ни желания спорить, ни особого желания жить. В голове все еще вертелась одна-единственная фраза, уже почти не тревожащая душу: «Бедная Купава!...»

И тогда Джордж впервые нарушил приказ хозяина: преодолел порог команды запрета и включил контур мысленного съема. И получил сильнейший шумовой шок, превративший его в бесполезный кибернетический хлам – он «захлебнулся» чужой информацией...

Соплеменники «черного человека» прилетели за ним спустя десять часов после включения передатчика, починенного Шаламовым, но ни пилот, ни «сошедший с ума» Джордж не видели, как над островом зависла километровая кошмарная конструкция в пластинчатой броне, а из нее на «журавлиных гнездах» вылетели два десятка черно-золотых фигур. Маатане обследовали свой разбитый проникатель, не обращая внимания на торчащий из него «дротик» «Кентавра», забрали запеленатого, полуживого командира и через час улетели, оставив землянина в недрах своего покалеченного корабля, не сделав даже попытки анализа ситуации, не выяснив причины аварии и не узнав, остался ли кто-то в живых из экипажа земного корабля и нуждается ли он в помощи. Зато они потратили около четырех земных суток на монтаж ячеистой конструкции, напоминавшей пенал, уложили в ячей мертвых собратьев и направили «пенал» в глубину «серой дыры». Уходя из Горловины, они оставили у планеты-куба маяк, высвечивающий галактическим кодом фразу: «Владение Маата. Входить, изучать, пользоваться запрещено!»

Часть II Человек-Да

Глава 1

Заремба посмотрел на Мальгина как-то по-особенному, с любопытством и сожалением, словно знал о нем нечто не укладывающееся в рамки общественного мнения о товарище.

– Ты еще не в курсе?..

Мальгин, только что вошедший в служебный модуль, с давних времен называемый кабинетом, не оглядываясь, сделал жест – заходи. Одет он был по обыкновению в голубую рубашку с черной искрой, черным воротником и черными обшлагами рукавов, в белые брюки и такие же туфли.

Заремба остановился на пороге, глядя на прямую развитую спину заведующего отделением нейропроблем, надежную спину уверенного в себе, уравновешенного и сильного человека. Повторил:

– Так ты еще не знаешь новость?

Мальгин сел за стол, включил автоматику, формирующую рабочую поверхность: из черной блестящей плоскости стола вылез «бутон» эмкана, линза селектора виома, информационный блок, сетчатый карандаш киб-секретаря. Наконец Мальгин поднял спокойный взгляд серых глаз, способных становиться прозрачными до ледяной твердости, искриться сдерживаемым, всегда запрятанным в глубине смехом или прятаться за бровью иронического прищура.

– Не бери меня на арапа, Иван. Ох и не люблю я твою манеру сообщать неприятные новости.

Заремба, не вынимая рук из карманов, прошел на середину уютного кабинета заведующего отделением.

– Час назад привезли Шаламова...

Глаза Мальгина сузились, похолодели, стали почти прозрачными.

– Не понял. Что значит привезли?

– Он очень плох, попал в какой-то переплет при аварийном курьерском посыле или, как у них говорят, – кенгуру. У него коматозное состояние, колониальный невррит... – Заремба замолчал, глядя, как «железный» Мальгин вдруг побледнел, вернее, побелел, так что губы его стали синими, под цвет оттенка рубашки. Длилось это несколько мгновений, заведующий тут же взял себя в руки, но цвет лица вернулся к нему не скоро.

– Где он?

– В первом боксе, у Стобецкого, над ним сейчас колдуют сам Готард и Билл-старший со всеми своими «вивисекторами». Таланов обещал собрать консилиум, искал тебя, но не нашел.

– Я был на корте, – машинально сказал Мальгин и стремительно вышел из кабинета, хотя мог бы связаться с клиническим отделением Готарда Стобецкого по селектору. – Кто его привез? – спросил он уже на ходу, вскакивая в коридоре в первую попавшуюся «улитку» институтского конформного лифта.

– Спасатели, кто же еще, – забубнил Заремба в спину. – Некто Жостов и двое врачей, одного я немного знаю по практике – Джума Хан, врач «Скорой».

«Улитка» вынырнула из коммуникационной шахты у двери с зеленой полосой под номером два, бесшумно свернула прозрачные перепонки выхода.

Бокс номер два был собственно нейроклиникой, и заведовал ею Готард Стобецкий, нейрофизиолог и врач с тридцатилетней практикой. Шел ему шестьдесят второй год, но выглядел он на тридцать пять: молодой, гладколицый, уверенный и обстоятельный до пунктуальности.

Ошибался Стобецкий редко и, вероятно, поэтому не допускал мысли, что может быть не прав. Это его качество раздражало Мальгина, но в остальном они давно притерлись друг к другу и хорошо знали свои возможности, сильные и слабые стороны, хотя это не мешало им вести деловые и неделовые споры и отстаивать свою точку зрения. Но не до вражды.

Пространство клиники было функционально и эстетически организовано таким образом, что любая палата – а их было около трех десятков – имела прямой лонж-выход в операционный и процедурный комплексы, и выглядело это ячеистыми янтарными выступами, напоминавшими обнаженные светящиеся пчелиные соты, которые упирались в причудливо изогнутые палевые «бутоны» реанимакамер. Дежурный терминал управления операционной прятался в хрустально-белом «бутоне», сквозь стенки которого были видны врачи за двумя развернутыми пси-вириалами⁵ стационарного диагностера и медицинского информ-банка.

Стобецкий, заметив заведующего первым отделением, жестом попросил соседа освободить кресло. Мальгин, кивком поздоровавшись со всеми и пожав Готарду руку, сел. Виом напротив показывал внутренности реанимакамеры с телом Шаламова. В правой верхней четверти оперативного фронта изображения загорались и гасли строки бланк-сообщений, а чуть ниже – данные медицинского анализа.

– Нечто странное, – отрывисто бросил Стобецкий. – У него парадоксальный статус абсанса,⁶ резко нарушена нейроцитоархитектоника мозга: таламус сплюснен и загнан в нейтропиль, оба полушария срослись в одно целое, промежуточный мозг проник в средний, сетчатое образование исчезло, мозжечок увеличился в объеме в два раза... ну и так далее. Никогда не видел ничего подобного!..

Левая нижняя часть виома отразила голографический разрез мозга пострадавшего. Алая стрелка показала узлы нарушений и переродившиеся участки коры.

– Кроме того, ПНС⁷ у него расположено прямо над тазом, а не на границе брюшной полости, – добавил заметно волнующийся Билл-старший, заместитель Стобецкого, приступивший к работе всего три дня назад. – Такое впечатление, будто оно «сползло». А corpus callosum⁸ увеличилось и соединило полушария!

– По данным коллег, – Стобецкий кивнул в сторону группы мужчин в фирменных голубовато-зеленых комби – такие носили все врачи «Скорой помощи» и спасательной службы, – его организм большую часть времени отказывается регулировать деятельность внутренних органов.

– Что значит «большую часть времени»?

Один из гостей, рослый, черноволосый, загорелый до цвета красной меди, с хищным носом и черными цепкими глазами, придвинулся ближе.

– Это значит, что иногда этот парень вдруг сам выкарабкивается из беспомощности и организм начинает ему подчиняться. Не надолго, на три-четыре минуты, но и это удивительно, ведь, по сути, он фрустрирован.⁹

– Простите, с кем имею честь?

– Джума Хан, – представился черноволосый, и Мальгин понял, что его загар – нормальный, естественный цвет кожи.

– Нейрэктомия¹⁰ делали? – спросил Стобецкий, манипулируя секторами диагностера.

⁵ Пси-вириал – блок управления с конформным преобразованием аппаратуры, заменивший устаревшие пульта; содержит аппаратуру звукового и мысленного (пси) управления.

⁶ Статус абсанса – состояние больного, характеризующееся серией абсанов (кратковременных потерь сознания с последующей амнезией), в промежутках между которыми сознание полностью не восстанавливается.

⁷ ПНС – превертебральное нервное сплетение.

⁸ Мозолистое тело (лат.).

⁹ Фрустрация – дезорганизация сознания личности.

¹⁰ Нейрэктомия – иссечение участка нерва.

– Конечно, данные в персонбанке. У него прогрессирующая гетероплоидия.¹¹ И при всем том парень умудряется всплывать из преисподней и разговаривать как вполне нормальный, почти здоровый человек! Очень сильная личность.

– Учтите, он, ко всему, еще и слеп, – невпопад вмешался Заремба, дыша в затылок Мальгину.

– Где Таланов?

– На связи с индийским филиалом, через пару минут явится.

Виом вдруг подернулся рябью, стершей все надписи. Приглушенно прозвенел колокол внимания. На мигающем огнями «кактусе» вириала зажглись голубые и зеленые огни отмены контактного контроля.

– Он просыпается, – быстро сказал Джума Хан. – Зафиксируйте параметры в момент «всплывания», это важно.

– Пациент в сознании, – четко доложил инк-координатор клиники.

Виом прояснился.

Лицо Шаламова с открытыми глазами было повернуто к людям (видеокамерам, конечно), так что создавалось впечатление, будто он их видит, хотя спасатель был слеп.

– Джума, – позвал он.

В группе, обступившей Мальгина и Стобецкого, произошло общее движение.

– Я здесь, Даниил, – с небольшим опозданием ответил Джума Хан, покосившись на Мальгина.

– Где я?

– В Москве, в Институте нейрохирургии.

Шаламов помолчал: в зале повисла хрупкая тишина. Было видно, что держится спасатель с большим трудом, колоссальным напряжением воли – по лицу его поползли капли пота.

– Клим, ты тоже здесь?

– Да, – каменно-твердо ответил Мальгин, шевельнув желваками.

Шаламов усмехнулся не мигая. Заремба невольно поежился.

– Тогда я могу быть спокоен. Не давай никому меня резать, Клим, меня нельзя резать. Даже тебе. Понял? Даже тебе!.. Ты понял? – настойчиво повторил спасатель.

– Да, – ответил Мальгин.

Шаламов еще несколько мгновений с улыбкой, кривой, понимающе-иронической, сожаляющей, странной, смотрел (не видя!) на замерших врачей, потом расслабился и откинул голову, глаза его закрылись.

– Потеря пульса, – отозвался инк. – Активирую ВРС,¹² дыхание, нейропинг, блокирую выделение избыточных доз вазопрессина, окситомина.

– Дьявольщина! – произнес Стобецкий. – Это же невозможно!

– Что именно? – сухо спросил Мальгин с чувством, близким к растерянности, глядя на тело друга, опутанное шлангами и проводами. Шаламов всегда был похож на дерзкого и удачливого пирата, по-мужски красивого, склонного к риску, решительного и упрямого, настолько уверенного в себе, в своей неуязвимости, что трудно было представить, будто с ним может произойти какое-либо несчастье. Во всяком случае, Мальгин знал его давно и никогда не думал, что Шаламов, олицетворяющий по натуре тип джеклондоновского героя, вдруг окажется в положении смертельно больного...

– Каким образом он приходит в себя, не имея возможности управлять физиологией? Это же нонсенс!

¹¹ Гетероплоидия – изменение структуры некоторых хромосом.

¹² ВРС – водитель ритма сердца.

– Мы называли такие моменты «пароксизмами жизни» или «парадоксальным сознанием», – сказал Джума Хан; Мальгину нравилось, как держится молодой врач спасателей, спокойно, уверенно и раскованно. – Кстати, во время «пароксизмов жизни» у него почти все основные функции приходят в норму.

Заремба легонько толкнул Мальгина в спину.

– Главный...

Толпа врачей расступилась, пропуская Богдана Таланова, директора Института нейрохирургии, всегда озабоченного, нахмуренного, с морщинистым сухим лицом; глубокие поперечные морщины на лбу главного врача говорили о его возрасте больше, чем седые виски.

– Ваше мнение, Клим? – Голос у директора был низкий, почти бас, но мягкий, не оглушающий.

– Я только что узнал об этом, – сдержанно ответил Мальгин. – Мне нужно знать, помимо медицинской диагностики, как все произошло, где, по какой причине, то есть получить всю доступную информацию.

– Можем дать только приблизительную реконструкцию происшествия, – сказал один из спасателей чуть в нос; это и был Прохор Жостов, руководитель сектора, в котором работал Шаламов. – Дело в том, что мы обнаружили Даниила в последний момент, когда он уже не дышал, да и координатор его шлюпа был кристаллически мертв. Никто, по сути, не знает, что произошло, а маатане не хотят сообщать подробности.

– При чем тут маатане?

– О случившемся мы узнали от них, точнее, от маатанина, которого спас Шаламов. Это все, что известно достоверно. В системе, где мы нашли спасателя, – кстати, это в высшей степени интересная система, так называемая Горловина «серой дыры», – на искусственной планете, имеющей форму куба, остался маатанский космолет, но он тоже пуст. По всему видно, что шлюп Даниила в состоянии «струны» пересек «струну» чужого корабля, но о подробностях аварии расспросить некого.

– Появятся новые сведения – сообщите, пожалуйста.

– Непременно.

– У него есть близкие? Родственники? – спросил Таланов.

– Отец, мать, жена, – ответил Джума Хан.

– Они знают?

– Отец и мать знают, жена еще нет, она... беременна.

Мальгин медленно повернулся к говорившему.

– Что?.. Что вы сказали?

– Она беременна, – невозмутимо повторил Джума Хан. – Мы считаем, что в сложившейся ситуации до родов ее нельзя волновать этим сообщением.

«Когда же роды?» – хотел спросить Мальгин, но сдержался.

Таланов сел на его место, придвинул к темени выросший из мигающего огнями «кактуса» пси-вириала на гибком усике «одуванчик» эмкана и погрузился в мысленные переговоры с координатором. Через две минуты отодвинул эмкан, помассировал висок ладонью.

– Готард, продолжайте аналizaционное сканирование и структурное интегрирование показаний. Завтра соберем консилиум. Клим, доклад сделаете вы, не забудьте главное: выводы и рекомендации консилиума принимаются к неукоснительному исполнению, и ошибки должны быть исключены. Такого случая я не помню в практике, и вряд ли подобные зафиксированы историей медицины, но все-таки покопайтесь в планетарном БМД и банках СПАС-службы.

Мальгин молча кивнул.

Весь день он находился под впечатлением встречи с Шаламовым и страшного диагноза его состояния. Память вопреки воле снова и снова прокручивала события давно минувших дней: детство, юность, совместные игры, увлечения, ссоры, первые серьезные шаги в жизни и наконец, встречи с Купавой. До института. После. Признание... Да, тогда он казался старше, значимее и увереннее Шаламова благодаря своей природной сдержанности и спокойствию. Даниил слишком разбрасывался, хватался за тысячу дел, с легкостью бросая переставшие его интересовать, а Мальгин шел одной тропой к намеченной цели, и Купава пошла за ним. Четыре года, конечно, не прошли как один день, и все же они жили, не ощущая власти времени, но потом Шаламов вернулся из очередной звездной экспедиции повзрослевший, переживший смерть товарищей, научившийся ценить сказанное им самим слово и ответный взгляд друга... нет, они встречались втроем и раньше. Купава любила Шаламова, как она говорила, – за общительность, распахнутость души и склонность к юмору, но кто же знал, что это чувство внезапно усилится многократно и вырвется на свободу, ломая рамки сложившихся отношений, паритет дружбы и устоявшихся взглядов на смысл жизни?! Кто? Только не Мальгин. И ему пришлось пережить самый тяжелый день в своей жизни, когда Купава сказала ему, что уходит к Шаламову! День, когда был разрушен замок его привычных представлений о женской любви и мужской дружбе, и ночь, когда он сквозь боль и муку нахлынувшего одиночества вдруг понял, насколько ошибался в себе!..

Шаламов пришел на следующее утро, волнуясь, сказал всего несколько слов:

– Я ничего не знал. Она пришла час назад. Ты, наверное, догадывался, что я ее люблю, но я бы никогда сам... она пришла и... – Шаламов беспомощно пожал плечами и криво улыбнулся; Мальгин впервые увидел в глазах друга растерянность. – Если считаешь меня подлецом – прощай.

Мальгин покачал головой. Ему было плохо, очень плохо, однако он недаром считался сильным и выдержанным человеком.

«Все правильно, – подумал он почти бесстрастно, загнав свою боль глубоко в сердце. – Она сделала все правильно. Я бы тоже никогда не понял, что все кончилось, а если бы и понял, то не поверил. Редко кто способен признаться в собственном эгоизме добровольно...» Однако вслух он сказал другое:

– Дан, если вы с Купавой не будете возражать, я приду к вам в гости. Позже. А сейчас я хочу побыть один.

Он сдержал свое слово... через два месяца, когда почти полностью преодолел последствия самоанализа, тоскливую тягу к голосу Купавы и желание сделать операцию на собственной памяти. И еще дважды приходил к ним в гости, хотя Купава всегда почему-то пугалась его приходов, и вот спустя еще полгода Шаламова привозят спасатели...

«Господи, – снова подумал Мальгин со страхом, – она беременна! И вполне вероятно, „виновен“ в этом именно я!.. Хотя какое это имеет теперь значение? Главное, она ничего не знает о Дане. Что же случится, когда ей сообщат о положении мужа?...»

Вошел Заремба, как всегда – руки в карманах.

– Предлагаю путешествие в ближайший водоем – искупаться.

До Мальгина не сразу дошел смысл сказанного.

– Тебе что, делать нечего?

Заремба опешил; Мальгина всегда забавляло, как Иван, который был на девять лет моложе его, вел себя со всеми запанибрата, покровительственно, и всегда совершенно искренне поражался, когда его ставили на место. Но характер у молодого нейрохирурга был незлобивый, покладистый, общительный, просто он так был воспитан, без критического отношения к себе, сам обижался часто и быстро, но так же быстро остывал.

– Будешь ждать, пока Готард подготовит анализ?

– А ты предлагаешь докладывать на консилиуме ему?

– Нет, но времени-то еще воз и маленькая тележка.

Мальгин потерял интерес к разговору и снова уткнулся в стол, по черной панели которого ползли последние сводки медицинских новостей из всех районов земного шара, отобранные для него киб-секретарем. За день лицо заведующего отделением осунулось и заострилось.

Заремба потоптался у стола, повздыхал.

– Ты меня включишь в бригаду лечащих?

Мальгин с трудом вернулся из глубин памяти.

– Я хотел бы попасть в ПР-группу.

Клим наконец выключил информпрограмму, вскинул на нейрохирурга затуманенные глаза.

– Надеюсь, у тебя есть основания?

– Ну, я думаю... считаю, что я... хороший специалист, врач...

Мальгин вздохнул.

– Ты же знаешь, что этого недостаточно, Иван. Ответственность за лечение таких пациентов, как Шаламов, требует полной отдачи, колоссального опыта и знаний.

– Что я, по-твоему, не лечил никого? – насупился Заремба. – А кто оперировал Кадовски? Кто поставил правильный диагноз Ламбергу?

– Ты. – Мальгин снова вздохнул. – Но ты пока умудряешься брать на себя больше, чем можешь унести. К тому же Таланов уже назначил бригаду операционников.

– И кто в нее вошел?

– Готард, я и... как его, врач-спасатель Джума Хан. Трое.

– Мне этот индеец не показался опытным. – Заремба покривил губы. – К тому же трое в группе – мало. Могу заменить индейца.

– Он афганец.

– Какая разница? Значит, не берешь?

Мальгин тронул сенсор вызова, отрицательно качнул головой.

– Ты даже не представляешь, какой это трудный случай. Не знаю, как Готард и Джума, но я... я просто боюсь давать прогнозы.

«Знал бы ты, что я испытываю, – с тоской подумал он. – Умирает человек, который был моим другом, не подозревая, что мы давно враги! Умирает исключительно коммуникабельный человек, которого все любили и всегда ждали. Умирает тот, кто, не дрогнув, пожертвовал собой, спасая маатанина, совершенно чужое разумное существо, не способное на ответное благородство. И наконец, умирает тот, к кому ушла жена, превыше всего в жизни ставящая честность отношений, какой бы ни была цена... Что будет, если Даниил умрет? Вернется ли она? И что будет, если он все-таки выживет?..»

Над «глазом» виома развернулся объем изображения с головой Стобецкого.

– Давайте поработаем вместе, – сказал Мальгин. – Мне некуда деться.

– Успеешь поработать, – недовольно проговорил Готард. – Через пару часов я дам предварительный вывод.

– И все же я подключусь в параллель. Извините, Готард, но у меня есть свои резоны... Этот человек... мой злейший друг.

Стобецкий пожевал губами, хмурясь, нехотя кивнул. Потом не удержался от ехидной тирады:

– Боишься, что на стадии прогноза не учту какую-нибудь мелочь? Стобецкий еще не ошибался в анализе.

– Я знаю. – Мальгин остался бесстрастным. – Но решать судьбу этого парня буду, наверное, я.

Виом погас, Стобецкий выключил интерком.

– Индюк, – сказал Заремба простодушно. – Клим, вспомни обо мне, я не подведу. Желаю удачи.

Мальгин остался один. Минут десять он сидел в том же положении, боролся с воспоминаниями и, победив, дал задание киб-секретарю связаться со спасательной службой и собрать все материалы о работе Шаламова. После этого спустился в клинику Стобеецкого, где автоматы реанимакамеры, насколько это возможно, поддерживали оптимальную среду для одного пациента, Даниила Шаламова, мастера-спасателя тридцати двух лет от роду, верного своим принципам всегда и везде, даже в ситуации, когда выбор один – жизнь своя за жизнь чужую...

Стобеецкий не сказал ни слова, когда Мальгин сел рядом и вывел на второй эмпан параллельный выход диагностера. До глубокой ночи они работали в полной тишине, связанные оперативным полем компьютера, а когда закончили формирование отчета, долго сидели за светящимся «кактусом» вириала и смотрели на неподвижное тело Шаламова, погруженные каждый в свои мысли и чувства. Их рабочие отношения можно было бы выразить двумя словами: унисон диссонансов. Но это, в общем-то, парадоксальное словосочетание точно определяло способности каждого видеть границы принципиальной оценки событий. Стобеецкий ушел раньше, буркнув «спокойной ночи». Мальгин вернулся в кабинет, еще раз перечитал собственные выводы, зафиксированные памятью машины – в институте ее все называли Гиппократом, – и в третьем часу ночи покинул институт. Думал он, к собственному отвращению, только об одном: у Купавы будет ребенок...

На консилиуме присутствовали едва ли не все крупнейшие специалисты с приставкой «нейро» в области изучения и лечения человеческого мозга и нервной системы: нейропсихологи и физиологи, хирурги и химики, кибернетики и лингвисты, психологи и генетики, в том числе и доктор неврологии Каминский, возглавлявший Европейский центр индивидуальной психотерапии.

Данные анализа состояния Шаламова произвели на каждого из них разное впечатление, но в одном их мнения совпали: случай был уникальным. Мозг пациента переродился почти на пятьдесят процентов и продолжал изменяться, хотя процесс этот и замедлился после медикаментозного вмешательства врачей спасательной службы. Начали играть особую роль интрамуральные нейроны, замурованные в стенках сосудов, их объем увеличился, а структура изменилась, теперь они объединились в автономную сеть, образовав специфический нейропиль – «скелет» новой нервной системы, почти не зависящей от головного и спинного мозга.

За сутки, истекшие с момента доставки Шаламова в институт, он дважды приходил в себя, звал Джуму Хана или Мальгина, просил ничего не сообщать Купаве, настойчиво требовал не пичкать его нейролептиками и обойтись без хирургического вмешательства в его организм. Каждый раз после этих кратких сеансов полного сознания у него останавливалось сердце и наступала клиническая смерть, но ухищрениями медиков, вооруженных тысячелетними знаниями методов и накопленным опытом медицины, опирающихся на умные машины и точнейшую аппаратуру, Шаламов снова возвращался к жизни, вернее, полужизни, большую часть времени проводя в глубоком беспамятстве. Он был явно неоперабелен, о чем прямо заявил Стобеецкий, но Мальгин, как, впрочем, и сам Готард, и Таланов, и многие другие, не видел иного выхода: Шаламова надо было срочно оперировать, он мог умереть в любую минуту.

– Ну, хорошо, операция необходима, – согласился Каминский, чем-то напоминавший Мальгину дремлющего седого льва. – Но ведь сам пациент от нее отказывается. Не нарушаем ли мы норм врачебной этики? К тому же поле хирургического вмешательства настолько велико, что едва ли с операцией справится один человек. Вот вы, например, справитесь? – Каминский посмотрел на Стобеецкого.

Готард нахмурился, пожевал губы и вдруг, к удивлению Мальгина – тот ожидал другого, отрицательно качнул головой.

– Я, наверное, нет, а вот он справится. – Кивок на Мальгина. – Клим – лучший нейрохирург Системы, нейреконтруктор высшей квалификации...

– Оставьте славословие, Готард, – негромко перебил коллегу Мальгин. – Бронислав прав, оперировать придется сразу два десятка пораженных участков, но не это главное. Операция ничего не даст, если мы не сможем стереть чужую информацию в мозгу больного. Именно она формирует те структурные и нейрохимические изменения мозга и тела Шаламова на уровне неосознанной психики, подсознания, которые превращают его в... – Мальгин запнулся, – в нечеловека. Но вы не учитываете фактор времени. У нас его нет. Дальше будет еще хуже, процесс перерождения продолжается, и скоро мы упремся в тупик, из которого всего два выхода: смерть пациента или полная фрустрация личности, что для него в принципе одно и то же.

– Вы берете на себя ответственность за исход операции? Придется сделать не одну, а целую сотню тончайших операций одновременно.

Мальгин поднял на Каминского твердый взгляд, мельком отметив жест Зарембы, означавший: «Не дрейфь».

– Да, – сказал он и вспомнил шепот Купавы: «Тебя все называют человеком-да. Ты всегда так уверен в себе? В своей судьбе? В правильности выбора цели?» – «Да», – ответил он в тот день...

– Но, повторяю, до нейрооперации необходима операция по очистке мозга больного от «шлаков» чужеродной информации. Это самое трудное и опасное в данном случае. Подобную операцию проводили всего один раз за всю историю медицины: около тридцати лет назад мой предшественник Наумов оперировал двух космонавтов, попавших под информационно-лучевой удар над Юпитером.

– Ему было труднее, – проворчал Стобецкий. – В те времена еще не было машин типа Умник или Гиппократ.

Мальгин промолчал.

– Но насколько я понял, вы не знаете всех запасов криптогнозы,¹³ – сказал Каминский. – К тому же она может быть перемешана с жизненно важной наследственной и приобретенной информацией. Как вы отделите «зерна от плевел»?

В демонстрационном зале, где проходил консилиум, повисла тишина.

– Есть только один способ, – нарушил ее Мальгин, посмотрев на задумавшегося Таланова. – Прямой пси-контакт. Необходимо замкнуть мозг больного на мозг врача.

– Но это же колоссальный риск!

– Да, риск, – согласился Таланов, – прежде всего риск шокового исхода и глубокой психотравмы хирурга, но я не уверен, что нет другого выхода. Давайте подумаем вместе, может быть, выход найдется. Предлагаю укомплектовать группу профессионального лечебного риска пятью врачами. У кого другое мнение? Прошу назвать кандидатуры.

– Разрешите слово? – встал Заремба. – Мне кажется, мы кое-что упускаем из виду.

Мальгин, приготовившийся к тому, что Иван станет предлагать в группу себя, с интересом посмотрел на молодого хирурга.

– Конкретней, пожалуйста, – сказал Таланов с обычной своей ироничной вежливостью.

– Шаламов работал с маатанской техникой в состоянии гипермнезии и впитал почти весь запас информации их корабельного компьютера, поэтому прежде, чем заняться лечением больного, необходимо узнать все о маатанах: их биологию, физиологию, биохимию и так далее. Только тогда мы быстрее поймем процессы, идущие в организме Шаламова, и сможем определить пределы хирургического и психофармакологического вмешательства.

«А молодец Иван, голова у него варит», – подумал Мальгин с некоторым удивлением; сам он упустил из виду эту особенность случившегося.

¹³ Криптогноза – информация, осевшая в глубинах неосознанной психики.

– Идея хорошая, – сказал Таланов, – хотя мы об этом не забывали. Но как ее осуществить практически? Насколько я осведомлен, контакт с нами маатане отвергли. Вообще удивительно, что этот травмированный маатанин, которого спас Шаламов, внезапно проникся благодарностью к нему и решил сообщить нам координаты места катастрофы.

Заремба сунул было руки в карманы, но, посмотрев на Мальгина, вытянул их обратно.

– Это можно объяснить, – сказал он со снисходительной небрежностью. – Шаламов сбавотал обратную связь с маатанским компьютером, а тот мог иметь такую же с маатанином. Вот «черному человеку» и передалась часть эмоциональной и психогностической информации спасателя.

В зале снова воцарилась тишина.

«Недооценивал я Ивана, – подумал Мальгин с невольным сожалением. – Из него может получиться отличный врач. Главное, он умеет думать».

Таланов кашлянул в кулак, в глазах его отразилось уважение.

– А вот об этом я не подумал. Спасибо за идею, она интересна и ценна. Правда, я все равно не вижу, каким образом можно получить сведения о физиологии маатан.

– Да очень просто! Разве у нас в УАСС нет отдела разведки или безопасности? Пограничников наконец? Пусть поработают!

На лицах присутствующих в зале мелькнули улыбки. Горячность молодого нейрохирурга и его манера поведения импонировали многим.

– Это как раз очень непросто, – негромко сказал Джума Хан. – Как вы себе сие представляете?

– Элементарно: выкрасть маатанина, обследовать и вернуть... извинившись.

Последняя фраза Зарембы снова развеселила присутствующих, но ненадолго. Предстояло принять решение, определяющее дальнейшую судьбу больного.

Спустя полчаса группа риска была создана. В нее вошли четверо мужчин: Мальгин, Стобецкий, Джума Хан, а также Бронислав Каминский, и женщина, один из крупнейших нейрохимиков Земли – Карой Чоккой. Консилиум закончил работу, и теперь предстояло выработать стратегию и тактику лечения Шаламова, поставившего в тупик странной своей болезнью лучших специалистов Земли в области изучения человеческого мозга и нервной системы человека.

Заремба хотел было навязать Мальгину свое общество, но Клим отверг эти попытки двумя словами: «встретимся завтра» – и сбежал из института, наугад ткнув иглой задачника в схему выходов метро.¹⁴ Вышел он на второй станции метро Ио, спутника Сатурна, над прозрачным куполом которой нависала пухлая пятнисто-полосатая стена гигантской планеты, перечеркнутая узкой полоской кольца, видимого с ребра.

«А может быть, поступить по совету Зарембы? – подумал Мальгин, глядя на заметное глазу движение пятен на боку Сатурна. – Выкрасть „черного человека“, предварительно подготовив исследовательский комплекс на базе больших Умников академии, и за два-три часа „распотрошить“ его по всем параметрам. Потом извиниться и, бия себя в грудь коленом, вернуть обратно...»

Из-за горба планеты брызнуло расплавленным золотом солнце. Мальгин не отвернулся, только сожмурился.

«Нет, не имеем мы права действовать подобным образом, по-пиратски. Пусть „черные люди“ высокомерны, эгоистичны и равнодушны к нам, но это никому из людей не дает моральных преимуществ. Этика контакта живых с живыми складывалась веками, от контактов с братьями нашими меньшими – животными – до контактов людей с людьми. Мы пережили все: войны и геноцид, расизм и оголтелый шовинизм, примитивный социализм, фашизм и псев-

¹⁴ Метро (от слов «мгновенный транспорт») – система мгновенного масс-транспорта; ретроспективный возврат старого привычного термина одного из самых удобных видов транспорта XX века.

докоммунизм и ворох других производных „измов“, пока не научились уважать чужое мнение и чужие желания. Шаламов не прикидывал размеров личной выгоды от спасения „черного человека“, он просто его спасал... как тот дурак, который не знал, что задача неразрешима, и потому решил ее...

Ах, Данька, Данька, кто знал, что ты станешь моим пациентом! Человек устроен таким образом, что считает себя бессмертным до тех пор, пока не встретится со смертью лицом к лицу, а ты был сверхоптимистом и вряд ли задумывался над тем, что смертен, как и все. В какую же историю ты влип, мой злейший друг! И меня тянешь за собой в пропасть... потому что никогда не задумывался о последствиях своих поступков. Я даже не уверен, думал ли ты о Купаве, когда спасал этого каменно-металлического монстра... хотя эгоистом тебя никто назвать не вправе, даже я. Просто ты такой, какой есть, – ничего показного, фальшивого, хитрого, весь на ладони. А главное, ты всегда был искренне уверен, причем не в меру общепринятых норм, что предать тебя никто не может, тем более друзья. Надо же таким уродиться?! А подумал ли ты о том, каково сейчас мне? Имею ли я право на ошибку, зная о твоём святом неведении и не менее святой уверенности в моем профессионализме, в том, что я вытяну тебя из преисподней?..»

В глубинах атмосферы Сатурна мигнула алая звезда – луч лазер-связи какого-то исследовательского автомата. Мальгин опомнился и шагнул обратно в камеру метро, не обращая внимания на удивленные взгляды работников станции. Через двадцать минут он был дома.

Принял душ, переоделся, выпил бокал испли и вдруг бессознательно набрал телекс Купавы, заблокировав обратную связь.

Виом развернулся почти сразу. Перед Мальгиным возник вид до боли знакомой гостиной Шаламова, а напротив стояла Купава в халатике и с недоумением смотрела на Мальгина, и, хотя видеть его она не могла, Клим невольно сделал шаг в сторону, глотая ставшую горькой слюну.

– Слушаю вас, – нараспев сказала Купава с рязанским выговором, откидывая пушистую прядь волос со щеки. – Включите обратку, я вас не вижу.

Мальгин молчал, сжав кулаки так, что ногти впились в ладонь. Он увидел округлившийся живот, изменивший фигуру женщины, ее осторожные движения, и в голову ударило волной пронзительной тоски и отчаяния. Купава любила Шаламова и еще ничего не знала о случившемся.

– Кто звонит? – повторила Купава, и вдруг выражение ее лица изменилось. – Клим?.. Ведь это ты, Клим, я знаю. Включи обратку, я хочу посмотреть на тебя. Почему ты не звонишь?

Мальгин с трудом проглотил ком в горле и выключил виом связи.

Уснул он только под утро, на рассвете.

Глава 2

Заремба встретил Мальгина рассеянным «привет». Он сидел за пси-вириалом реаниматора с эмканом на голове и, судя по сигнализации на терминале, работал с вычислителем в режиме интегрального обобщения. Стобецкого в клинике не было.

– Где Готард? – спросил Мальгин, включая передачу из реанимакамеры. Виом раскрыл внутренность камеры: сквозь зеленоватый сумрак физиогаза едва проглядывало тело Шаламова, похожее на скульптуру спортсмена из позеленевшей бронзы.

– Ушел, – ответил Заремба с запозданием. – Он дежурил с Ханом всю ночь. Подожди, я сейчас освобожусь.

Мальгин сел рядом, вывел на второй эмкан информацию сторожа состояния, выслушал мысленный доклад, откинулся в кресле. Эмкан свернулся в гибкий усик и втянулся в пульсирующую колонну вириала.

Состояние Шаламова не изменилось к лучшему, состояние коллапса – на грани клинической смерти. Спасатель не реагировал на раздражители, смену физиогаза, излучателей, стимуляторов и на регулярные сеансы внутривенного питания. Но за ночь он дважды «всплывал» из небытия в пароксизме псевдосознания, почти полностью восстанавливая на несколько минут функции сердечно-сосудистой, вегетативной и центральной нервной систем. Однако блокада пси-сферы при этом не снималась, то есть даже с помощью точнейших датчиков не удавалось «снять мысли» спасателя, уловить, о чем он думает и какая информация скрывается в глубинах его памяти.

Заремба стащил ушастую дугу эмкана и небрежно бросил на вириал, пригладил волосы.

– Я нашел причину слепоты: у него нарушена связь между стрирной зрительной корой и латеральным коленантным телом. Восстановить эту связь для меня – пара пустяков.

– Что он говорил в сознании?

– По-моему, ничего существенного... нет, постой, первый раз позвал тебя и умолк, а второй произнес странную фразу, сейчас вспомню... да, вот: «Я, обезумевший в лесу Предвечных Чисел».

– Числ, – поправил Мальгин. – Это Верхарн, Даниил любит его поэзию. – Клим полузакрыв глаза, помолчал, потом продекламировал: – «В одежде цвета горечи и яда рассудок мой холодным мертвецом плывет по Темзе вверх лицом».

Заремба хихикнул, но, видя, что Мальгин не расположен шутить, подобрался виновато и покачал головой:

– Мрачновато, хотя и весьма оригинально. Я лично Верхарна не читал и не особенно жалею об этом. Что будем делать, Климыч? Машина дает ему не больше двух суток жизни. Если не успеем что-либо предпринять, летальный исход неизбежен, несмотря на временные прояснения сознания, которые твой любимый Хан назвал «фазами хозяина».

– Кстати, где он?

– Джума? У себя, наверное, в клинике СПАС-центра, я им как-то не интересовался. Скажи, ты знаком с Карой? Она почему-то интересовалась тобой, звонила, я дал твой домашний телекс. Ну и женщина, скажу я тебе! С ходу можно отдать ей корону «мисс Вселенная»! Во всяком случае, я бы отдал. Красивая женщина, а? Она занимается исследованием нейрилеммы и нейроглии,¹⁵ а старик Каминский собрал своих лингвистов и кибернетиков,¹⁶ его задача – ЦНС. И все равно мы придем к одному: требуется срочная операция. Вернее, две операции, как ты и говорил: стирание чужой информации – после выявления запасов криптогнозы и воссоздание нормального генома, конструирование здоровых хромосом со всеми вытекающими последствиями. – Последние слова Заремба проговорил с видимым удовольствием, смакуя.

Мальгин молчал, все так же полузакрыв глаза. Заремба вдруг щелкнул пальцами, глаза его загорелись.

– А давай сами слетаем к маатанам в гости и умыкнем одного, если они не дадут нужной биоинформации! А?

– Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

– Очень даже понимаю. Попытка – не пытка, а твой друг ждать не может, он и так на ладан дышит.

Мальгин встал так стремительно, что Заремба отшатнулся.

– Ты что?..

¹⁵ Нейрилемма – оболочка нервных волокон; нейроглия – ткань нервной системы, в которой располагаются нервные клетки.

¹⁶ Подразумевается: нейролингвистов и нейрокибернетиков; нейролингвистика изучает нарушения языковых навыков, нейрокибернетика – организацию и функционирование нервных сетей, механизмов памяти и поведения.

– Ничего, – глухо сказал Клим. – Может быть, и из лучших побуждений, но ты провокатор, Иван. Обзвони всех и сообщи, что собираемся в двенадцать, будем решать. Спросит Таланов – я в Управлении спасателей.

– Хорошо, скажу. – Заремба шмыгнул носом. – А почему я провокатор?

Мальгин окинул хирурга взглядом, глаза его стали грустными.

– Тебе никогда не приходило в голову, что ты слишком медленно взрослеешь? Сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– А ведешь себя подчас как двенадцатилетний малец. Подумай на досуге, ведь есть чем – голова иногда сообщает.

В девятом часу утра Мальгин нашел Джуму Хана в шоковом отделении клиники УАСС. Меднолицый врач «Скорой помощи» не удивился визиту, извинившись перед коллегой, отвел Клима в сторону; они медленно пошли по заросшему травой – таково было впечатление от ковра – коридору.

– Нужна полная информация о физиологии и биологии маатан, – сказал Мальгин прямо. – Я не имею права оперировать, не представляя полной картины того, с чем могу встретиться на молекулярном и атомарном уровнях.

– Такой информацией мы не располагаем и вряд ли будем располагать в ближайшем будущем.

– Разве вы не поняли? – холодно спросил Мальгин. – Я и сам знаю, что у нас есть, а чего нет.

Джума Хан остался невозмутимым.

– Не сердитесь, я вас понял. К сожалению, мои коллеги не догадались доставить из Горловины шлюп Шаламова или хотя бы его инк. А выудить что-либо из поврежденного проводника на месте не удалось.

– Надо срочно доставить его сюда и отдать специалистам-структурщикам, может, хоть что-нибудь выудят.

– Боюсь, что это невозможно, маатане установили в Горловине «маяк-табу», по терминологии безопасников, то есть знак частного владения. Мы не имеем права врываться на занятую ими территорию.

– Но ведь вы уже «врывались», когда забирали Шаламова.

– Сядем, – кивнул Хан на кресла в нише с видом на пойму Десны. Сели друг против друга, похожие сдержанностью и той особенной мимикой, которая выдает в собеседнике умного, понимающего иронию и юмор человека.

– Все не так просто, не однозначно. Да, мы забрали Шаламова из Горловины, но после этого маатане выпустили внутри ее сторожей, имеющих приказ уничтожать любых непрошенных гостей.

Мальгин молча смотрел на врача. Тот оценил его взгляд.

– Да, такова их логика, и ничего с этим не поделаешь.

– А откуда это известно?

Джума Хан слегка улыбнулся.

– У разведки свои секреты и методы, к тому же по этому делу работают еще пограничники и безопасники.

– Но ведь «черные люди» имеют точно такие же права на «серую дыру», что и мы, Шаламов «обнаружил» ее, если можно так сказать, одновременно с маатанином.

– С юридической точки зрения – да, мы имеем право на владение как Горловиной, так и планетой-кубом, – Шаламов назвал ее Стражем Горловины, – хотя никто из людей никогда не стал бы присваивать себе лично и вообще всему человечеству подобный объект, нам достаточно иметь возможность исследования феномена, однако «черные люди» не признают зако-

нов земной юрисдикции. Конечно, комиссия ИВК¹⁷ попытается официальным путем решить возникшие правовые вопросы, но едва ли маатане станут нас слушать.

– Так что же, уперлись в тупик и на этом успокоимся?

Джума внимательно посмотрел в глаза Мальгину.

– У вас есть конкретные предложения?

– Нет, – сказал Мальгин нехотя через некоторое время. – Но у меня в распоряжении сутки, от силы двое. Сегодня в двенадцать я объявил общий сбор рисконавтов, и, если решение не будет найдено, я начну действовать так, как сочту нужным.

Джума Хан покачал головой.

– Напрасно вы разговариваете со мной как с противником, я целиком и полностью на вашей стороне, и, как бы вы ни решили – а я думаю, что понял вас правильно, – будем действовать сообща, аморфная позиция не по мне.

Мальгин встал, протянул руку.

– Благодарю, и простите за резкость, этот случай настолько неординарен для меня в личном отношении, что я не имею права ошибаться.

Ладонь у Джумы была широкая и шершаво-твердая.

– Никто из нас не имеет права ошибаться, хотя без ошибок человек – не человек. Хотите, покажу одну любопытную картинку?

– Она имеет отношение к теме нашего разговора?

– Прямое.

В своем рабочем кабинете Хан включил стол, полистал оглавление проектора и остановился на нужном кадре. Виом развернул плоскость цветного изображения, медленно протаявшего в глубину. Мальгин увидел дымящийся черный океан, низкое мрачное небо с перьями фосфоресцирующих облаков, неожиданно светлый берег с редкими скалами.

– Снято в ультрафиолете, – пояснил Джума, наблюдая за Мальгиным. – Догадываешься?

Вглядевшись, Клим понял, что видит вовсе не скалы, а чудовищные скелеты, облепленные не то насекомыми, не то пиявками. А на заднем плане торчало из песка косо уходящее в небо перепончатое перламутрово-полупрозрачное, с красивым рисунком прожилок крыло, на вершине которого громоздилась мрачная, многогорбая, наполовину покрытая зеркальным слоем глыба – «черный человек».

На стереоснимке был запечатлен пейзаж Маата.

Ничего больше не сказав друг другу, они разошлись. Мальгин вернулся в институт и принялся внимательно изучать сканер-срезы мозга Шаламова, намечая пробную «тропу вмешательства». А около одиннадцати в клинику пришла Купава.

Одета она была в нечто пушистое, снежно-белое с голубым, с зеркальными перетяжками – комплект «воздушный замок», скрывающий фигуру, и никто не взял бы на себя смелость утверждать, что Купава ждет ребенка. В кабинет она вошла без предупреждения.

Когда Мальгин, недовольный вторжением, повернул голову к двери, он сначала не поверил глазам своим, потом встал, не снимая эмкана, и молча уставился на женщину. В голове поплыли дым и звон – и ни единой мысли.

Смуглое лицо Купавы казалось чуть бледнее обычного, а изогнутые, как птичьи крылья, брови придавали лицу какое-то трагическое выражение. Мальгин никогда не видел у нее такого!

– Что же ты не приглашаешь меня сесть, человек-да? – спросила она тихо, с неожиданно робкой улыбкой.

Мальгин опомнился, сорвал с головы эмкан, бросил на стол, вышел навстречу. Слова застряли в горле, пришлось откашливаться.

¹⁷ Институт внеземных культур.

– Извини, я просто-напросто остолбенел. Проходи, садись.

– Спасибо. Не ожидал?

– Нет, – сказал он так жестко, что она снова улыбнулась, но улыбка была невеселой и недолгой.

– Клим, ты же сильный и добрый, иначе тебя не назвали бы человеком-да, почему ты ничего мне не сказал?

– О чем?!

– Не притворяйся. – В голосе женщины прорывались слезы; она села в кресло и облегченно вздохнула, прислушиваясь к себе. – Ты не способен на обман и должен сказать правду: что с Даном?

Мальгин попятился, поймал спинку кресла, сел напротив.

– Кто тебе сообщил?

– Неважно кто. Ты звонил вчера, и я... почувствовала. И потом, у меня есть друзья в Управлении спасателей и среди пограничников... они сказали, что он здесь. Что с ним? Почему он лежит у вас, в Институте нейрохирургии? Почему мне никто ничего толком не говорит?

– У тебя будет ребенок, – сказал он вдруг утверждающим тоном, словно разговор шел об этом.

– Да, – сказала она спокойно, не удивляясь, только прищурилась и словно отгородилась от него внутренним барьером.

– Мой ребенок, – уточнил он.

– Да, – повторила Купава все так же спокойно. – Но это ничего не меняет, Клим. И речь о другом. Что случилось с Даном? Почему он оказался в твоём институте?

– Идиот, – сказал он вдруг сокрушенно.

Купава вздрогнула, непонимающе посмотрела на Мальгина.

– Я идиот, – добавил он. – Что позволил тогда тебе уйти. Почему-то не сработала интуиция. Надо было догнать тебя, всыпать как следует и вернуть.

– Вряд ли это подействовало бы, я бы все равно ушла.

– Нет, – сказал он тихо, но так твердо, что Купава посмотрела на него с явным интересом.

– Ты, кажется, становишься человеком-нет. Не отвлекайся, Клим, я знаю твою манеру уводить разговор в сторону, когда ты не хочешь говорить о главном. Почему Дан оказался в Институте нейрохирургии? У него... стресс?

– Хуже, – помолчав, сказал Мальгин: полуправду он не любил так же, как и ложь. – У него коматозное состояние, сильнейший шок... а он умудряется при этом на две-три минуты выкарабкиваться из беспомощности и просить, чтобы тебе ничего пока не сообщали...

– Что с ним случилось? Он же ушел в обычный курьерский рейс...

– Его шлюп в режиме «компакт-струна» пересекся с чужим кораблем... оба «выпали» в наше трехмерное пространство внутри «серой дыры», вернее, внутри входа в нее... и, чтобы спасти экипаж чужака, Дан вывел на свой мозг память и динамику операционных полей их компьютера... маатанского компьютера.

Мальгин поднял голову и тут же опустил.

Купава смотрела на него ставшими вдруг огромными бездонными глазами, но совершенно пустыми, словно душа ее вдруг выгорела дотла.

– Он...

– Сейчас он почти нечеловек, Купава. И спасти его... – Клим хотел сказать: «невозможно», но не смог, но она поняла.

– Ты сможешь! – прошептала она. – Ты сможешь, Клим, ты же все можешь, ты лучший нейрохирург Системы, не говори «нет»... – Шепот угас.

– Не знаю. – С горлом у Мальгина снова что-то случилось, слова застревали, цеплялись и царапали горло, и он испытал самую настоящую боль. – Не знаю. Это правда.

Она вдруг коротко и зло рассмеялась, так что у Мальгина пробежала по спине ледяная дорожка озноба.

– Тебе не кажется, что мы с тобой оживили джек-лондоновский сюжет?

– Какой? – Он смотрел непонимающе.

– Вспомни рассказ «Конец сказки». От хирурга Линдея ушла жена, и ему пришлось лечить соперника...

Клим кивнул, к нему возвращалась былая уверенность и сила, понимание того, что он тоже не в состоянии сказать «нет».

– Так вот, – продолжала Купава, кусая губы, – я тоже могу, как та женщина, Медж, предложить тебе компромисс: спаси Дана, и я уйду к тебе... навсегда!

Мальгин встал, наглухо застегнутый в бронежилет самообладания, хотя в квартире души, уютно обставленной согласно привычкам и желаниям тридцатилетнего мужчины, возведшего в абсолют догмат выдержки и самоконтроля, вдруг появилось желание сделать Купаве больно. Росло это желание недолго, Мальгин умел бороться с малодушием. Он усмехнулся и подумал: «Когда-то наши разговоры были для меня сродни умственной гимнастике, заставляли держать себя в постоянной интеллектуальной форме. Как давно это было, а интонации сохранились до сих пор. Неужели мне суждено это помнить всегда?»

– А если я соглашусь на твоё условие?

В глубине глаз Купавы мелькнуло не то сомнение, не то страх, но думала она в данный момент не о себе.

– Я приду.

Мальгин глубоко вздохнул, не позволяя сорваться с языка невысказанному, и Купава поняла, о чем он подумал.

– Ты до сих пор не прости мне... ухода?

Он покачал головой:

– Не о том говорим.

– Не прости... а мне казалось, умение прощать – свойство сильных. Ты же сильный, Клим, неужели никогда не...

– Замолчи, – оборвал он ее почти грубо, – иначе я возненавижу себя за то, что дал тебе повод думать обо мне так. Уходи, Купава, потому что мы наговорим друг другу такого, что не сможем потом простить никогда. Меня не нужно упрашивать вылечить Дана, это мой прямой долг. Одно знаю твердо: я сделаю все, что в моих силах, и даже больше, насколько это вообще возможно.

Купава встала, до боли желанная и чужая, встретила его взгляд, и снова в глазах ее мелькнул страх. «Почему страх? – подумал Клим с недоумением, мимолетно. – За кого она боится? Господи, неужели за меня?!»

Купава вдруг шагнула к нему, поцеловала и, не оглядываясь, пошла к двери, а он остался стоять, оглушенный бурей чувств и желанием разбить голову о стену...

Потом, спустя несколько бесконечных минут, буря стихла, боль ушла, и голова стала пустой, легкой, звонкой, как фарфоровый сосуд; отзвуком эмоционального урагана повисла в тишине нота грусти и тоски... и снова, как при ее появлении, – ни одной мысли.

«Хватит!» – сказал сам себе Мальгин с ненавистью, а когда это не помогло – ударил кулаком в стену так, что разбил пальцы в кровь! Физическая боль отрезвила.

Группа риска в полном составе собралась возле реанимакамеры в двенадцать часов.

Стобецкий попытался было вслух обобщить свои личные выводы, но его перебил Заремба, и они вдруг углубились в спор, заинтересовавший и остальных. Предметом спора стала конечная стадия преобразования личности Шаламова. Стобецкий утверждал, что про-

цесс интериоризации, то есть расщепления личности, зашел слишком далеко, и спасатель едва ли уже сможет вернуться в исходное состояние.

– Чепуха! – заявил Заремба безапелляционным тоном, становясь похожим на своего оппонента. – Должна победить человеческая основа. Слишком долго эволюция лепила и обжигала человека, чтобы он сдался под напором информ-мутагена, пусть даже и на уровне генного приказа...

Мальгин одним ухом прислушивался к спору, поглядывая то на безмолвствующего Каминского, то на Карой Чокрой. Заремба не преувеличивал, женщина действительно была молода и красива, хотя уже успела стать ведущим нейрохимиком планеты. Мальгин слышал о ней, читал ее работы, но встречаться с Чокрой даже по виому ему еще не приходилось. Видимо, их интерес был взаимным, потому что взгляд Мальгина то и дело наталкивался на встречный взгляд женщины, изучающий, задумчивый и вспыхивающий искрами улыбки в ответ на горячие выпады Зарембы.

– Может быть, коллеги позволят перейти к делу? – негромко сказал невозмутимый Джума Хан. Он был единственным из их мужской компании, кто не поглядывал на представительницу слабого пола.

Заремба хотел было огрызнуться, но Мальгин остановил его, подняв ладонь вверх.

– Разрешите начать?

Стобецкий остановился на полуслове, посмотрел на Карой Чокрой, словно проверяя, какое впечатление оставила фраза Мальгина, и нехотя кивнул.

– Простите, не сдержался. Все мы знаем положение больного, и нет смысла спорить по мелочам. Я, безусловно, хочу его вылечить и буду рад, если ошибусь, предполагая худшее. Что вы хотите предложить, Клим?

– Сначала я хотел бы выслушать остальных, и прежде всего вас, Карой. Данные анализа я знаю, только выводы и прогноз.

Нейрохимик положила ногу на ногу. Держалась свободно и непринужденно, и было заметно, что взгляды мужчин ее занимают мало. Мальгин невольно сравнил Карой с Купавой, тип лица у обеих женщин был одинаков, вероятно, обе имели славянские корни, общих предков; но если красота Купавы была милой, «домашней», противоречащей, кстати, ее резкому независимому характеру, то у Карой доминировала печать интеллекта, деловой независимости и уверенности. Тонкое смуглое лицо ее с бровями вразлет притягивало взоры и заставляло мужчин держать себя в постоянном напряжении.

– Я бы хотела вернуться к спору и поддержать коллегу Стобецкого, – произнесла женщина глубоким контральто. – Судя по цитохимическому изменению структурных органелл нейронов и расстройству всей нервной системы, у Шаламова действительно начался распад психики. Вы должны понимать, что может последовать за превращением биполярных нейронов чувствительных ганглиев в мультиполярные,¹⁸ а именно этот процесс у пациента и происходит. Вывод один: у больного налицо прогрессирующий синдром «черного человека» – термин коллеги Каминского. Процесс перерождения нервной ткани замедлился, но начинают сказываться качественные эффекты: тело больного, его ЦНС, по сути, действуют самостоятельно в соответствии с какой-то внутренней программой, закодированной информацией, полученной Шаламовым от маатанского компьютера. Вот-вот наступит кризис: больной балансирует на тонкой грани перехода человек – нечеловек, негуманоид, и, кем он станет, не вмещайся мы, одному богу известно. Необходима срочная, очень рискованная, причем не только для пациента, но и для хирурга, колоссальной сложности операция! Это все, что я могу предложить. Если не возражаете, согласна быть ассистентом хирурга по координации.

¹⁸ Биполярные – нейроны с двумя отростками, мультиполярные – со многими.

– Но сам больной во время «фаз хозяина» или «пароксизмов бодрствования» категорически возражает против операции, – вскинул голову Заремба.

– Вот именно – «пароксизмов», – буркнул Стобецкий. – Я склонен полагать, что это не просветление сознания, а именно моменты псевдосознания, когда за Шаламова говорит его нарождающееся второе «я», часть интеллекта, контролируемая информацией «черного человека».

– Согласен, – кивнул Каминский, включаясь в разговор. – Мы пришли к такому же выводу. Внутри больного формируется личность «черного человека», и к чему это приведет, когда формирование закончится, боюсь и представить. Случай беспрецедентный в моей практике, да и в мировой тоже. Я вообще не понимаю, почему Шаламов в той ситуации не воспользовался двигателем как передатчиком, чтобы дать SOS.

– По утверждениям экспертов, он им воспользовался, но, к сожалению, наши СПАСы его не услышали, – сказал Джума Хан. – Диапазоны их частот прослушивания весьма далеки от тех, что возбуждаются в компакт-камерах двигателя. Что касается действий Шаламова, то он был спасателем и в создавшейся ситуации иначе поступить не мог, он спасал пусть и не человека, но разумное существо! Однако я не стал бы обвинять и маатан в том, что они не люди. Конечно, они не люди! Совсем иные, со своей этикой и моралью, которые кажутся нам несовместимыми с логикой жизни и даже враждебными, они действуют так, как воспитаны своей средой, привычным укладом бытия. И все же позвольте мне не согласиться с последним утверждением об их враждебности, ибо почему в таком случае «черный человек», спасенный Шаламовым, придя в себя на родной планете, несмотря на все различия психо – и эмоциосфер, на многовековые традиции, запрещавшие видеть в гуманоидах разумных существ – а есть подозрения, что маатане знают о нас давно, гораздо раньше, чем мы узнали о них, – почему он вопреки всему потенциалу цивилизации добрался до станции связи и сообщил нам координаты Горловины, зная, что обрекает себя на остракизм?

– Однако! – крикнул Каминский. – Вы, уважаемый коллега, вторглись, по-моему, не в ту область. Речь идет о Шаламове, о его характере, почему он пошел на такой огромный риск, имея всего один шанс из миллиарда!

– Видимо, идея прямого подключения к чужой машине завладела им целиком и была интереснее остальных, – сказал Мальгин, с удивлением окинув взглядом лицо Хана. – Джума прав, Шаламов был не просто спасателем, но и разведчиком-исследователем, склонным к непрогнозируемому риску. Думаю, у него даже мысли не возникало – спасать или не спасать, вопрос был только – как спасти!

– Ну это-то как раз норма, – проговорил Каминский, – норма человечности, как я ее понимаю.

Помолчали. Мальгин перевел взгляд на Хана.

– Ваше мнение, Джума?

– У нас в запасе двое суток, многое еще может измениться.

Мальгин понял врача тотчас же: Джума Хан нашел способ выявить дополнительную информацию. Но открыто говорить об этом не хотел.

– Тогда продолжаем работу в соответствии с заданиями, – сказал Мальгин сухо. – Собираемся вечером. Извините.

В свой кабинет он вошел вместе с Джумой, остановив попытку Зарембы войти следом:

– Иван, поработай с Готардом, ему понадобится твоя светлая голова. Я до вечера буду занят.

Заремба пожал плечами, подозрительно посмотрел на бесстрастного Хана и нехотя удалился, проворчав напоследок:

– Что-то не нравиться вы мне, заговорщики...

– Ну? – сказал Мальгин, когда врач сел напротив.

– Я договорился с безопасниками: нас доставят в Горловину к столкнувшимся кораблям вместе с кибернетиками, специалистами по компьютерам. Времени на сборы в обрез.

– Я-то готов, но одного изучения шаламовского координатора будет недостаточно.

– Знаю. Вопрос контакта с маатанами решается. Пока мы будем в Горловине, безопасники и пограничники проработают модель контакта по нашему делу и сформируют свою ПР-группу. Я уже включен в нее и рекомендовал вас.

– Согласен, – без колебаний сказал Мальгин.

– Не сомневался. У вас есть полчаса на сборы, в управлении мы должны быть в два ноль-ноль. Кстати, вы будете настаивать на своем предложении?

– Каком именно?

– О прямом подключении к мозгу больного.

– Если не будет иного выхода.

– Я могу рискнуть вместо вас...

– Спасибо, Джума. Разговор преждевремен, но я буду иметь вас в виду, хотя едва ли соглашусь. Жаль, что я не знал вас раньше.

Джума Хан улыбнулся.

– И мне жаль, что я не был знаком с вами.

Мальгин встал, и в это время в кабинет вошла Карой Чоккой, остановилась на пороге, посмотрев на мужчин с ироническим прищуром.

– Не соблаговолят ли джентльмены взять с собой женщину, знакомую с ксенопсихологией не понаслышке?

«Заремба, – понял Мальгин, – она говорит его словами. Обиделся и натравил ее на нас. Ну, погоди, информатор!»

– О чем это вы?

– Насколько я поняла, готовится экспедиция на Маат, и я хотела бы войти в ее состав.

– Официальной информации о подготовке экспедиции у меня нет, – сдержанно сказал Мальгин. – Так что едва ли смогу быть вам полезен. К тому же вы, по-моему, нейрохимик, биолог, а не ксенопсихолог.

– Она Т-специалист, – сказал негромко Джума. – У нее два диплома. В качестве ксенопсихолога Карой не работала, но проходила практику на «Эдипе-2».

Мальгин с удивлением посмотрел на Хану. «Эдип-2» был станцией зоны контакта в системе Маата, и работали там в основном безопасники, прошедшие школу психотренинга в Институте внеземных культур. Попастъ практикантом на станцию мог далеко не каждый ксенопсихолог-профессионал.

– Мне просто повезло, – любезно пояснила Карой, видя мимику Мальгина. – Мой отец заболел и не смог явиться на «Эдип», а я убедила председателя комиссии, что смогу его заменить.

– И все-таки вас дезинформировали, – сказал Мальгин, недовольный в душе.

– Об экспедиции речь не шла, – не моргнув глазом добавил всепонимающий Джума, – мы говорили о способах давления на маатан. Поскольку виноваты в аварии они, без предупреждения используя диапазоны частот наших компакт-струнных машин, у нас появилась мысль использовать этот факт.

– То, что для нас является де-факто, для маатан – вовсе не де-юре, – покачала головой женщина. – Вы еще убедитесь в этом. Что ж, прошу джентльменов извинить за вторжение. До встречи вечером.

Карой вышла.

– Умная женщина, – сказал Джума Хан со странной интонацией, глядя ей вслед. – Едва ли мы ее убедили.

– Предпочитаю рисковать только собой, – буркнул Мальгин. – К тому же не я играю в этом деле первую скрипку. Откуда вы ее так хорошо знаете?

– К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Говорят, она мастер спорта по десяти-борью.

Мальгин подозрительно и с неудовольствием посмотрел на врача.

– Вы, кажется, не прочь взять ее с собой?

– Ни в коем случае, просто констатирую факт.

– Тогда в путь.

Глава 3

Одетые в кокосы – компенсационные костюмы спасателей (по терминологии спасателей, пограничников и безопасников), Мальгин и Джума Хан присоединились к ожидавшей их группе молчаливых крепких парней, и руководитель десанта (риск-обоймы) Игнат Ромашин дал знак двигаться. Десантники гуськом потянулись к метро управления. Группа риска набиралась в основном из профессионалов отдела безопасности, но среди них были и представители технического сектора управления: кибернетики, специалисты в области интелматики, археонавты, ксеноматематики, инженеры и контакторы, специалисты Института внеземных культур в области неземных технологий. Всего в риск-обойму вошли тридцать человек, считая Хана и Мальгина.

– Вас искал Таланов, – тронул Мальгина за плечо Ромашин, рослый, с малоподвижным суровым лицом и седыми висками; они пошли рядом. – Я сказал, что риск участия в экспедиции не больше, чем при купании в шторм, и Богдан меня понял. Но это не преувеличение. Не лучше ли, пока не поздно, отказаться от похода? Вы один из лучших нейрохирургов Системы, и мне потребовалось убедить в необходимости вашего участия не только Таланова, но и СЭКОН.¹⁹

Мальгин искоса взглянул на собеседника. Ромашин был начальником отдела безопасности, и его собственное участие в десанте указывало на серьезность и опасность этого шага, последствия которого были непредсказуемы, несмотря на привлечение к операции всего интеллектуального и вычислительного потенциала управления. Руководитель десанта понял Мальгина еще до того, как тот собрался ответить, пожал его локоть и ушел вперед.

– Он прав, – сказал Джума Хан, догнав Клима. – Пожалуй, я поспешил с предложением вашей кандидатуры. Вы не должны рисковать собой там, где могут и должны рисковать другие.

– Нет, – ответил твердо Мальгин, снова вспомнив слова Купавы: «Ты становишься человеком-нет». – Я не следую принципу: все, что ни делается, – делается к лучшему, но предпочитаю делать, а не рассуждать – кто должен делать.

Джума Хан едва заметно улыбнулся.

– А я вот всю жизнь оправдываю этот принцип, только с некоторым довеском: все, что ни делается, – делается к лучшему, но худшим из способов.

Мальгин с недоверием посмотрел на врача. Тот снова улыбнулся.

– Что, не похоже? К сожалению, это факт. Хотите свежий пример? Как вы думаете, откуда я знаю Чоккой?

– Я хотел спросить об этом еще в институте, но постеснялся.

– Дело в том, что она моя жена.

¹⁹ СЭКОН – сектор этического и социального контроля за опасными исследованиями (подкомиссия ВКС – Высшего координационного совета).

Мальгин от неожиданности даже замедлил шаг, но в это время они подошли к залу метро, и разговор прервался. Ромашин подождал, пока все зайдут в кабину, перекинулся парой слов с оператором и вошел сам.

Минута ожидания, короткий гудок, бесшумный толчок куда-то в область сердца, темнота – и яркий свет финиш-камеры. Открылась дверь, десантники вышли в коридор спейсера «Конунг», дежурившего возле Стража Горловины, планеты-куба, открытой Шаламовым с трагическими для себя последствиями.

Их ждали двое: командир спейсера Хольгер Сваллинг и начальник отряда безопасников Александр Шевчук, оба кряжистые, белобрысые, с бородками и светлыми усами, похожие друг на друга, как братья. Отличить их поначалу можно было только по родинке на щеке у Шевчука. На обоих были надеты эмканы пси-связи системы «спрут»,²⁰ Мальгин видел такие второй раз в жизни.

– Обстановка? – спросил Ромашин.

– Пока нормально, – ответил Шевчук. – Оперативный прогноз дает вектор свободы на сутки с вероятностью ноль семьдесят семь.

– Готовность патрульной тревоги?

– Две с половиной минуты.

– Слишком много для данного случая, доведите готовность до минуты.

– Две с половиной – и так сверх норматива «срам»,²¹ к тому же мы наконец запустили «Аргусы» у Маата, Орилоуха и в Горловине.

– Хорошо, тогда сразу включаемся в работу, если готова экипировка.

Шевчук повел всех за собой.

– О чем речь? – тихо спросил Мальгин Хана, направляясь за молчаливыми парнями.

– «Аргус» – это система так называемого «глубокого» наблюдения за объектом, в данном случае наблюдение установлено не только за всеми маатанскими зондами в Горловине, но и за стартовыми коридорами спейсеров-проникателей Маата, чтобы вовремя предупредить наших ребят здесь, в Горловине, а также вне ее, о старте чужих кораблей или о передаче маатанами массивного груза в Горловину. Вообще-то хорошо бы ознакомить вас со специфичной терминологией безопасников, но нет времени. Если что не поймете – спрашивайте, чтобы не ошибиться.

Мальгин кивнул. Он не страдал никакими комплексами и хотя не любил, но и не боялся выглядеть смешным в глазах окружающих, будучи некомпетентным в какой-то из областей знания.

В экспедиционном зале спейсера их ждали в зажимах пленочные скафандры, энергопояса, приборные комплекты, универсальные инструментари, антигравы, оружие и необычного вида эмканы. Ромашин оглянулся на Мальгина, ожидая увидеть на лице хирурга растерянность, но не увидел и кивнул удовлетворенно.

– Вы уже поняли, в чем особенность экспедиции? Так как маатане установили в Горловине маяк-табу «частного владения», а недавно запустили в нее и «сторожей», уничтожающих любых непрошенных, по их мнению, гостей, нам приходится работать в режиме «инкогнито».

Мальгин промолчал.

– В десант-обойме ваш номер второй, и по связи откликайтесь на вызов двойки.

Рискованты принялись натягивать на себя костюмы, застегивать пояса, закреплять на них оружие и приборные комплекты. Хан оделся первым, подошел к Мальгину, помог застегнуть эмкан.

²⁰ «Спрут» – система компьютерной связи, соединяющая всех включенных в ее контур.

²¹ «Срам» – пункт инструкции УАСС, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

– Не жмет? – раздался в голове его мысленный «шепот». – Включите блокиратор пси-контроля. С оружием знакомы? Это «универсал-101».

– Имел дело, хотя времени с тех пор прошло изрядно.

– Порядок, вспомните. Не забудьте включить имитатор, когда пойдем вниз.

– Какой имитатор?

Джума Хан отступил на шаг и вдруг превратился в черно-серебристую глыбу «черного человека».

– В шлемы встроены «динго»,²² имитирующие облик маатан во всех диапазонах вплоть до рентгена, поэтому и понадобились скафандры, защищающие от их излучения.

– Остроумно, – хмыкнул Мальгин. – Вы, случайно, не инструктор? Может быть, врач «Скорой» – ваше хобби?

Хан рассмеялся.

– В управлении работают универсалы, дорогой Клим, я из их числа. Еще полгода стажировки, и меня, возможно, переведут к безопасникам, если выдержу кое-какие испытания. Кстати, я заметил вашу мину, когда сообщил новость о Карой. Помните, она выразила сомнение, что маатане признают де-юре наши притязания на одновременное открытие «серой дыры»? Так вот, чтобы не возвращаться к этому, приведу вам разницу между де-факто и де-юре на примере наших с Карой отношений: де-юре – мы с ней муж и жена, а де-факто... – Он развел руками.

– Черт возьми! – сказал Мальгин хладнокровно. – У нас, оказывается, сходные судьбы.

– Я знаю, – сказал Хан не менее хладнокровно.

«Откуда?» – хотел спросить Клим, но в этот момент Ромашин подал сигнал к выступлению.

Через четверть часа они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Илья Муромец», зависшего над островом Стража Горловины, где остались умирать вонзившиеся друг в друга «Кентавр» Шаламова и маатанский проникатель. А еще через несколько минут Мальгин, продавив перепонку выходного люка в брюхе спейсера, медленно опускался на остров, вглядываясь в открывшийся взору пейзаж.

С момента эвакуации Шаламова на острове ничего не изменилось. «Теннисная ракетка» «Кентавра» торчала из китообразной туши маатанского корабля – как дротик охотника, вернее, как гарпун китобоя. Над заросшей золотистым пухом бороздой, пропаханной гигантом при посадке, стояла туча красивых, долго не гаснущих искр, похожих на птиц или насекомых. Угрюмо чернели невдалеке «развалины» вудволлового леса. Манил законченностью форм и эстетическим совершенством «храм» в полутора десятках километров. Как и прежде, островом владела тишина, от которой закладывало уши.

Ромашин, превращенный аппаратурой «динго» в жуткую фигуру на странном аппарате, похожем на журавлиное гнездо, первым спикировал к спасательному шлюпу и скрылся в открытом кормовом люке. Остальные «черные люди» рассыпались кто куда, исчезли, у них были свои специфические задачи, и каждый точно знал, что ему надлежит сделать.

– У нас с вами нет конкретного задания, – раздался пси-шепот Хана. – Давайте посетим маатанский гроб, спутешествуем к «храму», а потом вернемся в рубку «Кентавра». Пока ребята не распотрошат Джорджа, делать там нечего. Если захочешь участвовать в оперативных переговорах – дай команду, все мы завязаны между собой «спрутом» и подключены к Умнику, он выполнит приказ.

Умниками называли компьютеры-инки высшего класса с колоссальным быстродействием и огромной собственной памятью, с ними можно было не только работать, как с маши-

²² «Динго» – излучатель динамического голографического изображения.

нами-вычислителями, но и вести беседу, как с человеком, компетентным практически во всех областях науки и культуры.

Мальгин посмотрел на зависшую рядом глыбу «черного человека» – Хана, и вдруг что-то заставило его посмотреть вверх. Над ними висела жуткая черно-коричневая громада, ничем не напоминающая земной спейсер! И лишь несколько секунд спустя Мальгин понял, что этот камуфляж-спейсер прятался внутри созданного с помощью «динго» «маатанского корабля», как и люди – внутри голографических изображений «черных людей».

Что-то гулко прошипело там, в днище «чужака», из черного люка выпала странная косо-бокая конструкция, набирая скорость, пошла в сторону «храма». Разведзонд, замаскированный под маатанский аппарат.

Мальгин проводил его взглядом и опустил след за Джумой на корпус мертвого маатанского проникателя.

В течение двух часов они общаривали чужой корабль, стараясь не мешать исследователям десанта, потом слетали к «храму», особенность восприятия которого действовала на людей как неожиданно вскрывшийся обман. За это время дважды Умник включал сигнал предупреждения из-за «падения вероятности положительного прогноза», то есть из-за появления в поле зрения наблюдателей маатанских «сторожей», но все заканчивалось благополучно. Мальгин с интересом знакомился с миром Стража Горловины и маатанской техникой, однако вскоре почувствовал неудовлетворенность собственным положением: рисконавты работали, а он прохлаждался.

Судя по переговорам десантников, кое-что стало уже известно, однако этого «кое-что» Мальгину было мало. Тогда он с молчаливого согласия Хана присоединился к тем, кто работал в рубке «Кентавра», терпеливо «препарируя» мертвого Джорджа.

– Каковы впечатления? – встретил его вопросом Ромашин; у него, как и у остальных работающих в рубке шлюпа, «динго» был выключен.

– Потрясающе! – честно признался Мальгин. – По роду деятельности мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, а об археонавтике я знал только понаслышке. Если бы не специфический подтекст нашего здесь появления – я мог бы увлечься профессиями археонавта и ксенолога всерьез. Не могу даже выделить наиболее интересные детали – все интересно! Хотя, конечно, особенно впечатляют маатанский корабль и «храм» на острове. Кстати, что это такое на самом деле?

– Моно-но аварэ,²³ – пробормотал протиснувшийся в рубку Хан.

Ромашин заинтересованно взглянул на него, кивнул, соглашаясь.

– В чем-то вы правы. А вообще существует несколько гипотез, по одной из которых «храм» – останки разумного существа, «скелет», так сказать.

– Вы серьезно?! – пробормотал Мальгин, переглядываясь с не менее изумленным Джумой.

Ромашин усмехнулся.

– Правда, в связи с этой гипотезой возникает проблема обоснования строительства Стража Горловины. Зачем планета-куб понадобилась таким странным существам? Как они ее строили? Известно, что социальная целесообразность астроинженерной деятельности равна ее практической реализуемости. Планета-куб реализована, но зачем – неизвестно. И почему погибла раса кубриан – неизвестно, видимых причин нет. Конечно, мы не исследовали и миллионной доли Горловины и ее «стража», многое еще прояснится, но, кроме «сторожей ЧЧ», в Горловине полно другой техники, чужой, разумеется, это здорово мешает.

– Мне не совсем понятны... э-э... ваши...

²³ Эстетическая категория японской культуры, понятие, обозначающее скрытую прелесть предмета; дословно – печальное очарование.

– «Сторожа ЧЧ» – это автоматы маатан, что касается другой техники, то мы опознали только автоматы Орилоуха, принадлежность остальных пока не выяснена. Но сомнений нет – все они исследуют «серую дыру», не обращая внимания на маатанский запрет... что дает и нам основание действовать подобным же образом, не мешая никому. – Ромашин хотел добавить что-то еще, и в это мгновение Умник передал по пси-связи сигнал общей тревоги.

– В поле зрения «сторож ЧЧ», курс на Стража Горловины, время подхода десять-двенадцать минут.

– Всем «ВВУ-экстра»! – передал мысленный приказ Ромашин.

Хан подтолкнул Мальгина в спину:

– Аллюр три креста!

Они помчались к выходу, но как быстро ни бежали – пришли на спейсер последними. Все-таки безопасники группы риска были профессионалами и ориентировались в обстановке немного скорее.

– «ВВУ-экстра» – это сигнал сбора по форме «внезапно возникшая угроза», – сказал, переводя дыхание, Джума Хан, когда они ворвались в зал десанта и нырнули в кресло согласно штатному расписанию. – У меня предчувствие, что останемся мы при пиковом интересе, так ничего толком и не узнав.

Перед ними развернулся объем виома с пейзажем острова, над которым висел спейсер. Остров немного отодвинулся и сместился вправо – спейсер поднялся чуть выше и отработал в сторону, теперь стали видны проткнувшие друг друга земной шлюп и маатанский корабль.

– Полный запас на отражение и поглощение! – раздался в наушниках голос командира спейсера. – Десанту приготовиться к капсулированию и маневру ухода.

– Готовы, – сказал Ромашин, посмотрел на Мальгина, совершенно спокойный и обыденно неторопливый; он сидел рядом, справа. – Ну как, взяли что-нибудь для себя? Хотя бы в эмоциональном плане?

Мальгин собрался с мыслями, возбуждение его от бега и непривычной ситуации улеглось. Он понял, что имел в виду Ромашин.

– В общем, для полноты картины мне действительно нужно было увидеть район действия, место встреч Шаламова с «черным человеком». Уверен, это поможет мне в будущем, когда мы вплотную подойдем к... операции. Но скажите, удалось ли что-нибудь выудить из памяти координатора шлюпа?

Ромашин оглянулся на кого-то из десантников:

– Об этом вам расскажет Фредерик...

– Внимание! – перебил его командир спейсера. – «Сторож» над островом. Всем готовность «ноль»!

Вариатор вырезал в верхней части виома окружность, внутри которой появилось изображение маатанского аппарата: нечто вроде корявого ствола какого-то исполинского дерева, очищенного от ветвей, но с разлохмаченной корой и множеством наростов, напоминавших гриб-трутовик. При входе в атмосферу «ствол» вдруг превратился в плоский «блин» с вытянувшимся вперед «клювом» и стал похож на хищную морскую манту. Размеры «манты» от «клюва» до «хвоста» достигали трехсот десяти метров, а толщина тела составляла около двадцати восьми метров. Она за несколько секунд пронзила оставшиеся двадцать километров до поверхности Стража Горловины, одевшись при этом в струящийся ореол – слой плазмы, и зависла точно над «ракеткой» шаламовского шлюпа, не обращая внимания на висящего неподалеку «собрата».

Дальнейшее произошло в течение полуминуты. С «клюва» маатанского «сторожа» сорвалась неяркая в свете «дня» зеленая молния и вонзилась в тело шлюпа. На месте сцепившихся кораблей вздулся красивый сверкающий «мыльный пузырь», вырос до километра в диаметре и лопнул огненными лоскутами. Чудовищный вихрь взрыва ударил во все стороны, сметая на

своем пути скалы и ближайшие «развалины» вудволлового леса. Серо-зеленая пелена раздробленного в щебень камня, почвы и пыли скрыла под собой чуть ли не весь остров.

В зале заверещали счетчики радиации, хотя спейсер при взрыве даже не дрогнул – сработали поглотители инерции и ударной волны.

– Аннигиляция? – пробормотал Ромашин.

– По кораблям нанесен удар неизвестным видом энергии, – сообщил Умник, – мощностью около трех мегатонн, но при этом применено локализирующее капсулирование взрыва, ослабившее ударную волну, гамма-излучение и световой поток на пять порядков по двум осям координат.

Корона выброшенного вверх слоя почвы постепенно осела, пыль и дым рассеялись, и взорам свидетелей неожиданного нападения в центре острова вдруг предстала изумительно ровная, отблескивающая радужной глазурью дыра! Не воронка, а именно дыра диаметром в два километра и неизвестной глубины. Вся энергия взрыва, уничтожившего влиплие друг в друга корабли, пошла в глубь пород острова.

Мальгин не успел обменяться с соседом впечатлениями, маатанский «сторож» вдруг развернулся «клювом» в их сторону.

В рубке и зале десанта повисла напряженная капельно-звонкая «предгрозовая» тишина. У Мальгина непроизвольно сжались мышцы живота, будто неведомый противник направил в его незащищенное тело острие шпаги. Истекли долгие пять-шесть секунд, в течение которых состоялся короткий диалог Умника, Ромашина и командира спейсера, но они говорили на таком узкоспециальном жаргоне, что непосвященному разобраться в нем было почти невозможно. Мальгин понял только, что чужак запросил кодом спейсер, тот ответил, подлаживаясь под своего (безопасники и разведчики поработали неплохо, раскрыв многие секреты маатан, в том числе и язык), но поверил ли «сторож» – можно было узнать лишь по реакции водителя аппарата.

«Сторож» снова послал запрос – спейсер ответил еще раз. Маатанский автомат «задумался», что-то в ответе «собрата» ему не нравилось. Ромашин принял решение раньше.

– Брэк! – скомандовал он. – Императив «Кутузов»!²⁴

В ту же секунду спейсер перешел на «струну» и сошел с нее уже за пределами Горловины. Десантники зашевелились, перебрасываясь репликами.

– Я думал, он и по «своему» проникателю шарахнет, – сказал Джума Хан. – Интересно, мы бы ответили?

– Скорее всего – нет. – В голосе Ромашина прорезались мрачные ноты. – Мы не исповедуем закона возмездия типа «око за око», но явно чего-то не учли в разработке режима «инкогнито». Умник, что не устраивало «сторожа»?

– Видимо, «динго» работал нечетко, изображение плыло, вот автомат и не поверил. А вообще-то программу «динго» составлял не я. Я действовал на основе собранных данных, точно следуя логике маатан. Сбоев и ошибок в работе систем и персонала не зафиксировал.

– И все же мы действуем пока в пределах наших правил игры. Необходим тщательный разбор ситуации ради исключения подобных сюрпризов. Почему «сторож» уничтожил разбитые корабли?

– Нет достоверной информации.

– Есть предположение, – сказал Шевчук. – В Горловине крутится много чужой техники, я имею в виду орилоунскую, причем в отличие от нас орилоуны свою не маскируют, а маатане делают вид, что не замечают их, а может быть, они договорились о совместном исследовании «серой дыры», но в любом случае маатане решили скрыть от всех предмет возможного спора –

²⁴ Императив – разработка аналитиками отдела безопасных ситуаций, компьютерам остается только пересчитать их в конкретное приложение к создавшемуся положению.

кто и когда открыл вход в «серую дыру». А появление спейсера над островом спровоцировало, вернее, ускорило их решение.

Ромашин подумал и выбрался из кресла.

– Не бесспорно, однако у меня нет принципиальных возражений. Возвращайтесь в Горловину и решайте свои прежние задачи, коль уж мы так неудачно вмешались в дела пограничной разведки.

– Это мы виноваты, – встал Мальгин, виноватым жестом теребя подбородок. – Но я не знал всех обстоятельств дела, и у меня... просто не было выхода.

– Вашей вины здесь нет, – сказал Ромашин твердо. – Просто мы плохо подготовили операцию, информационно и технологически плохо, с чем еще предстоит разобраться. Идемте, поговорим на базовом.

Через несколько минут, сняв скафандры, десантники покинули борт «Ильи Муромца», который тотчас же растворился в пространстве, направляясь в Горловину, и собрались в кают-компанию «Конунга».

Неизвестно, о чем думал Джума Хан и какие им владели чувства, но Мальгин чувствовал себя неловко. Словно был виноват в неудаче экспедиции или на худой конец отстаивал необходимость заведомо обреченной на провал операции. Он редко нервничал, никогда не паниковал, не чурался риска, если это касалось только его самого и грозило неприятностями ему одному, но и бросаться очертя голову в схватку, в гущу событий, не зная ориентиров и конечной цели, не привык.

– Свои проблемы обсудим позже, – сказал Ромашин, каким-то шестым чувством оценив состояние Мальгина, – поэтому попрошу высказываться ближе к теме, касающейся наших гостей. – Он повернулся к хирургу. – Вся добытая информация и выводы экспертов будут зафиксированы в памяти Умника, и вы сможете получить запись по возвращении на Землю. Помощь наша, к сожалению, будет весьма незначительна, финал десанта не в нашу пользу, так что не обессудьте. Итак, сначала вы, Фредерик.

– Вынужден повторить эту очень неудобную фразу «к сожалению», – сказал главный кибернетик десанта, узкоплечий, с шапкой выгоревших до льняного блеска волос. – Все, что смогли, мы переписали и даже демонтировали кое-какие из блоков памяти Джорджа, но едва ли удастся восстановить из этого электронного хлама что-то путное. Компьютер получил сильнейший информационный удар, в результате чего шокковые наводки разрушили контуры интеллекта и межцентровые связи. Единственное, в чем мы разобрались: Джордж не был подключен к маатанскому компьютеру и принял на себя удар от пилота. Да-да, не удивляйтесь, это обстоятельство выяснено совершенно точно, канал связи координатора с эмканом пилота, слава богу, сохранился.

– Теперь вы сможете оценить не только качественно, а и количественно информационную мощь мозга Шаламова, – добавил Ромашин.

– Учтите еще вот что, – продолжал кибернетик. – Джордж, очевидно, подключился к мозгу пилота самовольно; это очень интересная деталь, но для вас не главная, – зато может заинтересовать процесс подключения. Время обратной связи «Шаламов – координатор» не превышало десятых долей секунды, но за эти мгновения Джордж, скорость операций которого близка к пределу Мука, пытался упорядочить хлынувший поток информации и успел частично перестроить электронную структуру мозга. Потом он все равно был «затоплен», однако четко прослеживается корреляция его оперативного поля со схемой маатанского компьютера.

– Ну и что? – спросил Джума Хан, подождав.

Кибернетик замаялся, посмотрел на Ромашина.

– Извините, если я чрезмерно усложнил объяснение...

– Так давайте попроще, мы не обидимся.

Фредерик порозовел, был он, по сути, еще очень молод, но ориентировался в разговоре с неспециалистами быстро.

– В двух словах сказанное мной сводится к следующему: судя по состоянию Джорджа, принципы мышления вашего пациента близки к принципам работы маатанского компьютера. Предполагается, что у Шаламова база этики – человеческая, а база логики, база принципов обработки информации – маатанская. Подчеркиваю – предполагается. Более точную реконструкцию происшедших событий сможем выдать вам только после обработки массива полученных данных.

– Информация нужна мне сегодня, не позднее... – Мальгин запнулся, потому что хотел сказать «не позднее десяти вечера», но в полете время на спейсере отсчитывалось иначе. – Не позднее чем через шесть-семь часов.

Десантники, как по команде, одновременно посмотрели на Ромашина.

– Надо – значит, будет, – сказал Фредерик.

– Вне всяких сомнений, – кивнул Ромашин. – Кто еще хочет что-то сказать гостям?

– Добавлю, – Фредерик посмотрел на Мальгина, желая, видимо, произвести на него хорошее впечатление, – что сам маатанин не смог бы починить свой проникатель, потому что необходимые для этого компоненты находились на борту «Кентавра», а об этом знал только Шаламов. Он смог разобраться в управлении маатанской техникой и использовал ее для ремонта системы связи. Это все.

– У меня вопрос, – поднял руку верзила с несколько сонным выражением лица. – Вы хорошо знаете Шаламова?

Хан и Мальгин переглянулись.

– Достаточно, – сказал Хан. – Что вы имеете в виду?

– Меня он интересует как личность.

– Если очень коротко, то Шаламов азартен, упрям, независим, решителен, с твердой волей и любовью к риску. Личность своеобразная, но сильная.

– Это я и хотел услышать. Дело в том, что маатанский компьютер – моя группа успела его «оживить» – носит четкий отпечаток личности оператора-человека, в данном случае – Шаламова. А для того, чтобы поменять знак императив-вектора обратной связи, нужно обладать очень мощным интеллектом и несгибаемой волей.

– Вы хотите сказать, что произошел обмен? Шаламов получил запас знаний маатанского компьютера, а тот – память пилота?

– Более того, – сказал ведущий ксенопсихолог десанта, – Шаламов воздействовал не только на маатанский инк, но и через него на психику «черного человека», из-за чего у маатанина произошел, очевидно, «сдвиг» в обратную сторону, в сторону «очеловечивания», иначе трудно объяснить его поступок. Нормальный маатанин никогда не стал бы беспокоиться за судьбу гуманоида, а спасенный Шаламовым, по сути, выручил своего спасителя, сообщив нам его координаты. Этот поступок еще требует анализа и влечет за собой интереснейшие последствия.

– Это все, что мы можем сообщить коллегам? – снова спросил Ромашин, вызвав отсчет времени на своем браслете.

– Пока все, – ответил смущенный кибернетик за остальных.

– Минуту, – сказал Мальгин через силу; неожиданно сжавший горло спазм мешал говорить. – Я бы не обратился за помощью, имей все необходимые для операции Даниила сведения. Но у меня нет ни капли информации по физиологии, биологии и психике маатан. Если ваши предположения об «очеловечивании» «черного человека» верны, то у нас есть шанс выяснить все через этого спасенного Даном маатанина. Прошу об одном: дайте мне возможность встретиться с ним.

В зале возникла тишина. Ромашин оглядел свою команду, по губам его скользнула тонкая иронично-понимающая усмешка.

– Вы представляете последствия в случае конфликта с маатанами?

– А вот это уже ваша забота, – огрызнулся Мальгин. Ромашин засмеялся, за ним десантники. Джума Хан, улыбаясь, подмигнул хирургу и поднял большой палец.

– Хорошо. – Начальник отдела безопасности стал серьезным. – Мне нравится ваш подход к делу. Поскольку я предвидел аппетиты медиков, то заранее вышел в совет с просьбой ради спасения жизни Шаламова разрешить локальный контакт с маатанином, и СЭКОН дал согласие, а специалисты ИВК разработали варианты сценария встреч с «черным человеком». Не буду говорить, какими методами и чего нам это стоило, но мы вычислили местонахождение маатанина, спасенного Шаламовым. Судя по предварительным данным, он в «сумасшедшем доме», если применить наши человеческие аналогии и термины. Видимо, он и в самом деле воспринял многое из того, чем был заполнен мозг пилота, вот его и решили изолировать. Честно скажу: если бы не это обстоятельство, мы не рискнули бы провести операцию, против которой до сих пор возражает председатель комиссии по контактам, работающей в системе Маата на «Эдипе-2». И все же речь идет не о нас, на контакт пойдете вы, что намного усложняет подготовку и сопровождение операции, потому что вы не профессионал безопасник. Не скажу, что риск смертелен, в этом случае СЭКОН не разрешил бы даже зондовой проверки, однако он все-таки достаточно высок, и я вынужден официально получить ваше согласие на участие в операции.

– Согласен, – твердо сказал Мальгин.

– Ваш дублер?

– Провалиться мне на этом месте, – поклялся Джума серьезно, – если я откажусь.

– Узнаю по когтю льва, – пробормотал Фредерик; на лицах десантников замелькали улыбки: многие из них знали нрав врача СПАС-службы.

– Тогда перейдем к делу. – Ромашин кивнул. – Так как традиционного РК-ВК-ИК²⁵ с маатанами не получается, вступает в силу специфика работы нашего отдела, и, пока мы будем готовиться, вам придется пройти сеанс гипнообучения для получения кое-каких жизненно необходимых сведений. – Начальник десанта повернулся к своим подчиненным. – Обойме смены усиления – на замену.

Несколько десантников, в том числе кибернетики и специалисты-инженеры, молча встали и вышли, их место заняли другие безопасники. Прделано это было без единого слова, каждый человек знал свои обязанности.

Группа риска была готова к новой работе.

Глава 4

Спейсер начал ориентацию в пространстве, чтобы прыгнуть на двадцать девять парсеков и выйти у Маата, соблюдая все меры предосторожности режима «инкогнито». На маневр и прыжок ушло около часа, готовить, собственно, было нечего, все было давно подготовлено к операции, остальное было делом техники, а компьютерная техника человека уже давно не подводила.

За это время Мальгин успел пройти сеанс гипнообучения и владел теперь не только специфичной терминологией безопасников и пограничников, но и знал все приемы работы и страховки групп риска, подобных их риск-обойме. Кроме того, ему прокрутили пятиминутный видеоклип психологической разгрузки, и намечавшиеся признаки усталости отступили.

²⁵ Радиоконтакт, визуальный контакт, информационный контакт.

Пока «Конунг» устанавливал связь со станцией «Эдип-2», находившейся в системе Маата уже семь лет, – Ромашин хотел предупредить контакторов о предстоящей работе, – Мальгин перекинулся с Ханом несколькими фразами и убедился в том, что оба они реагируют на происходящее одинаково: не без волнения, но сдержанно и ровно. К тому же Джума умел слушать собеседника, что всегда нравилось Мальгину, и он даже подумал мимолетно – почему же при таких достоинствах Джума не смог удержать Карой Чоккой? Но тут же пришла мысль: а ты почему не удержал Купаву? Тоже, видать, есть какая-то червоточина, нивелирующая личное благополучие и счастье? И Клим, усмехнувшись в душе, переключил внимание на предстоящую работу.

Процедура переодевания не заняла много времени, хотя экипировка нового десанта отличалась от первого – в Горловину «серой дыры». Скафандры десантников представляли собой компьютеризированные автономные оболочки, увеличивающие вероятность выживания в экстремальных условиях, снабженные усилителями силы мышц, системами защиты, реагирующими на любую потенциальную опасность, и оружием, имеющим шлемные системы наводки и управляемым мысленным приказом.

Компьютер-инк скафандра Мальгина носил звучное имя Кир и очень быстро оптимизировал работу систем скафандра, подгоняя их под личность и особенности хозяина таким образом, что Клим почти перестал ощущать его на себе.

Опробовав скафандр в движении, Мальгин занялся проверкой автономного медицинского диагностера-инка, напичканного множеством сложнейших систем для записи и анализа состояния живых организмов. Этот диагностер был специально подготовлен для работы с неземными существами.

Джума Хан молча наблюдал за действиями хирурга, хотя мог бы спросить – зачем Мальгину диагностер: работать на аппарате предстояло ему.

– Переключка-проверка, – послышался пси-шепот Ромашина.

– Второй готов, – отреагировал Мальгин, чувствуя возбуждение и желание действовать.

Десантники один за другим выдали готовность, и Ромашин первым вошел в кабину метро. Через минуту они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Стратег», прибывшего раньше для анализа обстановки и подстраховки основных сил, затем, сопровождаемые одним из членов экипажа, опустились на горизонт транспортного обеспечения. Их ждал необычного вида аппарат, похожий на засохший кленовый лист буро-желтого цвета, с загнутыми краями и утолщением в центре. Размеры его превосходили размеры десантного когга: высота утолщения – пять метров, диаметр окружности «листа» – тридцать.

– Это и есть когг, – пояснил Кир, едва Мальгин успел подумать о форме аппарата, – но его «динго» уже включен. Включай свой.

Десантники превратились в черно-металлические туши маатан, один за другим влезли в щель люка. В неподвижности и молчании потянулись минуты ожидания. Вид черных фигур действовал на Мальгина угнетающе, ему почему-то казалось, что от них веет угрюмым презрением и даже угрозой, и хотелось быстрее включиться в дело, почувствовать себя хозяином положения, а не гостем на чужом пиру. В грузовом отсеке когга было ровно столько места, чтобы десантники разместились стоя, касаясь друг друга локтями и плечами, так что иллюзорные тела «маатан» проникали от соседа к соседу.

Стоящая рядом глыба «черного человека» не шевельнулась, но Клим почувствовал хлопок по плечу.

– Джума? – сказал хирург наугад.

Раздался смешок Хана.

– Я думал, ты меня не узнаешь.

– У меня перед ответственным делом развивается импринтинг.²⁶

– Поди ж ты – у меня то же самое.

– Хочу пояснить, – сказал Ромашин, неотличимый от остальных «маатан». – Операция уже началась, но первыми включились обоймы сопровождения, поддержки и обеспечения, всего около трехсот человек, а наша задержка вызвана тем, что спейсер сейчас проводит захват и замену настоящего маатанского аппарата нашим, чтобы не насторожить маатанскую систему контроля пространства. Сам спейсер невидим для любых радаров, а наш когг будет имитировать форму маатанского шлюпа и копировать его сигналы.

Мальгина снова охватило чувство неловкости и вины: чтобы помочь ему сделать свою работу, включились огромные человеческие коллективы, вынужденные рисковать ради решения чужой проблемы своим здоровьем и, может быть, жизнью, привелись в движение громадные технические и энергетические ресурсы, и все это – ради спасения одного человека. Не велика ли цена?..

Эта мысль мелькнула и погасла: Мальгин вспомнил выражение глаз Купавы, растерянно-ждущие лица родителей Шаламова. Чувство вины растаяло.

– Есть захват, – прошелестело в наушниках эмкана. – Пошел десант!

Толчок был несильным, а движение не ощущалось вообще. Эфир вдруг взорвался множеством голосов – на несколько секунд:

– Сопровождение – форма «экстра», тройное дублирование!

– Юг – на контроль атмосферы.

– Реакция нулевая...

– Север – планетарный контроль...

– Реакция нулевая...

– Вруб «абракадабры», отбой аналоговой связи!

Тишина в эфире, потом дробь писклов и гудков, снова тишина. Толчок, совсем легкий.

– Группа обеспечения! – Голос Ромашина.

Несколько черных фигур отделились от толпы «маатан» – десантники обоймы обеспечения пошли на работу. Истекла минута, другая...

– Двойка и тройка – ваш выход!

Как ни был Мальгин готов к вызову, все же вздрогнул, хотя рефлексy сработали мгновенно и не дали ему замешкаться. Джума Хан последовал за ним вместе с диагностером, «динго» которого превратил аппарат в нечто напоминающее пень с массой плотно упакованных корней.

В световом диапазоне пейзаж Маата был угрюм, необычен и дик, в его красках преобладали багровые и бурые тона, и казалось, что вся планета окутана туманом. Объяснялось это просто: окно прозрачности атмосферы было сдвинуто в сторону ультрафиолетового диапазона. Кир включил нужный диапазон видения скафандра, «туман» растаял.

Небо планеты показалось низким и плотным, по его темно-серому с бурыми пятнами фону неслись перистые светящиеся облака. Светило висело над горизонтом в зеленом ореоле, неяркое и негреющее. Когг произвел посадку на плоской, как стол, равнине, в центре круглой площадки, засыпанной слоем янтарно-желтой, светящейся изнутри гальки. За площадкой шла твердая почва, напоминавшая бетон или асфальт, но зеленовато-желтого цвета, с черным узором, похожим на след древооточца в коре дерева. В трех десятках метров от когга начиналось небольшое озеро, вернее, пруд строгой геометрической формы – трапеции, с черной водой и громадными дышащими пузырями. За прудом начинался пологий склон холма, поросший ярко-оранжевыми языками, гребнями и перепонками. На холме стояло низкое уродливое здание с покоробленной черной крышей, без окон и дверей. Слева от него из почвы вырастали

²⁶ Импринтинг – обостренная чувствительность к окружению.

немыслимые конструкции, похожие на заросли из металлических шипов и проволоки, а справа шел ряд «парусов» – громадных рваных полотен из полупрозрачного материала с прожилками, обрамленных металлически блестящими полосами. За ними виднелись какие-то увенчанные черными «розами» мачты и ажурные башни. И замыкалось голое пространство за когдом невысокой стеной, сложенной из грубых, плохо обработанных блоков не то камня, не то металла серебристого цвета.

Тишина в этом мире царила удивительная, лишь изредка откуда-то из-за стены доносился какой-то цокот и скрип.

– К зданию! – раздался в наушниках голос Ромашина. – Он там, внутри. Прошу быть готовыми к отходу, в глубине здания отмечена громадная концентрация энергии. Факт этот непонятен и потому особо опасен!

Мальгин скомандовал антиграву старт и за несколько секунд перенесся к зданию маатанского «сумасшедшего дома». За углом торчала фигура маатанина на «журавлином гнезде» – не поймешь: то ли десантник, то ли настоящий «черный человек». Ну да бог с ним!

Сплошная стена здания вдруг раскололась щелью, в образовавшийся звездообразный пролом скользнула на «гнезде» блистающая серебром глыба.

– Переориентировка Умника: персонал клиники одет в голубые «зеркала», мы выглядим чужаками.

– Принял, – отозвался Умник. – Меняю программу «динго».

В ту же секунду цвет маатанских «комбинезонов», в том числе и у Мальгина, изменился на зеркально-голубой.

– За мной! – «Маатанин» нырнул в проем двери, за ним Мальгин, Хан с диагностером и двое десантников.

– Это верхний ярус, – на ходу бросил проводник обоймы обеспечения. – Основной массив клиники внизу, глубина неизвестна, но не менее двухсот метров. Очень много энергоисточников, шумовых помех, невозможно ориентироваться. Такое впечатление, что у них тут куча работающих энергостанций!

Они двигались по широкому коридору с гладким черным полом, бугристыми стенами и багрово светящимся потолком, в толще которого пульсировали прожилки голубого пламени. Ни одной двери Мальгин не заметил, но впереди справа стена коридора лопнула сразу в трех местах, и в образовавшиеся проломы выплыли «черные люди».

У Мальгина екнуло сердце: влипли!

Первый маатанин, в фиолетовом «одеянии», что-то сказал: в голове Мальгина захрипело и затрещало, словно валежник в лесу под ногами, «перед глазами» – таково было впечатление – метнулись пламенные стрелы, складываясь в узор фразы чужого пси-языка. «Вам здесь не место», – перевел Умник.

– Мы идем одним путем, – мгновенно отреагировал десантник сопровождения. Умник послушно перевел фразу на маатанский: треск, шорох, скрип, вязь огненных лент.

Не останавливаясь, они проплыли мимо замерших озадаченных «черных людей». Десантник, замыкавший группу, отстал, загородив коридор, выдал угрюмое:

– Проходите, не задерживайтесь.

Чем закончилась встреча, Мальгин не увидел, проводник вдруг свернул в поперечный коридор, где возле открытой двери их ждал еще один член риск-обоймы.

– Здесь, – сказал сопровождающий, уступая дорогу.

Мальгин не раздумывая устремился в проем двери. Взору открылось странное мрачное помещение, сходящееся клином метрах в двадцати от входа. Освещено оно было слабым ручьем багрового света, струящимся по потолку, но Мальгин все же разглядел впереди тушу «черного человека», буквально заклиненную в остром углу помещения. Хирург приблизился.

«Черный человек» не пошевелился, но у Мальгина возникло ощущение, что на него смотрит угрюмая гора.

– Мы идем одним путем, – сказал Клим, не зная, с чего начать. Умник перевел сказанное.

– Но вы идете с закрытыми глазами, – прозвучало в ответ.

Мальгин вздрогнул.

– Открывайтесь, – сказал быстро Хан, выталкивая вперед диагностер. – Иначе он будет принимать нас за своих врачей.

– Обойме-главной! – раздалось в наушниках эмкана. – Штормовое предупреждение! Маатанский глобконтроль обратил внимание на интенсивное движение в районе клиники. Вижу атмосферные объекты «АА». Время подхода – семь минут сорок секунд. Даю отсчет.

– Балансировка, – прорезался голос Ромашина. – Умник – балансировка оптимала!

– Предлагаю вариант-1, наиболее оптимальный в создавшемся положении.

– Двойка, ваше слово.

Мальгин сглотнул застрявший в горле вопрос. По первому варианту применялся отвлекающий маневр с запуском самостоятельного «динго», имитирующего орилоунский зонд с последующей его самоликвидацией, а также бегство десанта на борт спейсера.

– Едва ли мы сможем еще раз прийти сюда, применив первый вариант. Предлагаю второй: я остаюсь, вы уходите на орбиту и ждете сигнала.

Ромашин думал недолго.

– Принимаю. Всем постам императив «Хеопс»! Внешнему наблюдению максимальный «хамелеон»! Кен, обеспечить защиту двойки.

– Я обеспечу, – вмешался Джума Хан. – Требую соблюдения иерархии десанта, я – тройка!

Мгновение спустя голос Ромашина принес короткое: «Разрешаю».

Весь разговор длился девять секунд.

Мальгин и Хан остались одни перед травмированным «черным человеком», взиравшим на них с равнодушием тысячелетнего старца. Связь с Умником прервалась, видимо, когт ушел на орбиту: общаться с маатанином предстояло без переводчика. Но он знал земной язык.

– Мы земляне, – сказал Мальгин, подходя ближе, – и нуждаемся в вашей помощи. Вы в состоянии еще раз помочь человеку, который выручил вас из беды после столкновения в «серой дыре»? Помните? Вы понимаете меня?

«Черный человек» не пошевелился, лишь на коже проступила «сыпь» – встопорщились мелкие кристаллики.

Тусклые огненные струйки пси-языка маатанина сплелись в немыслимый узор, потом из него вылепилась фраза на земном языке:

– Я понимает... я понимает да есть... люди Землие что нуждаца конкретну... вопрос.

– Черт возьми! – прошептал Хан. – У маатан нет понятия «я», и они не умеют пользоваться глаголами. А этот – умеет!

– Ваш ксенопсихолог прав: «черный человек» получил знания Шаламова и теперь лучше знает язык. – Мальгин подошел к маатанину вплотную.

– Для лечения вашего спасителя нам необходимо знать биопараметры маатан: физиологию, биологию, нейрохимию, психологию...

– Нет необходимост перечисление... я понимает... я нет помоч нет движение...

– Мы освободим вас. Если бы вы смогли подключиться к банку биологических данных... у вас есть такие банки?

– Банк что есто – вопрос.

– Вместилище информации, склад с запасом данных по всем отраслям науки, техники и культуры.

– У них нет науки и техники, – быстро сказал Джума, он уже включил диагностер и запустил программу исследований – около двух десятков «усов» протянулись от «пня» аппарата к неподвижному «черному человеку». – Их наука есть одновременно и искусство, и культура, и быт, и мораль, и этика.

– Я понимаю, – высветил маатанин. – Помочь я да есто движение... быстрие... три... быстрие нет време... опасно да есть...

Мальгин бросился к маатанину, зажатому клиновидно сходящимися стенами его палаты, примерился, как вытолкнуть «черного человека» из щели, и вдруг понял, что тот вовсе не сдавлен стенами, как показалось вначале, а... врос в них боками!

– Джума! – окликнул Мальгин.

– Вижу, – отозвался врач. – Без ножа освободить его невозможно, надо резать... по живому.

– Резат да быстрие... я много понимает ваш друг... нет смыслие жизни без жертвия сам – понимает... нет смыслие любвие без препятство понимает... наш Маат нет состояние определит смыслие хомо жизни – понимает... хомо ценит мы – я мы хомо – нет – плохо да есть...

Маатанин выдохся, на Мальгина пахнуло волной чужой тоски и сложных, не выразимых словами чувств. Человеческий язык не в состоянии определить все возможные оттенки переживаний даже самого человека, не хватило бы слов и точности, так что же тогда говорить о переживаниях «черного человека»!..

– Режу! – возглас Хана вывел Мальгина из ступора.

– Простите нас!

Джума двумя взмахами «лезвия» разряда «универсал» отделил маатанина от стен. Дважды в голове Мальгина вспыхнули огненные клубки – то ли крики боли маатанина, то ли «крепкие выражения», распались на светящиеся лоскуты, сложились в слова:

– Так я легко... контролеры кризис нет понимает я лечит нет время нет быстрие... как я движение – вопрос нет транспорт...

Джума мгновенно сформировал из диагностера нечто напоминающее двухметровое блюдо.

– Садитесь, довезем.

«Черный человек» всколыхнулся кристаллами тела, неуклюже влез на «блюдо».

– Я вперед... время совсем удар сердца... тревога да... ждат контролеры кризис... быстрие...

– «Контролеры кризиса» – это, наверное, их врачи. – Джума выглянул в коридор. – Я пойду первым, ты за ним.

Процессия вылетела из палаты, стены которой вдруг задымились и покрылись сеткой мелких электрических разрядов. Свернули налево, потом еще раз налево, по коридору, ведущему в глубь клиники. Встретили целую толпу маатан в голубом, но Хан не снизил скорость, а, наоборот, направился прямо на них, «вопя» во всю мочь заранее составленную на маатанском языке фразу («вопил», конечно, киберинтеллект скафандра):

– Прочь! Опасность! Освободите путь! Он уходит в хаос!

«Черный человек» вдруг засмеялся – так расшифровал его пси-всхлип Мальгин и не поверил себе: маатане не умели смеяться и не знали, что такое юмор. Видимо, отпечаток личности Шаламова был настолько глубок, что и в самом деле перестроил личность маатанина: «черный человек» был «болен» человеком...

Мальгин посмотрел на громоздкую тушу, с поврежденных боков которой «сочились» и стекали вниз струйки голубоватого сияния – электрическая «кровь» маатанина, и хирурга обдало горячей волной благодарности, нежности и жалости: «черный человек» рисковал, как и они, но если они спасали человека, своего соплеменника, то маатанин шел на риск ради чужака гуманоида, вопреки колоссальным традициям морально-этического кодекса цивилиза-

ции. Мальгин снова пожалел, что затеял эту экспедицию, заставившую переступить грань дозволенного риска сотне людей и совершенно чужому разумному существу, уже пострадавшему от встречи с человеком, хотя и спасенному им же.

Нырнули в прозрачный пузырь в тупике коридора – лифт, «мустанг» по терминологии Шаламова, который вынес их в просторный зал, чем-то напоминающий рубку маатанского корабля. У черного плоского экрана во всю стену зала сидели на «журавлиных гнездах» пять маатан в синем. Рядом с каждым рос из пола пучок членистых прутьев, похожих на бамбуковые удочки. Все пятеро «оглянулись» на шум.

– Не мешать! – рявкнул Джума Хан. – Контролеры кризиса. Вытолкнуть «черного человека» на «блюде» диагностера вперед. Приступайте.

Неизвестно, что поняли из перевода маатане, сидящие у экрана, но они не сделали ни одной попытки воспрепятствовать смельчакам, застыв словно в столбняке лоснящимися тюленными тушами.

Маатанин Шаламова что-то сказал соотечественнику, располагавшемуся в центре. В ответ раздалось такое сверкание чужой пси-речи – Мальгин и Хан тоже «увидели» этот взрыв эмоций, – что не приходилось сомневаться в смысле сказанного. Джума отреагировал мгновенно: туша маатанина кувырком вылетела из гнездообразного кресла и врезалась в барьер перед экраном.

– Полегче, – проворчал недовольно Мальгин.

– Я всего лишь толкнул его немножко в назидание другим, времени на уговоры у нас нет.

«Черный человек», которого они привезли, с некоторой заминкой – опешил, видать – занял освободившееся место. «Удочки» возле «гнезда» легли на него, образовав нечто вроде клетки. Экран напротив тут же выдал сноп светящихся стрел и кривых.

Выбитый «из седла» маатанин повозился у экрана и застыл в нелепой позе, сильно смахивая на карикатуру изваянной из металла гориллы.

– Быстрые писание ответ, – заговорил «черный человек» спустя минуту, он был специалистом высокого класса, несмотря на травму психики, и умел работать со своей компьютерной техникой.

Джума Хан метнулся к нему, покопался в диагностере, отогнул три «удочки» от маатанина и воткнул их в спецгнездо на корпусе аппарата: со стороны этого никто не видел, видеопризрак тела маатанина, «надетый» на скафандр, надежно скрывал действия человека, просто Мальгин знал, что так все и было на самом деле.

– Готов.

– Писание идти... много нет время... опасно близь... должно бегствие быстрые да... быстрые...

Среди маатан у экрана началось вдруг какое-то общее движение, Мальгин почувствовал на затылке давление чужого угрожающего взгляда, оглянулся. Вход в зал раскрылся, и в образовавшийся широкий многоугольный проем ворвалось вдруг жуткое страшилище: колоссальная туша, похожая на зубра и носорога одновременно, в пластинчатой броне, с кучей хвороста вместо ног.

– Уходим! – сказал Хан хладнокровно. – Это по наши души.

– Я прикрою! – не колеблясь, отозвался Мальгин. – Главное теперь – запись! Уноси диагностер и «черного». Быстро!

– Только не отставай.

В то же мгновение тело Джумы разделилось на три совершенно одинаковые фигуры, две из них бросились навстречу ворвавшемуся существу или механизму, третья – сам врач – выдернула диагностер с маатанином из объятий «удочек»-антенн управления и превратилась в туманное облако, в котором скрылись и Джума, и диагностер, и «черный человек». Облако

стремительно рванулось в обход «зуброносорога», который замешкался с выбором цели, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Джума скрылся в дыре выхода.

Мальгин увидел, как черный рог чужого автомата повернулся в его сторону – автомат разобрался в запущенных Джумой «призраках». Состязание в скорости реакций теперь шло между маатанским компьютером и земным, вмонтированным в скафандр, но Кир успел обработать ситуацию раньше и без подсказки Мальгина чиркнул лучом «универсала» по кончику рога. «Зуброносорог» окутался мощной короной электрических разрядов, на месте его рога вздулся ослепительный радужный пузырь, несколько разрядов сорвалось с «хвоста» ног под телом «сторожа» в пол. Что последовало за этим, Мальгин увидеть не успел, он был уже в коридоре, оставив за собой «крик» маатан в пси-диапазоне, а в звуковом – вой и треск поврежденного автомата.

В конце коридора мелькнуло маскировочное облако Джумы, Мальгин рванул за ним с такой скоростью, что едва не сломал себе шею от этого рывка. Он сбил какого-то маатанина в голубом, не успевшего увернуться, увидел сзади еще двух «зуброносорогов» и выстрелил для острастки: прозрачно-желтый хлыст разряда проложил огненную дорожку в полу коридора, отгородив маатанскую стражу от беглецов.

«Черный человек» вывел их другим путем – со стороны «леса» – зарослей «стрекозиных крыльев» величиной с лопасть воздушной мельницы. Тотчас включилась связь с Умником и началась отработка операции возвращения, рассчитанной аналитиками отдела безопасности, но и маатане не дремали, все-таки технологический потенциал их цивилизации был очень высок, хотя и необычен.

Над зданием клиники висели один над другим аппараты маатан, асимметричные, плоские, похожие на гигантских каракатиц диаметром в две сотни метров. Из днища нижнего аппарата торчала вращающаяся кособокая решетка, окутанная шубой электрического сияния. Второй снизу через дыру в борту «метал икру» – выгружал маатанский десант в зеленой броне; эта операция здорово напоминала выброс парашютного десанта из самолета на Землю двухвековой давности.

Стоило только беглецам появиться на открытом пространстве, как их тут же заметили. Из зарослей «стрекозинового леса» с треском выползла навстречу кошмарного вида конструкция, слепленная из ржавых на вид балок, штанг и рычагов, сквозь мешанину которых виднелась туша маатанина. Из носовой части этой машины угрожающе выдвинулась вперед косая ажурная башенка.

– Нет оружие, – торопливо высветил предупреждение «черный человек». – Службе контроля нет угроза... опасно да вверх... беглие назад быстрее...

– Не стрелять, – торопливо перевел Мальгин Умнику. – Первый, у нас всего одна-две минуты, здесь их десант.

– Видим, успеем, – отозвался Ромашин. – Отойдите от «черного», быстрее!

– Прощай, друг, – сказал Джума Хан, освобождая диагностер от туши «черного человека». – Извини за хлопоты и боль. Держись!

– Понятие да хомо эмоции, – ответил маатанин, грузно осев на одну из серых плит, цепочкой уходивших в заросли леса. – Маатание безнадежность... желание дружно Шаламо здоровье да... вам здоровье... мы не ест разумно хомо да... не есто понятие вы.

– Спасибо! – успел крикнуть Мальгин до того, как их накрыл силовой трал упавшего с неба десантного когга, втянул внутрь корабля. Стены дезокамеры сомкнулись вокруг, в глазах померк свет...

В джамп-режиме когг преодолел атмосферу Маата в три прыжка и растаял во тьме космоса, подхваченный невидимым спейсером «Стратег», готовым прийти на помощь всей своей интеллект-компьютерной и энергетической мощью. Отпустив на волю задержанный чужой

зонд, под который был замаскирован когг, спейсер включил компакт-генераторы и ушел в «струну», а вышел из нее уже в Солнечной системе, дома.

В дезокамере когга вспыхнул свет, открылась дверь наружу.

– Выползаем, – сказал Джума Хан, превращаясь в человека в скафандре. – Рокамболь²⁷ наш кончился.

Мальгин с удивлением обнаружил, что со времени старта к Маату на когге прошло всего лишь тридцать восемь минут.

– Я думал – по крайней мере два часа, – сказал он хриплым голосом. – Знаешь, чего я хочу больше всего?

– Чего? – спросил Хан из ангара спейсера.

– Пить и есть!

Мальгин выключил аппаратуру «динго», расправил плечи и вышел из дезокамеры. В конце коридора показался Ромашин без скафандра, в белом кокосе, за ним вся его гвардия, десантники риск-обоймы, пограничники, члены экипажа спейсера и оперативники бригады сопровождения.

– Поздравляю с успехом, – невозмутимо сказал начальник отдела, протягивая руку. – Вы, Джума, были неподражаемы, особенно когда скомандовали маатанам не мешать от имени «контроля кризиса». Знаешь, как переводится на маатанский ваш грозный рык «не мешать, контроль кризиса»? У маатан нет такой службы, и, будь с вами Умник, он перевел бы эту фразу как «могильщики энтропии». К счастью, «черные люди» вас не поняли и поэтому не вмешались.

Ромашин пожал руку Мальгину, пристально взглянул ему в глаза:

– Вы довольны?

– Еще минуту назад я ответил бы – да, – сказал Мальгин.

– Что же изменилось?

– Я подумал... что будет с «черным человеком»? По сути, он допустил утечку информации...

Ромашин улыбнулся, оглядываясь на зашумевших парней.

– На Маате не знают, что такое смертная казнь, это раз. Мы не находимся в состоянии войны с маатанами, это два. Наша работа не есть игра в «шпионов и контрразведчиков», как может показаться с первого взгляда, – не те масштабы и задачи, – это три. И наконец, последнее. Проведенная операция – только начало намеченного контакта, давно подготовленного Институтом внеземных культур. Комиссия по контактам порядка работает у Маата на «Эдипе-2» и готова объяснить смысл нашей вылазки, которая должна бы всколыхнуть омут маатанского равнодушия и подготовить почву для переговоров. Контактторы испробовали до этого момента все доступные им средства и методы ведения переговоров – безрезультатно, наш десант – последний шанс.

– И все же... – Мальгин откашлялся. – Поймите меня правильно... может быть, я не затевал бы подобного эксперимента, подумай об этом раньше... вероятно, мы в душе больше антропоцентристы, чем принято считать... мы не подумали... вернее, я не подумал о судьбе «черного человека». Вы можете сказать точно, что будет с ним?

Участники операции замолчали.

Ромашин не отвел взгляда, но в глубине его глаз вдруг всплыла печаль. Не презрение, жестокость или ирония – печаль!

– Точно – нет, – сказал он тихо. – Я думаю, что ничего плохого с ним не случится, если верить ксенопсихологам, а я им верю. Они давно возятся с Маатом и, хотя вынуждены довольствоваться только косвенными методами исследований, смогли довольно верно опреде-

²⁷ Необыкновенные приключения (по имени героя романов Понсон дю Террайля).

лить основные аксиомы психологии «черных людей». Успешный финал десанта – тому подтверждение.

– И все же история маатан темна и непонятна...

– Согласен. Я, кажется, понял вас. Но учтите – невозможно, жалея двоих, остаться посередине, нейтралитет в такой ситуации хуже предательства. Вы не сможете помочь обоим сразу, а значит, не поможете никому. Убедил?

– Не знаю... я подумаю. Извините меня, я еще не пришел в себя и поэтому столь резок в оценках.

– Все нормально, Клим, – вмешался Джума Хан, – не вешай на себя ярлык. На их месте я бы сразу взял тебя если не в безопасники, то уж в пограничники обязательно.

Обступившие их десантники засмеялись.

– А что? – улыбнулся и Ромашин, он понимал Мальгина и сочувствовал ему, но характер и положение не давали ему права на колебания. – Пойдете?

– Нет, – сказал Мальгин, внезапно ощутив на губах горечь этого слова. Слова, которое так ненавидела Купава.

Глава 5

Отдыхать не пришлось.

Шел уже десятый час вечера, когда Мальгина доставили на базу погранслужбы «Луна – центр», откуда он сразу позвонил в институт Таланову – предупредить, что будет на месте к десяти, лишь слегка приведет себя в порядок.

Хан прямо с базы умчался к экспертам-кибернетикам с драгоценным диагностером, битком набитым полученными от «черного человека» сведениями, и обещал явиться сразу, как только удастся расшифровать хотя бы небольшой фрагмент записи. Мальгин попрощался с Ромашиным и с базы отправился домой, мечтая только о горячей хвойной ванне и глотке клюквенного морса, а в гостиной ему навстречу встала с дивана Купава.

С минуту они молча смотрели друг на друга, потом Купава шагнула к нему и, как в былые времена, ткнулась в грудь лицом. Прошла вечность, прежде чем Мальгин опомнился и отстранил женщину, вглядываясь в ее ставшее мокрым от слез лицо. Пришли на ум Некрасовские строки:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..

Купава потянулась к нему губами, странно робкая и незащитная, но Мальгин уже овладел собой, погладил ее по щеке и усадил на диван.

– Подожди немного, я переоденусь, а то с корабля на бал.

Вскоре он появился в гостиной в строгом сером костюме. Купава заметила эту перемену, усмехнулась:

– Ты, словно крепость, намерен выдерживать долговременную жестокую осаду. Неужели боишься, что возьму тебя измором?

– Боюсь, – серьезно кивнул Мальгин, усаживаясь напротив; она тоже привела себя в порядок, и слез уже не было заметно. – Но боюсь не тебя, а себя.

– Плохо верится, что мастер Клим Мальгин может чего-либо бояться. И не говори намеками, я давно перестала тебя понимать, ты стал загадочен как сфинкс.

– Хорошо, давай говорить прямо. Зачем ты пришла?

Купава стойко выдержала его взгляд.

– Мне сказали, что ты ушел на Маат для встречи с...

– Кто сказал?! – спросил он с тихим бешенством. – Кто этот благодетель?

– Не важно. Ты был там и...

Он встал так резко, что Купава испуганно отшатнулась, отвернувшись, сказал глухо:

– Купава, если ты хочешь, чтобы я не потерял рассудок, не приходи ко мне больше.

Женщина задумалась, пристально разглядывая профиль хозяина, встала тоже, подошла к нему, не решаясь дотронуться; он слышал ее тихое дыхание, чувствовал теплоту ее тела, и душа рвалась на части.

– Не сердись, – тихо проговорила Купава. – Сердиться – мстить себе за ошибки других. Я знаю, ты не простишь мне мою, хотя ошибкой это назвать трудно. Я не приду больше... может быть. Ответь мне только на один вопрос: почему ты рискуешь собой, пытаешься вытащить Дана? Из-за того, что я... обещала... вернуться?

Мальгин медленно повернул голову к ней, лицо его побледнело. Внутри с крутых гор души сошла лавина, столкнулись тайфуны, замерз океан, погасло солнце, взорвалась сверхновая звезда... Несколько секунд он смотрел на Купаву, изогнув бровь, будто сясь сдержать стон, и произнес только одно слово:

– Нет!

Глаза Купавы вспыхнули, заискрились радостью и слезами, она поняла наконец, что пряталось на дне израненной души Клима.

– Благодарю.

И не успел Мальгин ничего сообразить, как горячие ладони женщины обожгли его щеки, горячие губы прижались к его губам – поцелуй был оглушающе долг, – и Купава исчезла, оставив после себя тонкий запах ландыша. И горьковато-нежный привкус поцелуя на губах...

Мальгин почувствовал боль, перевел взгляд на руку: он сжал кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони до крови.

– Намеки тонкие на то, чего не ведает никто... – пробормотал он глубокомысленно. – Еще одна такая встреча, и меня можно будет класть вместо Даниила...

Окончательно хирург пришел в себя только после пятиминутного сеанса аутотренинга. По дороге в институт дал себе обещание выяснить, кто же все-таки сообщает Купаве о действиях безопасников и какие цели преследует этот «друг-благодетель». Правда, это мог быть и сотрудник института, однако Мальгин не верил в отсутствие у коллег врачебной этики.

Таланов встретил заведующего отделением в кабинете вопросом:

– Тебе никто не звонил?

– Нет, а что случилось?

– Джума Хан...

– Что?! – у Мальгина перехватило дыхание. – Что с ним?

– Тебе придется оперировать двоих.

Мальгин так и сел.

– У кибернетиков он включил диагностер через Умника, – продолжал Таланов, – сначала в режиме выдачи диагноза, то есть выдачи тех данных, что записал сам диагностер с помощью своих датчиков при обследовании «черного человека». Потом включили программу, с помощью которой записали информацию, выведенную маатанином из своего компьютера. На выходе – тарабарщина! Код записи оказался не тем, что рассчитали кибернетики при составлении программы. И тогда Джума подключился к диагностеру напрямую.

– Он с ума сошел!

– А черт его знает, чем он руководствовался! У него спинальный шок. Поэтому времени у те... то есть у нас осталось всего ничего. Шаламов не выходит из комы и жив только с помощью аппаратов.

Мальгин глубоко вздохнул, посидел немного и встал.

– Мне надо было идти с Джумой.

– Теперь уже поздно сожалеть. Данные диагностера введены в Гиппократа, можешь ознакомиться. Группа ждет тебя у Стобецкого... кроме Джумы и Карой Чоккой. Она с ним в клинике СПАС-центра, примчалась сразу, как только узнала. Непонятно...

– Она его жена, – сказал Мальгин, думая о своем, – чего ж тут непонятного. Идем, заменишь Джуму, мне понадобятся по меньшей мере три ассистента.

– Возьми Зарембу, парень рвется в бой, да и специалист он неплохой.

– Посмотрим.

Они спустились к лифту.

– Что нового выдал диагностер? Я имею в виду, из того, чего мы еще не знали?

– Практически все! У маатан нет нервной системы в общепринятом значении этого слова. То есть она существует, но не постоянно, а в нужный момент формируются нервные пути и узлы в толще однородной массы, которая называется телом. Почему вдруг именно эти участки тела становятся нервной тканью, нервами, узлами, сплетениями волокон – загадка! То же касается и мозга. По сути «черный человек» – единый организм – мозг с постоянно меняющейся структурой, иерархией, архитектоникой. Кстати, точно так же построен и маатанский компьютер. Но самое интересное у него внутри: сверхтвердое ядро массой около ста килограммов, закапсулированное к тому же силовым полем с головоломными характеристиками. Поле пульсирует, а энергетическая мощь его, по оценкам экспертов, равна мощи десантного когга!

– Ерунда какая-то! Он что – живой реактор?

– Кто знает?

– А пульсирует из-за чего? Может быть, это сердце?

– Нет у него сердца.

Они вошли в отделение Стобецкого в тот момент, когда у Шаламова после долгого беспомощства наступила «фаза хозяина» – период парадоксального сознания.

Шаламов не лежал, а сидел с открытыми глазами, поддерживаемый лапой манипулятора, и, казалось, смотрел на сдвинувшихся к вириалу реаниматора людей, хотя видеть их, конечно, не мог.

– Найдите Клима, – проговорил он негромко, но четко, голос был не его – гортанный, с каким-то вибрирующим тембром, и говорил Шаламов, почти не разжимая губ. – Найдите Мальгина, прошу вас. Быстрее найдите, мне нужно поговорить с ним.

– Я здесь, Дан, – ответил Мальгин, заставив всех у полусферы вириала оглянуться. – Слушаю тебя.

– Клим, как там мой «крестник»? Я знаю, ты был у него.

– Откуда знаешь?

– Не важно, знаю. – Шаламов раздвинул губы в улыбке. – Он еще помнит меня?

– Да, – ответил Мальгин после паузы. – Он... болен.

– Говори все.

– У него проявляются черты человека...

– Обратный эффект, эффект бумеранга. Я тогда слишком поздно понял, что он тоже связан со своим компьютером напрямую... Ему можно помочь?

– Подумай лучше о себе, – проворчал Стобецкий.

Шаламов не обратил на реплику внимания.

– Не знаю, – сказал Мальгин, с трудом подавляя вдруг поднявшийся из глубины души гнев. – Скорее всего – нет. Но врач прав, подумай о себе.

– Обо мне думай ты, а кто подумает о «черном»? Ты все же прикинь наши возможности, он стал для меня крестником, а для своих соотечественников – отщепенцем, изгоем, и, хотя у них нет смертной казни, маатане способны на казнь равнодушием, а эта попытка пострашней

остальных. И еще, Клим: не торопись ты меня оперировать, подожди немного, может быть, я справлюсь сам. Не прошу – требую.

– Но это невозможно! – воскликнул Заремба. – Ты все реже выходишь из комы, а искусственно поддерживать работу внутренних органов до бесконечности невозможно, они теряют способность функционировать нормально в отрыве от организма.

– Это ваша забота, – отрезал Шаламов. – Ты слышишь, Клим? Не спеши с операцией.

– Слышу, – сказал Мальгин в наступившей тишине.

Шаламов закрыл глаза, тело его расслабилось. Со всех сторон ударили дымные струйки физиогаза, внутренности реанимакамеры затянуло зеленоватой мутью.

Мальгин оглядел обращенные к нему лица.

– Ваши предложения?

– Оперировать, и немедленно! – быстро сказал Заремба. – Если и не приведем все в норму, то хотя бы остановим процесс регрессивной трансформации. У него все большую роль начинает играть Р-комплекс,²⁸ понимаете?

– Я – тоже за операцию, – сказал Стобецкий с непривычной для него неуверенностью. – Шансы благополучного исхода с каждой минутой падают.

– Предпочту воздержаться, – пожевав губами, проговорил Каминский, ни на кого не глядя.

Мальгин кивнул, полускрыв глаза и постукивая пальцем по меняющей световой узор прозрачной «шляпе» вириала.

– С одной стороны, желание больного – закон. – Таланов был не менее решительным, чем Мальгин, но в данной ситуации решал не он. – С другой – Шаламов сейчас...

– Вот именно, он в таком состоянии, – перебил главного экспансивный Заремба, – что не может отвечать за себя сам. Мы не имеем права ждать.

– Не кипятись, – бросил Стобецкий, морщась. – Вчера ты доказывал обратное.

– Мало ли что я говорил вчера, – пожал плечами молодой хирург, – главное, что я говорю сегодня.

– Кредо болтуна.

– Кредо человека, способного вовремя почувствовать собственную ошибку...

– Стоп! – глухо сказал Мальгин. – Я выслушал вас. Операция откладывается... на сутки. Вопросы есть?

– Ты понимаешь, чем это может обернуться? – проговорил Таланов. – Автоматика поддержки на пределе, еще сутки такой работы, и она не справится...

– Сутки и подождем. У нас есть еще один больной – Джума Хан, будем работать с ним. Иван, мчись в СПАС-центр и вместе с Карой транспортируй его сюда.

Заремба с готовностью поднялся.

– Остальные с этого момента включаются в постоянную связь через Гиппократ. Час на изучение научной информатуры о маатанах, час на подготовку к операции. Координатором буду я, центральным ассистентом Готард, остальные – периферийными. Надо задавить процесс перерождения у Джумы в самом... – Мальгин не закончил.

В реанимационную вошла грациозная, улыбающаяся Карой Чоккой, а за ней невозмутимый, хотя и бледней обычного, Джума Хан.

Сцена, последовавшая за его появлением, длилась ровно пять секунд, пока обстановку не разрядил смех Зарембы:

²⁸ Мозг человека создавался эволюцией постепенно, сначала ядро – Р-комплекс, так называемый «комплекс рептилий», который возник сотни миллионов лет назад, потом «средний» мозг – лимбическая система, общая со всеми млекопитающими, и наконец неокортекс – новая кора, отвечающая за интеллект и высшие психические функции.

– Явился не запылится! Тебе ж положено лежать в шоке, мы уже оперировать тебя собрались!

– Этого-то я и испугался.

– Так слухи о твоём нездоровье преувеличены?

– Кто меня отпустил бы из «Скорой»?

– Поклянись.

– Чтоб я сдох! – не моргнув глазом, поклялся Джума.

Смеялись несколько минут все, кроме Мальгина, постепенно отходя от неожиданного сюрприза, потом Клим спросил:

– Что с тобой случилось? Нам сообщили, что ты в шоке...

– Так оно и было, но кибернетики молодцы, поставили на пси-съёмоблокировку, и как только информация «пошла густо» – сработал отстрел. Мне, конечно, попало много всякого «мусора», но, как видишь, все обошлось.

– Он как ребенок, – сказала Чоккой своим красивым низким контральто с непередаваемым акцентом. – Совсем по Лермонтову: то кровь кипит, то сил избыток!

Джума посмотрел на нее вопросительно, и Мальгин понял, что все можно объяснить данью привычке, вежливости и участию. Видимо, по дороге в институт они успели объясниться, хотя соотношение между де-факто и де-юре осталось прежним. «Дьявол их душу знает! – с мрачной завистью подумал вдруг про себя Мальгин. – Не копайся в чужих отношениях и чувствах, разберись лучше в своих собственных».

– На чем мы остановились, коллеги? – Чоккой сделала вид, что не заметила взгляда нейрохирурга, невольно выдавшего его мысли.

– Операция переносится на сутки, – сказал Таланов.

– Извините, нам необходимо поговорить. – Мальгин увлек Хана за собой. – Продолжаем работу, как наметили. Я подключусь к общей связи позже.

Не обращая внимания на удивление в глазах женщины, Мальгин подтолкнул к двери Джуму и вышел сам. В своем кабинете он усадил врача и некоторое время изучал его лицо. Джума выдержал испытание спокойно, без обычной иронии или насмешливости.

– Зачем ты пошел на этот неоправданный риск с диагностером?

Лицо Хана не выразило досады, хотя было видно, что вопрос ему неприятен.

– Если честно, это тот редкий случай, когда у меня сработало самолюбие. Подумалось: смог же Шаламов выдержать информационный удар маатанского компьютера и расшифровать запись, почему не смогу я? Тем более что диагностер – не маатанский аппарат.

– Я думал, ты лишен подобных недостатков, хотя самолюбием твой поступок не объяснишь, скорее это ложная гордость, переоценка сил.

– Свои недостатки я не оправдываю. – Джума слегка нахмурился, однако тут же вернул себе равновесие. – Но и причислять их к семи смертным грехам я бы не стал.

Мальгин непонимающе уставился на собеседника. Тот вполне серьезно пояснил:

– Гордость входит в число семи смертных грехов.

– Екклесиаст? Вы неплохо начитанны для своей профессии, слуга Гиппократ, а на вид – обычный конокрад.

Хан засмеялся.

– Ты тоже на вид простой, в меру воспитанный спортсмен.

– И за то спасибо. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Скажи это Карой. Я недаром мастер-медик, мон шер, а любой мастер – интуитив высокого класса. Ты сильный парень, но после этого прискорбного случая я не могу оставить тебя в группе риска. А жаль.

– Жаль, – согласился Джума Хан, погрузнев. – Ты прав, мне здорово досталось, и отпустили меня из «Скорой» только под честное слово, обещал, что я приду на обследование при первых признаках... недомогания. Но ассистентом я был бы неплохим.

– Знаю, потому и жаль. Что сказали кибернетики?

– Код записи неизвестен, но логику маатан мы уже знаем. В общем, надежда на расшифровку есть, все дело в том, сколько может ждать Шаламов.

– Он потребовал не оперировать его вообще.

– Снова «фаза хозяина»?

На столе замигало индикаторное окошко, раздался голос Таланова:

– Клим, зайди ко мне, как освободишься.

Мальгин молча ткнул пальцем в окошко.

– Карой, кстати, как только узнала... – Клим замолчал, заметив напрягшиеся скулы Джумы, – что...

– Не стоит об этом. Все непросто, туманно и скользко... гололед с дождем.

Мальгин покачал головой.

– Если бы ты был ей безразличен, она не менялась бы в лице и не бежала к метро сломя голову, узнав, что с тобой приключилось.

– Да ни о чем это не говорит! – В голосе Джумы неожиданно прорвалась тоска. – В том-то и дело, – сказал он тоном ниже, – что она становится заботливой только в экстремальных ситуациях. Я уже два года пытаюсь понять свою ошибку, где я свернул с тропинки, ведущей к ее мироощущению, вернее, к взаимопониманию, и не могу найти. И ты мне в этом деле не помощник, Клим, извини. Ты и сам, похоже, в ситуации похлеще.

Мальгин посмотрел на свой кулак, потом на лицо Хана. Тот невесело улыбнулся.

– А ты врежь, может, полегчает... а потом я тебе, если встану. Идет?

Мальгин в ответ улыбнулся через силу, прислушался к себе и почувствовал, как тает в сердце лед одиночества и отчаяния, лед, не видимый никем и никогда.

– Давай думать, старик, нам обоим теперь надо много думать. Видать, чего-то нам недостает, может быть, чисто человеческого, доброты или простоты, щедрости или азарта, жадности или способности удивляться и совершать незапрограммированные поступки... не знаю. Но успел убедиться, что женщине недостает мужского суперменства, постоянной готовности мгновенно ответить на любой вопрос, жесткой постоянной, стойкой уверенности в своей правоте. Может быть, им не хватает минутного колебания между «да» и «нет», еле заметного проявления слабости, что уравнивает нас в их глазах и придает силы... Может быть, уже плохо то, что мы редко ошибаемся. Прав был мудрец, мы редко думаем о том, что имеем, зато всегда думаем о том, чего нам недостает.²⁹ Не поменять ли принципы?

– Нет, – качнул головой Джума Хан после долгого размышления. – Принципы менять не годится, зачем тогда жить? Но думать надо. Кажется, мы с тобой прирастаем друг к другу, а?

– Я как будто не против. А ты?

– Взаимно.

Мальгин кивнул, замыкаясь в обычной оболочке непреклонной уверенности, потом искоса посмотрел на Хана, в глазах которого запрыгали насмешливые чертики взаимопонимания, и они одновременно рассмеялись.

Всеу свое время, подумал Клим, отворачиваясь, время собираться в тугой комок мышц и время расслабляться, радоваться и страдать, думать и чувствовать... Научиться бы вот только угадывать нужный момент или на худой конец вырастить в себе инстинкт безошибочной реакции на происходящее, чтобы всегда и везде, при любых обстоятельствах действовать только

²⁹ В. Шопенгауэр.

правильно... Впрочем, стоп! Это уже было – безошибочно, скорей всего это и есть одна из самых страшных человеческих ошибок...

– Тебе пора к шефу, – напомнил Джума.

– Иду, – встал Мальгин и спохватился: – Слушай-ка, мне нужна твоя помощь. Кто в отряде Шаламова был к нему особенно близок? Кроме, пожалуй, самого Жостова? Ты их знаешь?

– Почти каждого. По-моему, Даниил дружил со всеми, завистников у него не было вообще, а вот близких... в парном патруле он чаще всего ходил с Висенте Оросо, а отдыхал с Марселем Гзаронвалем. Я частенько видел их втроем, Дана, Марса и... Купаву. Зачем они тебе?

– Потом скажу. – Мальгин устремился к двери, на пороге обернулся. – Подключайся к Гиппократу, будешь сопровождать группу до операции, твой совет лекаря может существенно повлиять на подготовку, а на операцию все равно не рассчитывай.

Жест Джумы – кольцо из большого и среднего пальцев – был понятен без слов.

Мальгин знал, как вредно сосредоточиваться на своих внутренних переживаниях, уходить от действительности, поэтому с ненавистью относился к своей прогрессирующей слабости и нерешительности, чувствуя сопротивление организма, некоторое время боролся сам с собой, гоня из головы мысли о Купаве, но целиком освободиться от навязчивых дум так и не смог...

Таланов разбирался в информатуре, подаваемой на дисплей рабочего стола, поэтому кивком указал хирургу на стул.

– Богдан, давай поговорим позже, – проникновенно сказал Мальгин. – У меня возникло желание убыть в неизвестном направлении и отрешиться на время от всего земного.

Таланов поднял голову, изучающе посмотрел на Клима.

– А я хотел предложить тебе поработать со старым багажом, только что получил данные по всем операциям «стирания» в мозгу криптогнозы. Но если устал – что ж, отрешайся.

– Не устал, просто на какое-то время необходимо переключиться.

– В таком случае не мешай мне!

Мальгин кивнул и выбежал из кабинета не прощаясь. А для того, чтобы его могли найти в любое время и в любом месте – все-таки связь с другими членами группы риска должна быть включенной постоянно, – нацепил на ухо усик персональной рации, снабженной радиомаяком: поисковые спутники-автоматы системы СПАС были способны отыскать его практически за несколько секунд.

Домой идти не хотелось, Клим наугад ткнул иглой датчика в карту на стенке кабины метро и вышел в незнакомом помещении с низким потолком и светящимся полом. С удивлением прислушался к своим ощущениям: сила тяжести в помещении была меньше земной раза в три. «Луна? Не похоже, там гравитация еще слабей. Марс? Венера? И почему другая планета? Я же точно помню, что карта выходов была сугубо планетарной, земной. Может быть, Приземелье?»

Из помещения через единственную дверь, убирающуюся по старинке в паз, Мальгин вышел в коридор с таким же низким потолком и слабо светящимся полом. Никого. Тишина... Лишь издали доносится изредка странный тихий звук, напоминающий верещание цикад. Заинтригованный «путешественник» двинулся вправо, ловя себя на желании двигаться бесшумно, поддаваясь таинственной атмосфере неведомого жилища.

Коридор поворачивал под тупым углом и был абсолютно пуст, если не считать контуров двух дверей со светящимися на них римскими цифрами I и II. Следующий поворот был копией первого, и колесо коридора ничем не отличалось от предыдущего. Повернув еще три раза и выйдя к двери в помещение с кабиной метро, Мальгин понял, что коридор образует замкнутый шестиугольник. В каждом его отрезке было по две двери, различавшихся только номерами от

I до XII. Мальгин толкнул первую дверь – безрезультатно, не реагировала она и на мысленный приказ. Пожав плечами, Мальгин собрался было вернуться к метро, но цикадный скрип заставил его пойти на звук.

Скрип доносился еще из-за одной двери – слева по ходу коридора, тогда как остальные находились справа, и хирург не заметил ее лишь потому, что она не имела номера и почти сливалась со стеной. Приказав ей открыться, пару раз толкнув рукой, Мальгин вдруг вспомнил Маат и сказал вслух:

– Сезам, откройся!

Дверь послушно ушла в паз, так что гость невольно вздрогнул, и перед ним открылся небольшой круглый зал с куполовидным, зеркально отсвечивающим потолком, тремя большими вогнутыми экранами на стенках и тремя старинными пультами. За каждым пультом сидели операторы в необычной черной форме с дугами наушников на головах. На появление гостя никто не обратил никакого внимания, они были заняты работой и переговорами друг с другом. На экранах мерцали горсти цветных искр и огней, на каждом внизу мелькали красные и зеленые цифры, и по черному их фону плавали светящиеся кресты визирных меток. На экране слева одна из меток остановилась на крупном белом огоньке, тотчас же раздался басовитый гудок, и оператор за пультом пробежал пальцами по сенсорной клавиатуре пульта.

– Сорок третий, есть захват!

– Ответа нет, – отозвался второй оператор. – Три секунды до зоны поражения.

– Пуск!

По экрану снизу вверх шаркнуло световой полосой, на месте огонька расплылось облачко света и растаяло.

– Сорок третий, есть поражение! Контроль МБР. Квадрат пуст. Цели на подходе, минута сорок...

– Вижу крупный объект в зоне «А», – вторил переговаривающимся за первым пультом оператор соседнего. – Скорость три единицы, вектор Шамбуадор – Крокс, масса двенадцать сто...

– Захват!

– Машина отрабатывает четные цели, – говорил за последним пультом плотный здоровяк в комбинезоне с красивыми нашивками и эмблемами. – Отработка очередями, повтор по оценке вероятности с учетом мощности импульсов. Перенос огня на зоны «Б» и «Д»...

Ошеломленный Мальгин молча смотрел, как на экранах разворачивается настоящее сражение: все больше и больше искр и огоньков, представляющих собой реально летящие в космосе объекты, взрывались и таяли после бесшумных лазерных вспышек, а когда в прицельные визирные кресты перестали попадать плывущие световые черточки и темп стрельбы замедлился, Мальгин очнулся и смело подошел к центральному пульта, пройдя сквозь фигуру оператора. Оглядел пульт и тронул черную пластину сенсора с цифрой «ноль». Световая беготня по экранам и пультам прекратилась, операторы в креслах замерли.

– Отбой принял, – раздался с пульта вежливый голос. – Слушаю.

– Кто ты?

– Экскурсионный программатор Цербер.

– Это что за станция?

– Боевая лазерная база «Эвриван» для уничтожения спутников и межконтинентальных баллистических ракет, запущена в две тысячи тринадцатом году, законсервирована в две тысячи сорок пятом году, отреставрирована и превращена в экскурсионный объект в две тысячи сто двадцать девятом.

– Ну и зачем?

Компьютер-инк, отвечающий за воссоздание иллюзии боевых действий и работы базы, помолчал:

– Вы не первый задаете этот вопрос, но в моих программах нет ответа. Могу предложить подслушанную у экскурсантов реплику: база превращена в экскурсионный объект для напоминания об ошибках прошлого. Своего мнения не имею.

– И на том спасибо, – пробормотал Мальгин. – И часто у тебя бывают гости?

– Сначала бывали часто, теперь редко. Последняя экскурсия была двести двенадцать дней назад.

– Что ж, бывай... не скучай, если больше никто не придет.

Мальгин невольно пожалел компьютер, обреченный на одиночество, и, пока шагал к метро, спрашивал себя: чего не хватает ему самому? И уже входя в кабину, понял: общения. По сути, он был сейчас так же одинок, как и компьютер-сторож древней военной ракетно-лазерной базы.

Вышел он скорее всего где-то в Европе: город был незнаком с первого взгляда, но по архитектуре зданий можно было примерно определить регион. «Швейцария, – подумал Мальгин, – или Австрия. Послушаем, на каком языке здесь говорят».

Он вышел на площадь перед метро и двинулся в глубь древнего парка по одной из святищихся изнутри янтарных дорожек, прислушиваясь к говору идущих навстречу или обгонявших его людей.

Вечер на долготу этого места только начинался: солнце зашло, но было еще довольно светло. Часов восемь с минутами, прикинул Мальгин и посмотрел на браслет видео: вспыхнувшие цифры высветили время Брянска – десять часов двадцать семь минут. Разница в два часа, значит, это не Австрия и не Швейцария, а, вероятнее всего, Нидерланды.

Однако по языку прохожих точно определиться не удалось: говорили кругом и на немецком, и на французском, и на английском, и на русском. Больше всего на русском и на английском, с акцентом и без, но удивляться не приходилось: русский и английский языки стали основой единого земного разговорного языка, впитав богатство национальных оттенков всех остальных языков мира, хотя и они, конечно, не потеряли своего значения.

Мальгин набрел на пруд, задумчиво направился вдоль берега, вглядываясь в прозрачную водную толщу, а за дубовой рощей обнаружил изумительной красоты веранду, нависающую над водой. Высоко над крышей вспыхивало и гасло название ресторана на английском языке: «Король Георг». Не раздумывая, повернул к летнему ресторану и сел за один из столиков прямо у края веранды; людей было много, но в большинстве своем все сидели парами, лишь две или три компании состояли из семи-восьми человек.

– Слушаю вас, – раздалось над ухом по-русски. Говорили свободно, без акцента.

Мальгин оглянулся. Рядом с вежливой полуулыбкой на губах стоял красивый молодой человек, одетый по моде «галант». Он мог быть и фантомом, видеопризраком официанта, формируемым сервисной киб-системой ресторана, но смахивал на живого.

– А если я не говорю по-русски? – сухо спросил Мальгин на испанском.

– Я буду говорить на вашем языке, – с улыбкой сказал по-испански официант.

– Полиглот?

– Да, сеньор. Я знаю сто сорок шесть языков.

– Фантомат, – с некоторым разочарованием протянул Мальгин. – К чему тогда эта форма? Ведь вы можете выполнить заказ без всяких эффектов.

– Традиция, сеньор.

– Я русский. Принесите что-нибудь соответствующее моему настроению.

– Сей секунд!

Мальгин усмехнулся последней фразе и, поставив локти на стол, утвердил подбородок на сплетенных пальцах. Мозг лениво перебирал обрывки видений, давних разговоров с друзьями, Купавой, проблемы, с которыми сталкивался в институте, но ни одна мысль не задевала чувственных центров, эмоции притупились, отступили в глубь души, словно под влиянием нар-

котика. Мальгин грезил... хотя никогда не поверил бы, скажи ему кто-нибудь, что он способен на такое.

Киб-официант принес высокий бокал с изумрудным напитком и тарелку с коричневыми хрустящими шариками. Подождал реакции посетителя, не дождался, исчез, а Мальгин сидел в этом странном состоянии еще несколько минут, пока кто-то рядом не спросил:

– Разрешите присесть?

Он медленно повернул голову. Рядом стояла Карой Чоккой, красивая, чуть улыбающаяся, одетая в летний вечерний костюм в стиле «очарованный кварк»: полуоткрытая грудь, серебристые буфы на плечах, два зеркальных обруча на талии, обнимающая бедра и переходящая в черную бахрому юбка, ажурные трансформные туфли, высота каблука которых зависит от скорости движения. Черные волосы были распущены в громадный шар – прическу в стиле «афро».

– А говорят, что трансцендентальная³⁰ медитация – ложное понятие, – мягко проговорила женщина.

Мальгин опомнился, резко встал, неловко смахнул со стола бокал, но успел его подхватить.

– Простите, ради бога! Кажется, я действительно увлекся самосозерцанием.

– И часто это с вами?

– Если честно, то первый раз. Обычно я справляюсь со своими внутренними переживаниями на ходу.

– Поэтому я и удивилась, с виду вы целеустремленный и жесткий, или, как говорили раньше, «железный» человек. Вас еще называют «человеком-да». Откуда пошло это прозвище?

– Не помню. – Мальгин окончательно пришел в себя. – Может быть, присядем?

– А я думала, вам так удобнее, – с легкой иронией сказала Карой, перехватив его взгляд. – Закажите мне миндаль и сок.

Они сели, посматривая друг на друга: с просыпающимся интересом Мальгин и с лукавым вызовом в глазах женщина.

– Не ожидала встретить здесь кого-то из знакомых, а тем более вас. Любите отшельничество? Или ждете подругу?

Он подумал, хотел сказать «нет» и произнес:

– Просто сегодня я не в форме и удрал из института, чтобы побыть...

– В одиночестве, так сказать, наедине с умным человеком.

– Не заставляйте меня говорить «нет», я очень не люблю это слово и произношу его, лишь когда меня вынуждают. Сегодня мне захотелось вдруг побыть с кем-нибудь, кто не искал бы во мне идеала, и поговорить о чем угодно, даже о погоде.

Карой приподняла бровь.

– Оригинальное желание. Обычно мужчины все делают наоборот. Что ж, давайте говорить о погоде, хотя я больше хотела бы о нашем пациенте. Меня беспокоит масштаб изменений нервной ткани, их глобальный, всеобщий характер. Что, если количество перейдет в качество? Что произойдет? Сохранится личность Шаламова или перерождение затронет и психику? Сможет ли он контролировать свой Р-комплекс?

– Не знаю. – Преодолевая внутреннее сопротивление, добавил: – Не думал. Даниил очень сильный в психологическом отношении человек, его весьма трудно вывести из равновесия. – Потом прямо посмотрел на собеседницу: – Извините, Карой, я сбежал из института именно потому, что не хочу сейчас думать об...

– Все! – Карой Чоккой подняла ладонь. – Не буду, мастер. Видимо, я плохой психолог, иначе поняла бы вас сразу. – Она улыбнулась с оттенком вины и кокетства. – А вообще я с

³⁰ По представлениям психологов древности трансцендентальная медитация – четвертое состояние сознания после бодрствования, сна и сновидений.

должным уважением отношусь к прямым людям. Мало кто из моих знакомых способен прямо сказать мне в лицо о своем нежелании говорить на ту тему, которую я избрала. Пожалуй, кроме вас, я знаю лишь одного человека...

– Я тоже его знаю, – кивнул Клим. – Кстати, а почему вы не вместе?

– Ну вот, – с неожиданным сожалением сказала она, – как ушат воды на голову. От вас такого вопроса я не ожидала. Неужели интересно?

Мальгин смешался, быть может, впервые в жизни. Карой заметила это, улыбнулась.

– Не ищите ответ. В молодости мне больше нравились мужчины, знающие ответ на любой вопрос.

– А сейчас? Хотя едва ли вам стоит жаловаться на возраст.

– Спасибо, такие слова для меня уже начинают становиться комплиментом. Сейчас я предпочитаю живых мужчин, способных удивляться и сочувствовать, а не все знающих, все умеющих суперменов.

– Постараюсь учесть в дальнейшем, хотя мне еще далеко до супермена. Правда, у некоторых моих знакомых суперменство – это скорее состояние тела, а не души. Они умеют очень многое, почти все, но не потеряли способность удивляться.

– Если вы о Джу... – Карой нахмурила брови.

Мальгин тихо засмеялся.

– Меня упрекаете и тут же сбиваетесь на личности. А Джума мне нравится, хороший парень, запросто рискующий собой во имя дела.

– Ну, это нам знакомо. – В том, как были произнесены слова, чувствовалась ирония и чуть-чуть грусть. – Риск для него – родная стихия.

– Я не договорил. Страсть к риску не главное, не может быть главным в жизни, а Джума, кстати, думающий рисконавт. Насколько я понял, он в последнее время многое переоценил, в том числе и свой имидж.

– Вы так считаете? – На лицо Карой легла тень задумчивости.

«Красивая женщина, – подумал Мальгин с невольным сожалением. – Если бы не было Купавы... такая может зажечь и увлечь и всю жизнь держать в постоянном напряжении... но далеко не каждый способен гореть всю жизнь. А ведь она тоже одинока! – понял вдруг хирург. – Красивые женщины зачастую одиноки, несмотря на постоянное окружение и поклонение, а тем более женщины умные. Найти идеал для такой – проблема почти безнадежная, особенно в условиях постоянного дефицита джентльменов. Она права: суперменов среди нас – пруд пруди! Романтики без догмата превосходства – ау! Правда, если разобраться, то идеал мужчины – величина постоянная, Карой, например, судя по всему, нужен „живой“ спутник жизни, который не подавлял бы ее своей непогрешимостью и абсолютным знанием, чтобы он стоял рядом, а иногда и спрашивал совета – как поступить в той или иной ситуации. По сути, она тоже очень сильный, умный, безусловно красивый человек и имеет право на равное партнерство. Джума, кажется, понял это слишком поздно... как, впрочем, и я. Купава ведь тоже не любит суперменов „без страха и упрека“...»

– Что с вами? – спросила Карой, оценив его молчание, и чисто по-женски, по привычке, поправила прическу, которая вовсе не нуждалась в подобной операции. – У меня что-нибудь не в порядке? Вы так пристально смотрели...

– Все в норме, – поспешил успокоить женщину Мальгин. – Потанцуем?

Стемнело, и пространство танцевальной площадки в центре веранды уже заиграло призрачными переливами света, превратившись в волшебный, постоянно меняющийся замок. Музыка была слышна только в пределах этого «замка», причем психоадаптеры проецировали для каждой танцующей пары свою мелодию и ритм.

Настроение у Мальгина было меланхолическим, так что танцевали они с Карой древнее замедленное танго. Женщина прижалась к нему и вздрогнула, словно ей стало вдруг холодно. Шепнула:

– Я искала вас. – Она подняла прядь волос над ухом и показала золотую каплю рации компьютерной связи. – Это было нетрудно.

– Я догадался.

– Только не делайте далеко идущих выводов, а то я разочаруюсь в вас прежде, чем наметила по плану.

Он тихо рассмеялся.

– Таких ошибок я не делаю уже давно. Впрочем, если мне не изменяет память, то и в юности со мной такого не случилось.

– Вы умный человек, мастер, и классный специалист, многого добившийся в жизни, но скажите... вы счастливы?

Мальгин молчал. Спина Карой напряглась. Клим тихонько погладил ее по плечу.

– На этот вопрос я сегодня не отвечу. Сначала надо, наверное, разобраться, что есть счастье. Всему свое время...

– И время всякой вещи под небом. Вы опасный человек, мастер.

– Почему? – искренне удивился Клим.

– Потому что у меня начинает кружиться голова. – Намек был весьма прозрачен, а может быть, это был вовсе не намек. Карой говорила то, что думала, прекрасно зная, что он способен понять ее и по взгляду.

– Мне надо идти, – сказал он спустя минуту. – Если хотите, я провожу вас.

– Идите, я еще немного посижу.

– Вы обиделись?

– На что? Нет, все в порядке, мастер, просто хочу побыть одна.

Мальгин на мгновение прижал женщину к себе и отвел к столику, вырвавшись из плена музыки. На выходе оглянулся: Карой сидела совершенно прямо, положив руки на стол, и смотрела на воду.

«Разговор с умной женщиной сродни ловле тополиного пуха, – подумал Мальгин, – одно неосторожное движение – и пух улетел! Учись „ловить пух“ осторожно, мастер... А я, кажется, испугался...»

Он вернулся, наклонился над ее плечом, сказал мягко:

– Не сердитесь, Карой.

– Я не сержусь, – сухо ответила она, не повернув головы. – С чего вы взяли? Насколько мне помнится, вы только что торопились уйти.

Он сел рядом.

– В таком случае выслушайте брюзжание человека, стоящего на пороге зрелости. Природа вас щедро наградила, вы красивая, решительная, смелая женщина. Но когда слабый пол начинает выполнять функции сильного – что остается делать мужчинам? Будьте мудрее, дайте нам – даже не право – хотя бы иллюзию уверенности в том, что решаем всегда мы. Ведь мы изначально не должны быть слабыми, амазонки же – только пример отклонения, подтверждающего правило... Хотите на всю жизнь остаться амазонкой? Тогда мы вам не нужны. А если нужны – будьте чаще женщиной, и тогда мужчины будут спорить за право уступить вам первенство. Стоит вам только захотеть. А говорю я это лишь потому, что корабль моей судьбы уже разбился однажды о твердую волю сильной женщины. Я слишком поздно понял, что всегда все знать, все уметь и решать все может и киб-интеллект и что умение уступить и есть сила. Простите за длинную сентенцию, иногда я бываю невыносим. Даже себе. До завтра.

– Подождите, – быстро сказала Карой, бросив взгляд исподлобья.

Он снова присел на краешек стула.

– Она красивая?

Мальгин понял.

– Очень!

– А вы знаете, к кому она ушла? Я поняла так, что она... Кто ее... друг?

– Наш общий пациент, – сказал Мальгин после недолгого раздумья. – Даниил Шаламов.

Глаза у Карой сделались огромными и черными. Клим ободряюще кивнул ей и пошел к выходу, не оглядываясь больше. Чувствовал он себя скверно и был недоволен собой до глухой тоскливой досады. В душе росла уверенность, что он снова что-то сделал не так.

Глава 6

Ночь Мальгин провел плохо, третью ночь подряд после свалившейся на голову беды с Шаламовым, которая перевернула жизнь и поставила его перед необходимостью выбора и выхода из состояния флегмы. Спал он всего часа четыре, да и то с кошмарами, не помогли ни гипносон, ни аутотренинг. Тем не менее встал, заставил тело работать физически, для чего выбрал максимальный разминочно-тренировочный комплекс тайбо и после часовой нагрузки, холодного душа и завтрака почувствовал себя бодрее.

В институте сразу включился в обратную связь с Гиппократом, контролирующим работу всей медицинской аппаратуры, в том числе и реанимационных камер, а через него – с остальными членами ПР-группы, но все оставалось по-прежнему: Шаламов не выходил из коматозного состояния, а процесс перерождения его нервных тканей продолжался, хотя и значительно медленнее, чем в первое время. Никто из рисконавтов не внес никаких предложений, и Мальгин понял, что они подошли к пределу теоретических умпостроений, за которыми должно последовать действие. Свежих данных не поступало ни от медиков, ни от кибернетиков, ни от безопасников Ромашина.

Джума Хан сообщил Климу о том, что ксенопсихологи и кибернетики нашли наконец ключ к расшифровке записи маатанской информации, но обещали сообщить результаты перевода только к обеду. Эта новость несколько подняла общий тонус группы, а Заремба, дежуривший в клинике вместе с Каминским и не знавший, чем занять свою деятельную натуру на время, отведенное им пациентом, тут же испросил разрешения поработать с кибернетиками. Мальгин не возражал, хотя весьма сомневался в полезности этого шага.

В девятом часу утра Клим оставил Стобецкого с Биллом-старшим в реанимационной и, ничего никому не говоря, покинул институт, вспомнив о своем обещании. С помощью волевых усилий, хотя и не без борьбы, он загнал мысли о Купаве глубоко в «подземелье» души и «закрыв дверь на замок», понимая, что не сможет работать творчески и спокойно, поддаваясь чересчур эмоциональному калейдоскопу памяти.

Центр Управления аварийно-спасательной службы располагался под Брянском, на берегу Десны, и представлял собой километровой длины здание из универсального строительного пластика, обладающего памятью формы и цвета; окна зданиям из такого материала не требовались – по желанию прозрачным мог становиться любой участок стены.

Воспользовавшись метро, Мальгин видеть этого не мог, но внешний вид здания помнил по стереофото и видеопередачам. С помощью мысленного шепота дистанционного кибергида, «уши» которого – пси-антенны – были вмонтированы в коридоры и кабинеты, Мальгин быстро отыскал отдел, в котором работал до аварии Шаламов, и выплыл из лифта прямо у кабинета Жостова.

Начальник службы курьерских спасательных линий не удивился приходу хирурга, только мельком посмотрел на цифры времени, горящие в толще стола, но Клим и не собирался задерживать этого сурового занятого человека, от способности которого мгновенно анализировать ситуацию зависели четкость и быстрота работы курьеров.

– Я ненадолго, – сказал Мальгин, не садясь в предложенное кресло. – Всего один вопрос, если не возражаете: где я могу найти Висенте Оросо и Марселя Гзаронвалья?

Жостов и на сей раз не выказал удивления, умение сдерживаться у него, как и у Мальгина, вошло, очевидно, в плоть и кровь, формируя характер.

– Ничего нет проще, – ответил начальник курьеров: в голосе его проскальзывали носовые дифтонги. – Висенте сейчас драйвер-секунда, а месье Гзаронваль развлекается в «Аду-2».

– Спасибо, – поклонился Мальгин. – Извините, не буду вам мешать. Желаю здоровья и удачи.

Жостов не ожидал подобной оперативности от посетителя, собираясь объяснить нормальным человеческим языком, где находятся названные спасатели, но, посмотрев на Мальгина, понял, что тот не нуждается в объяснениях, и спросил:

– Как Даниил?

– Без изменений, – ответил Мальгин.

– Звоните, если понадобится.

– Непременно.

И они разошлись, довольные лаконизмом друг друга и общей точкой зрения на манеру делового разговора.

«Драйвер-секунда» на аргосе спасателей означало, что Висенте Оросо готовился к глубокому интергалактическому рейду вторым номером курьерской линии. Кто был прима – первым пилотом, – Мальгина не интересовало, поэтому, найдя спасателя на базе погранслужбы «Нептун-41», он отвел того в сторону, отметив его внешнюю заторможенность и даже сонливость и лень, вполне, кстати, могущую оказаться обманчивой, и спросил напрямик:

– Сеньор Оросо, когда вы в последний раз виделись с сеньорой Купавой, подружкой Дана Шаламова?

Висенте – девяносто килограммов мышц и сухожилий без единой унции жира – равнодушно оглядел Мальгина и вдруг на глазах преобразился в готового к любому приему мастера тайбо. Длилось это превращение всего одно мгновение, но Клим понял, что не ошибся в выводах относительно внешности Оросо: парень был, что называется, тренирован на демонстрацию ленивого уальня.

«Таким место среди безопасников, – подумал Мальгин хладнокровно. – Хотя вполне может быть, что он работает и там».

– Вы Клим Мальгин, – сказал, растягивая слова, Оросо, прячась за свою обычную броню шалтая-болтая. – Дан говорил, что вы друзья. С Купавой я в последний раз виделся перед «кенгуру» Дана, больше двух недель назад. С Даном все то же?

Он был неглуп, этот бывший «секунда» Шаламова, и не стал спрашивать, зачем хирургу знать подробности его встреч с женой пилота.

– Все то же, – ответил Мальгин и вскинул вверх кольцо из пальцев. – Удачи вам.

– Взаимно.

Что такое «кенгуру» – Клим уточнять не стал, но на жаргоне пограничников «кенгуру» означало спасательный рейд за пределы Солнечной системы.

«Ад-2» на том же жаргоне был известен как «полигон внезапно возникшей угрозы формулы два» и предназначен был для тренировки и выработки навыков действий в нештатных ситуациях у работников спасательной и пограничной служб. Существовал еще полигон «Ад-1» – для стажеров, и «Ад-3» – для командиров групп отдела безопасности, спортсменов высокого класса, обладающих большим «количеством здоровья» – то есть резервом адаптации. Допускались на «Ад-3» только абсолютно здоровые люди, и, если полигоны первый и второй предназначались практически лишь для выявления профессиональной пригодности, то полигон третий был всегда добровольцем, и прошедший его полную программу считался мастером-экстра. Шаламов когда-то прошел его вместе с Мальгиным за четырнадцать с половиной часов.

Полигон «Ад-2» располагался в пустыне Такла-Макан и занимал территорию площадью в две тысячи квадратных километров. Сверху он ничем не выделялся на фоне гористо-пустынного ландшафта остальной части Такла-Макан, однако его границы невозможно было пересечь незаметно: по всему стовосьмидесятикилометровому периметру несли службу зоркие автоматы, включающие сигналы предупреждения или системы гипноиндукционного отпугивания – если непрошенные гости перли на территорию полигона, не вняв предупреждению и уверовав в собственную безнаказанность.

Обычно во время запусков программ над полигоном на безопасных высотах зависали сотни аппаратов: куттеров, пинассов, самодельных вертопланов и нефов, пилотируемых юными любителями острых ощущений, в массе своей школьниками, вооруженными мощной оптикой; зрелище действительно было весьма своеобразным и неординарным, все-таки программы разрабатывались в основном специалистами погранслужбы и Института внеземных культур, моделирующими либо дальний космос, либо реализацию миров, возможных только теоретически.

Выйдя из метро на административной площади полигона и заметив высоко над горами облако разноцветных бликов – зрителей хватало и на этот раз, – Мальгин спустился под землю в зал управления и контроля. К своему удивлению, Гзаронваль он обнаружил не на трассе, а среди зрителей: человек семь в форме испытателей, среди них и курьер-спасатель, следили за происходящим на полигоне с помощью виомов монитора контроля, отпуская по поводу участников иронические замечания и шутки. Взрывы смеха сопровождали каждое такое замечание, и особенно громко смеялись зрители, когда шутил высокий широкоплечий молодой человек с густой шапкой выющихся седых волос и невозмутимым лицом. Он был весьма эффектен, форма спасателя сидела на нем как вторая кожа, а в ухе был закреплен не стандартный усик приемника рации, а оригинальная серьга с камнем – источником «мурлыкающего» света.

Мальгин бегло оглядел компанию (юнца, лет по восемнадцать-двадцать, то ли стажеры, то ли новоиспеченные спасатели-линейщики, впервые попавшие на полигон и пытавшиеся скрыть мандраж за бравадой и смехом) и спросил, где можно найти Марсея Гзаронваля. Черноволосый юноша с добродушной складкой губ, единственный из всех, кто не спешил смеяться на шутки, кивнул на седоголового крепыша. Тот внимательно посмотрел на подошедшего хирурга, в углах губ его таилась усмешка, но лицо было холодно-спокойным, по-мужски твердым и хорошо вылепленным, с тяжелым подбородком и черными масляными глазами, в которых Клим неожиданно заметил скуку и равнодушие. Портил это лицо только длинноватый, хищно загнутый нос, придающий ему неприятное выражение.

– А зачем он вам понадобился? – спросил седой о себе в третьем лице. – Медиков заинтересовало его здоровье?

Мальгин был одет в обычный рабочий костюм: светло-голубой блузон с короткими рукавами, серые брюки «хокку», кросс-туфли, ничего сугубо медицинского, но Гзаронваль почему-то угадал в нем врача.

– У меня к вам небольшой личный разговор. – Мальгин пропустил вопрос спасателя мимо ушей. – Не будете ли вы так добры выслушать меня наедине?

Компания перестала следить за событиями в виомах и притихла.

– Не имею желаний, – с прорвавшейся насмешкой ответил Гзаронваль. – Есть разговор – валяйте, нет... – Жест спасателя был красноречив.

Мальгин, не ожидавший подобной реакции от незнакомого человека, растерялся на мгновение, но соревноваться в невозмутимости и сдержанности с кем бы то ни было ему было не привыкать. «Он меня знает, – понял хирург. – От Купавы или от Дана... и, кажется, я вычислил „доброжелателя“ Купавы. Непонятно только, почему он столь неучтив. Воспитание с детства? Или считает, что отвергнутый муж не заслуживает другого обращения?»

– Вы, очевидно, не поняли, разговор личный, – произнес Мальгин, – прошу извинить.

Видимо, Гзаронваль посчитал сдержанность хирурга за слабость, потому что оскорбительная насмешливость его перешла в грубость.

– У меня нет секретов от друзей. Или говорите здесь, или ступайте по своим делам.

Скрытый характер неожиданного поединка почувствовали и члены компании. Один из них, круглолицый, вихрастый, с румянцем во всю щеку, смущенно посмотрел на гостя и обратился к спасателю:

– Ты что, Марс, словно после провала на полигоне? Человек хочет с тобой поговорить, тем более он медик, ты сам сказал.

– Весь вопрос в том – хочу ли я с ним говорить?

Остальные испытатели зашумели. Ребята не привыкли к таким поворотам беседы.

Мальгин подавил закипающий в душе гнев.

– Жаль. Я не хотел бы говорить с вами при посторонних, но теперь придется. Вы уже дважды нарушили этикет службы, сообщив Купаве то, что она должна была узнать гораздо позже и не от вас. Я не знаю, какой целью вы руководствовались, но, во всяком случае, благородством здесь не пахнет. Предупреждаю: еще раз подобное повторится...

– Ну и что будет? – Гзаронваль выпрямился с пренебрежительной улыбкой на губах, поиграл бицепсами. – Вы меня поставите в угол? Не дадите мороженого? Сообщите родителям?.. Указать вам на дверь, как указала когда-то она?

Мальгин шагнул к спасателю, почувствовав, как тот сразу напряжился и посерьезнел.

– Высокомерный малодушный щенок, – тихо сказал Клим. – Я пришел вежливо и открыто, собираясь услышать такой же вежливый и открытый ответ, но услышал голос заурядного пошляка. Хайям говорил, что, общаясь с дураком, не оберешься срама, поэтому общаться не буду, но предупреждаю в первый и последний раз: стоит Купаве узнать еще что-нибудь, способное повредить ей в том положении, в каком она находится, я вышвырну тебя из службы! Надеюсь, Купава успела тебе сообщить, что меня недаром называют «человеком-да». Я сделаю, что сказал.

Мальгин круто повернулся, чтобы уйти, и услышал возню за спиной и сдавленный голос:

– За щенка я еще с тобой разделаюсь!..

Оглянулся.

Двое, в том числе и краснеющий парнишка с вихрами, держали Гзаронваля за руки, хотя он явно не собирался драться, просто играл на публику. «Публика», не понявшая причины ссоры, роптала. Мальгин кивнул, отвечая своим мыслям.

– А вот насчет «разделаюсь» – не советую. Впрочем, если у вас чешутся кулаки, согласен в параллели пройти полигон: кто пройдет последним – тот и не прав.

Гзаронваль, не раз испытывавший на себе программы второго «Ада», с недоверием и неприязнью посмотрел на говорившего, покосился на виомы, отражавшие события на полигоне. Мальгин тоже посмотрел в ту сторону, покачал головой:

– Нет-нет, не здесь, это было бы слишком просто, – на третьем, если вас допустят. И не сегодня. Захотите – найдете меня послезавтра, когда я закончу одну работу... не суть важно какую. И не забудьте, что я говорил.

Гзаронваль снова сжал кулаки, но Клим уже шел к выходу из зала, прислушиваясь к приглушенному шепоту за спиной:

– Он сказал – на третьем? Я не ослышался?

– Это «Ад-3», полигон безопасников...

– Кажется, он где-то на Камчатке?

– Не кажется, а точно. Суровая школа, я тебе скажу!

– Едва ли их туда пустят...

– А кто он такой, этот парень?

– Это друг Дана Шаламова, знаменитый нейрохирург, я его узнал. Дан как-то говорил, что он с ним проходил третий. Зря ты, Марс, с ним так. Какая муха тебя укусила?..

Улыбнувшись в душе на «знаменитый нейрохирург», внезапно успокоившийся Мальгин вышел из центра управления полигоном, посмотрел на тучу аппаратов над облаками и зашагал к метро. Через двадцать минут он был в институте.

Таланов, хмурый и неразговорчивый, копался в каких-то бумагах, называемых так по старинке: «бумаги» были листками сверхпрочного пластпанира, не сгорающего даже при температуре плавления вольфрама.

– Отлучаешься, так хоть говори – куда, если не берешь с собой рацию. Нас на одиннадцать ноль-ноль вызывают в отдел безопасности УАСС.

– Зачем? – вяло удивился Мальгин, потом подобрался. – Кибернетики? Сделали перевод?

– Нет, нас ждет Ромашин. – Мальгин расслабился.

– Я-то думал... не пойду, иди один.

– Неудобно, просили прийти обоих, хотя и мне непонятно, зачем мы им понадобились.

– Значит, узнали что-то о Маате... или о «черном человеке», крестнике Даниила. Но с другой стороны, могли бы об этом сообщить по видео.

– Гадать положено на кофейной гуще. Поехали, времени в обрез. Кого возьмешь в ПР-группу вместо Хана?

– Зарембу, наверное. Хотя могу и тебя.

Таланов сделал неопределенный жест, словно сомневался в правильности решения хирурга, аккуратно подровнял стопку голубоватых листков, вставая, постучал по ним пальцем:

– Есть кое-какие любопытные данные по информационным шокам, придем обратно – почитаешь. Этим данным лет двести.

По дороге к метро зашли к Стобецкому. Все члены операционной бригады были уже здесь. Карой выглядела, как и всегда, уверенной в себе и подчеркнуто спокойной, однако на взгляд Мальгина ответила, виновато сморщив нос. Внимательный Джума заметил их короткую дуэль взглядов, но никак не прореагировал.

Заремба с эмканом на голове о чем-то спорил со Стобецким, не замечая вошедших. Он по собственной воле снова дежурил у пульта реанимакамеры ночью и тем не менее был свеж и деятелен.

– Клим, скажи ему, – обратился он за помощью к Мальгину, когда тот поздоровался. – Пси-балет сейчас моден, как ни одно из направлений модернкультуры, во всяком случае, сенс-мути и саундай³¹ до него далеко, как по психоэмоциональному насыщению, так и по силе восприятия. Спорит, а не назвал ни одной конкретной вещи. А «Балладу о вересковом меде» видели?

Мальгин не признавал ценности так называемых элитарных видов искусства, восприятие которых требует специальных познаний и навыков, поэтому он промолчал, хотя «Балладу» в свое время смотрел. Вместе с Купавой.

Перебросившись парой фраз с Каминским и Стобецким – разговаривать, собственно, было не о чем, постоянная компьютерная связь позволяла обходиться минимумом слов, распространяя известия практически мгновенно и всем сразу, – директор института и заведующий отделением нейропроблем проследовали к метро и в одиннадцать ровно вошли в кабинет Ромашина.

³¹ Сенсмуть (разг.) – осязание музыки (от англ. *sense of touch music*); саундай – наблюдение за звуками (от англ. *sound – звук и eye – глаз*).

Начальник отдела безопасности был не один, в его кабинете медиков ждали еще двое незнакомцев в стандартных кокосах: полусонный на вид толстяк и худощавый брюнет с орлиным носом и щеточкой усов.

– Садитесь, пожалуйста. – Ромашин перевел свой стол-пульт в режим автоответа и по очереди посмотрел на приглашенных. – Вы люди опытные, битые, как говорят, и нет смысла подготавливать вас к тому, что сейчас услышите. Разговор пойдет о вашем пациенте Шаламове, ради которого наша служба пошла на некоторые неординарные меры.

– Минуту, один вопрос, – поднял руку Мальгин. – Вы говорили, что после нашего возвращения с Маата начнется контакт с «черными людьми», подготовленный специалистами ИВК. Как обстоят дела с этим в настоящее время?

Хозяева кабинета переглянулись.

– Никак, – ответил ровным голосом Ромашин. – Все попытки привлечь внимание маатан не привели к успеху. Девять наших зондов-автоматов выявлены маатанами и уничтожены, была попытка атаковать станцию «Эдип-2» с дружиной комиссии по контактам. Даже после нашего с вами вояжа на Маат «черные люди» реагируют на вид хомо сапиенс по-прежнему, то есть не признают в нас равных себе партнеров. И слушать не хотят, и видеть не желают. Ксенопсихологам предстоит еще многое узнать, чтобы найти подход к этим странным существам. Кстати, диапазоны частот компактификации своих космических линий они все-таки сдвинули, катастроф, подобной той, что произошла с «Кентавром», больше не предвидится, но это единственный штрих прогресса.

– Что с тем «черным», которого спас Шаламов?

Ромашин помолчал, глядя на свои сплетенные пальцы.

– Он находится в том же учреждении, где был и раньше. Мы по незнанию назвали учреждение клиникой, но по новым косвенным данным это скорее... – Ромашин поднял ставший на мгновение колючим взгляд, – тюрьма.

Мальгин сжал зубы так, что они заныли.

– Можно было бы догадаться об этом и раньше... и хотя бы перенести его куда-нибудь в другое место, что ли...

Усатый брюнет хмыкнул.

– Какой смысл? Все не так просто, как вы себе представляете. В отношениях «черных людей» между собой столько непонятных нюансов, что разглядывать их можно сто лет. Это самобытная интереснейшая цивилизация негуманоидов, не имеющая себе аналогов в Галактике. Даже цивилизация Орилоуха ближе нам по духу, чем Маат... хотя нет, пожалуй, это я переборщил. А то учреждение, о котором шла речь, тюрьмой, в общем-то, назвать трудно, вернее, только тюрьмой. Это и клиника, и технико-информационный центр, и пинакотека, и нечто вроде отделения вивисекции, и энергоцентр, и собственно тюрьма с первоклассным – по-маатански, конечно, – «кабинетом пыток». Учтите, я ничего не утверждаю, это пока предположения.

– Да, таковы реалии, – тихо сказал Ромашин, не сводя внимательных глаз с Мальгина. – Но вернемся к существу вопроса. Вам ни о чем не говорят такие факты? Первый: ваш пациент, находясь в состоянии комы, неизвестно каким образом научился эффективно влиять на синтез и выделение энкефалинов, то есть освоил приемы волевого обезболивания. Второй: его КЗ³² достигло восьмисот! Не десять-двадцать, как у нормальных людей, а даже не двести-триста, как у специально тренированного спортсмена, а восемьсот! Что вы об этом думаете?

³² КЗ – «количество здоровья», термин, обозначающий резервы организма, измеряется в литрах воздуха, прокачиваемых человеком в минуту через легкие.

Мальгин внезапно вспомнил слова Карой о «переходе количества в качество», и неприятный холодок пробежал у него вдоль позвоночника. Очевидно, это отразилось у него на лице, потому что Таланов спросил неприятным голосом:

– Что вы хотите сказать? Я не люблю тонких намеков.

– Хорошо, давайте говорить открыто. Случай с Шаламовым беспрецедентен, и наша служба не могла им не заинтересоваться. Конечно, Даниил Шаламов и в прежней жизни не был суперменом, хотя кое-какие задатки сильной личности у него были. Но сейчас он... нечеловек.

– Чушь! – сердито бросил Таланов. – Извините. Он человек, хотя и с гипертрофированной нервной системой. Обратных доказательств у вас нет.

– Надо уметь смотреть правде в глаза, – скрипучим голосом проговорил молчавший до сих пор толстяк. – Он биоморф, монстр, химера с открытым «синдромом ЧЧ», процесс перерождения его нервной системы зашел так глубоко, что не мог не затронуть личность, интеллект. В его мозгу родились такие сложные психические структуры...

Ромашин приподнял ладонь, толстяк замолчал.

– Простите, я вас не представил. Эфналитик Делашвили.

Усатый брюнет приподнялся и снова сел.

– Ксенобиолог Тернье.

Толстяк кивнул.

– Да, мы склонны полагать, – продолжал Ромашин, – что дела обстоят именно таким образом. По имеющейся информации эфналитики отдела просчитали прогнозы так называемых «фаз хозяина» у Шаламова и пришли к выводу, что в случае полного контроля над собой он... – Ромашин впервые нахмурился, – может быть опасен!

В кабинете повисла тишина.

– Для кого? – спросил Мальгин, давно понявший, к чему клонят безопасники. – Для кого он может быть опасен?

– Для всех, – ответил толстяк Тернье. – Для людей вообще. Поведение маатан нельзя назвать агрессивным ад инфинитум, но оно не предсказуемо нашей, человеческой логикой, а Шаламов – и вы это прекрасно понимаете – наполовину уже маатанин.

Таланов резко встал, он был бледен.

– Во-первых, Шаламов, к сожалению, почти мертв, и нет никаких оснований утверждать обратное. Во-вторых, я не верю, что он наполовину нечеловек, доказательств этому утверждению нет, а усложнение нейроструктур – еще не доказательство. В-третьих, опасным для людей может быть только маниакально-депрессивный больной, не способный контролировать искаженное сознание, а Шаламов контролирует. И в-четвертых, мы уверены, что сможем прооперировать его и вернуть к нормальной жизни.

Ромашин тоже встал, за ним все остальные.

– Что ж, хорошо, если так. Мы хотели бы надеяться на это, на благополучный исход. Однако все же следует помнить, что вы отвечаете за все неучтенные последствия. Желаю успеха.

Таланов молча повернулся и пошел к двери, прямой и угрюмый. Мальгин, чувствуя себя так, словно его обвинили в профессиональной несостоятельности, поплелся следом. Трое безопасников смотрели им в спины до тех пор, пока за ними не закрылась дверь.

– Ты был великолепен, – пробормотал Клим, когда они шли уже по коридорам института. – Единственный твой прокол – в нашей общей уверенности, что мы сможем вернуть Шаламова в норму. Операция – не гарантия...

– Да знаю! – с досадой махнул рукой Таланов. – Я просто растерялся. К тому же твой Ромашин прав. Иди к Готарду, я сейчас приду, надо посоветоваться. Что ты на меня так смотришь?

– Кажется, мы сами себя загнали в угол. Отвечать за здоровье пациента – одно, а за его поведение – совсем другое.

– Черт! – сказала Таланов. – Я не подумал.

– Я тоже понял это лишь сейчас, – вздохнул Клим.

Во втором часу дня пришло наконец сообщение от кибернетиков Ромашина о расшифровке записей диагностера, вытщенного Ханом и Мальгиным из преисподней маатанской «тюрьмы-клиники».

Группа риска собралась у Стобецкого, связанная информационным каналом Гиппократ, главного компьютера института. Все были возбуждены и с нетерпением ждали начала сообщения. Непосредственный Заремба не преминул блеснуть знанием маатанской компьютерной техники, но Стобецкий остановил его пространную речь репликой:

– По-моему, не правы были творцы Библии, ограничившие число смертных грехов цифрой «семь», я бы добавил восьмой: болтливость.

Заремба обиделся, но, имея характер незлобивый, сердился недолго.

Мальгин, успевший проверить приведенные Ромашиным факты о некоторых гипертрафированных способностях Шаламова и отметивший еще несколько подобных, почувствовал нарастающий страх, но в это время в голове раздался мысленный «голос» Гиппократ:

– Сосредоточьтесь, даю адаптированный перевод массива. Время сообщения – час двенадцать, при необходимости устроим перерыв.

И в мозг Мальгина пошла видео – и звуковая передача записи.

Уже через минуту в недоумении приподнял брови Каминский, потом Стобецкий оглянулся на Мальгина, Заремба шумно вздохнул, а Джума Хан снял с головы эмкан. Вытерпев еще несколько минут, Мальгин остановил демонстрацию перевода. Врачи молча смотрели друг на друга. То, что записал диагностер с подачи «черного человека», не было информацией о физиологии, психологии и биологии маатан, в записи речь шла о маатанской версии рождения Вселенной.

– Еже писах, писах,³³ – пробормотал Джума Хан, встретившись взглядом с Мальгиным. – Ошибся наш приятель, не то записал, что мы у него просили. Плохо просили?

– Ничуть он не ошибся, – возразил Заремба. – Ваш «черный друг» был и остался выкормышем Маата и нарочно подсунул то, что не жалко. Надо же? «Вселенную сотворили Вершители, пришедшие из Глубины Запределья»! Или вот это: «Было вечное кипение, но все пузыри связаны пуповиной единого начала, в одном из них родились Вершители из Глубины, нашли боковой отросток пуповины и открыли дверь...» Вот ведь ерунда!

– Не так грубо, дружок, – заметил Джума Хан. – Что мы знаем о маатанах, чтобы говорить о них в уничижительном тоне?

– И откуда в тебе вместе с полезной закваской столько мусора? – пробурчал Стобецкий. – Кто тебя воспитывал?

– Гиппократ, – огрызнулся Заремба.

Таланов медленно снял эмкан, повернулся к Мальгину.

– Что будем делать, мастер?

Хирург, встретив сочувствующий, пытливый и подбадривающий взгляд Карой, очнулся и сказал твердо:

– Будем опираться на те сведения, что у нас есть.

Спасибо Джуме, что он смог включить диагностер под маатанином, иначе у нас вообще ничего бы не было. Операцию начнем в семнадцать по Москве. Первая фаза: стаз криптогнозы из мозга через ЦНС на периферию – полтора часа. Вторая: локализация пораженных шоком

³³ Что я написал, то написал (изречение, приписываемое Пилату).

участков и стирание криптогнозы в гипофизе, мозжечке, лобных долях – пять часов со сменной ассистентов. Третья: полная нейрохирургическая эктомия – только после анализа пропаганды и возрастания тонуса. Первую фазу готовит Богдан, вторую Готард, Билл и Заремба. Карой и вы, Ежи, отвечаете за манипуляционную, аппаратура в вашем ведении до конца операции. Я составляю программу Гиппократу, координация схем операции – за час до начала. Даю полчаса на личные дела и час на разгрузку. Все свободны.

Таланов кивнул и вышел первым. В дверь реанимационной попытались проникнуть сотрудники других лабораторий института, но Стобецкий отразил натиск. Мальгин поспешил к себе, ответив на вопросительно-грустный взгляд Хана отрицательным жестом. Предчувствие не обмануло: в кабинете сидела Купава. Вскочила, когда он вошел. Мальгин остановился перед ней, покачиваясь с пятки на носок. Огромные глаза женщины наполнились слезами:

– Прости, я не смогла... но, Клим, мне некуда деться! У меня никого нет, кроме... него, – кивок на дверь, – и тебя... Я с ума сойду одна... ты же знаешь, сестра не хочет меня слушать, а у Дана я...

Мальгин посмотрел на браслет, отметил время, ни слова не говоря, схватил Купаву за руку и потащил за собой.

Она не сопротивлялась.

Метро выбросило их в Жуковке, на родине Мальгина. На площади Ленина Клим нашел такси и через четверть часа ураганного полета к хутору отца ввел растерянную, ничего не понимающую Купаву в его дом. К счастью, Мальгин-старший был дома. Он молча перевел взгляд с сына на бывшую невестку и обратно, поклонился в ответ на лепет ее приветствия.

– Оставляю ее на твое попечение, па, – сказал Мальгин, подталкивая женщину вперед. – Заберу завтра вечером. Не выпускай ее ни под каким предлогом, иначе я не смогу работать. Надеюсь, ты будешь крут с нею.

Губы отца тронула улыбка. Он был лыс, круглолиц, добр и несуетлив, а главное, он всегда понимал сына.

– Будь спокоен, – сказал он, пытаясь нахмурить выцветшие брови.

Купава беспомощно оглянулась, слезы снова задрожали у нее на ресницах. Язык слез и улыбок не требует перевода, но Мальгину очень захотелось, чтобы ему перевели.

– Клим!..

– Раньше ты была сильнее, – сухо сказал он, обнимая ее взглядом, единственное, что мог себе позволить, и вышел. Он знал, что отец, как никто другой, сможет успокоить ее и удержать дома. Несмотря на все происшедшее, связанное с уходом Купавы от Мальгина, отец продолжал любить ее и не потерял надежды на возвращение невестки.

Глава 7

О том, что Шаламов сбежал из института, прямо из реанимакамеры, Мальгин узнал еще в здании Жуковского метро: заговорила вдруг «чревовещательница» рации в ухе:

– Внимание всем рисконавтам ПР-группы! Пациент второй РК вышел из состояния комы, взломал саркофаг и удалился за пределы института! Всем рисконавтам принять меры к его задержанию и успокоению. Применение обычных психолептиков противопоказано, арсенал транквилизаторов подчинен МНК Мальгину.

«Готард, Богдан! – мысленно позвал Клим. – Где Даниил сейчас?»

Ни Таланов, ни Стобецкий не отозвались, вместо них снова заговорил Гиппократ:

– Связи с названными рисконавтами не имею, оба находятся вне здания института. Предлагаю...

Что предлагал инк, Мальгин уже не услышал, находя иглой задатчика точку на карте метро с координатами института. Через несколько минут он ворвался в бокс-клинику Стобеевского.

Куб второй реанимакамеры имел такой вид, будто внутри ее произошел взрыв: люк с окантовкой пневмоприсоса был вырван и погнут, верхняя крышка со сменным оборудованием съехала набок, по полу были разбросаны осколки прозрачного фторогласса, черного пластика и металлические детали креплений. Воняло в реанимационной смесью острых и горьких запахов от сгоревшей изоляции и физиогаза. Человек десять знакомых сотрудников лаборатории из соседнего отделения, одетые в блестящие зеленоватые комбинезоны – сработала аварийная сигнализация, – успокаивали плачущую Карой и галдели, живо обсуждая сенсацию.

– Чтобы вырвать дверь камеры, удар должен быть не менее пяти тонн! – говорил один. – Как это можно сделать голыми руками – не представляю!

– А внутренний фтороглассовый саркофаг? – вторил сосед. – Фторогласс с компенсирующим слоем вообще разбить невозможно!

– Всем вон! – сказал Мальгин тихо, но так, что его все услышали.

Руководитель смежного отделения, бородатый, вальяжный и громогласный, посмотрел на него, открыл было рот, собираясь возразить, но повернулся к подчиненным:

– Пошли отсюда, ребята, наша помощь не потребуется, они сами разберутся.

Мальгин подождал, пока выйдет последний из добровольных утешителей и помощников, сел напротив нейрохимика.

– Где остальные?

– Ищут Ша... Шаламова, – всхлипнула зареванная Карой. Сейчас она совсем не походила на ту уверенную в себе красавицу гордячку, имидж которой культивировала в себе всю жизнь. Первую можно было боготворить, вторую, ставшую проще и милей, – любить.

– Кажется, мы реализовали закон Мэрфи.

Карой посмотрела на хирурга с недоумением, и Мальгин пояснил:

– По закону Мэрфи, если неприятность может случиться, она случается. Как это произошло? Он же был совершенно слаб и слеп!

– Я не знаю... мы с Иваном прогоняли операционную в режиме «экспресс», как вдруг раздался грохот, люк упал в камеру... и оттуда вышел Шаламов... голый...

– Дальше.

– Он посмотрел на... Каминского, который бросился навстречу, и что-то сказал, кажется: «Не мешай, я должен успеть...» – и пошел к двери. Джума прыгнул к нему и... – Карой снова заплакала.

– Ну? – спросил Мальгин одеревеневшими губами. – Что с ним?

– Шаламов его не трогал... а может, я не заметила. Джума упал и разбил лицо...

– Где он?

– Иван повез в «Скорую»... Джума без сознания. Что мне делать? Можно, я поеду к нему? Пока найдут Даниила и привезут сюда, здесь делать нечего.

– Нет, – сказал Мальгин, прикидывая, что делать дальше. – Везет же парню – то есть я хотел сказать, с Джумой ничего не случится, вы мне нужны здесь. Гиппократ, твоя версия происшедшего. Почему ты не поднял тревогу раньше? Меня интересуют предпосылки происшествия.

– У пациента внезапно заработало сердце без водителя сердечного ритма, изменился энцефалообмен, резко ускорился процесс передачи возбуждения по нервам. Я дал сигнал внимания, но пациент очнулся уже через несколько секунд и разбил саркофаг.

«Вы не боитесь, что количество перейдет в качество?» – холодея, снова вспомнил Мальгин слова Карой, и еще он вспомнил глаза Ромашина и его предупреждение. Такого поворота событий хирург не предусмотрел, хотя был обязан. Конечно, он и до сих пор не верил в то,

что Шаламов вдруг станет опасен окружающим, но его неверие опиралось только на эмоции и память прошлого, не имеющие доказательной силы. Куда же ты ушел, Дан? Кем стал? И что собираешься делать?..

– Пациент ничего не просил передать мне лично?

– Нет, – ответил Гиппократ. – Разбив саркофаг, он сказал только одну фразу: «Нек Деус интерсит».

– «Пусть бог не вмешивается», – перевел Мальгин хрипло; посмотрел на Карой, но не увидел ее. – Соедини меня с отделом безопасности.

Через минуту над пультом общей координации развернулся виом связи, на Клима глянул прозрачноглазый внимательный начальник отдела безопасности УАСС.

– Он сбежал, – сказал Мальгин, чувствуя, как слова болезненно царапают горло. – Даниил Шаламов освободился от пуповины жизнеобеспечивающей автоматики и ушел из института минут двадцать назад. Куда – неизвестно.

– Мы знаем, – кивнул Ромашин. – Он побывал дома, переоделся... вернее, оделся и из метро ушел на базу погранслужбы «Златоуст». Там он захватил спейсер «Скиф» и исчез вместе с ним из поля наблюдения.

Мальгин проглотил ставшую полынно-горькой слюну, бессмысленно посмотрел на издавшую восклицание Карой.

– Так быстро? За двадцать минут?! Он... ничего... никого?..

– Бортинженер и драйвер-прима спейсера, пытавшиеся ему помешать... находятся в клинике «Скорой помощи» СПАС-центра. К сожалению, мы не успели, на несколько секунд, но не успели... он действовал быстрее. – Ромашин помолчал, во взгляде его не было сочувствия, но и презрения, отвращения или злости не было тоже. – Упрек вы заслужили, прежде всего упрек в утрате критического отношения к реалиям нынешних ваших отношений с Шаламовым. В какой-то степени это малодушие, вы просто не хотели думать о нем плохо, и по-человечески понять это можно. Но, кроме вас двоих, в орбиту ваших отношений вовлечены и другие люди, а они не должны страдать из-за... кого бы то ни было. Разберитесь со всеми обстоятельствами бегства Даниила и приходите ко мне, подумаем, что делать дальше. Часа вам хватит?

Мальгин с трудом заставил себя ответить:

– Хватит. – Торопливо добавил: – Если возможно – не допустите утечки информации. От этого... – он хотел сказать: «Пострадают другие, например, жена Шаламова», но передумал.

Ромашин несколько мгновений рассматривал его лицо, словно изучая, потом, вероятно, понял:

– Постараемся. Жду вас у себя.

Виом свернулся в нить, угас. В реанимационной снова повисла тишина. Мальгин обернулся. Карой смотрела на него странно, с каким-то новым, необычным для нее выражением. «Неужели ей тоже свойственна растерянность? – подумал он, словно определение состояния женщины было сейчас главным делом жизни. – Или страх? Не похоже... Скорее надежда и ожидание чуда и тайная уверенность, что я это чудо сотворю. Кажется, она впервые в жизни не знает, что делать!» И вдруг Мальгин с отвращением поймал себя на родившемся глубоко под слоем собственной растерянности, изумления и тревоги чувстве облегчения! Облегчения! Облегчения от того, что Шаламов сбежал, по-своему решив все проблемы разом, и операция таким образом откладывается... если не срывается совсем.

– Нек Деус интерсит, – выговорил Мальгин тяжелые слова древней латинской поговорки. – Пусть бог не вмешивается. Интересно, кого имел в виду Дан?

– Вас, мастер, – сказала Карой.

Мальгин покачал головой.

– Я не бог, и он это знает. Бог не ошибается, как человек, не должен ошибаться...

Джума Хан был все еще без сознания, находясь в почти такой же реанимационной камере, какие стояли и в боксе Стобецкого.

Движения врачей за терминалом компьютера, следящего за состоянием больного, были спокойными, а разговоры буднично-деловитыми, и Карой немного успокоилась, как, впрочем, и Мальгин.

– Болевой шок и кровоизлияние в мозг, – сказал им лечащий врач, соратник Джумы. – Симптомы странные, ничем не спровоцированные, но тревог особых нет, все излечимо. Такое впечатление, что он перегрузил мозг при работе с машиной в режиме «один на один» да еще использовал при этом запрещенные стимуляторы.

– Исключено, – возразила Карой сухо, разглядывая в виоме внутренности реанимакамеры с телом Джумы: глаза ее сухо блеснули, и она опять была собранной, самоуверенной и нетерпимой к слабостям других. – Он не работал с компьютером перед тем, как потерять сознание.

– А до того?

– Мы работали вместе, но до перегрузки не доходило. Другое дело, что вчера утром он... – Карой оглянулась на Мальгина.

Тот кивнул, повернулся к врачу:

– Разве он лечился не у вас?

– Вы имеете в виду психологический удар при подключении к инку диностера? Да, мы работали с ним, но сегодняшний случай не имеет отношения к вчерашнему.

Мальгин встретил затуманенный взгляд женщины: она силилась что-то вспомнить, но с сожалением покачала головой.

– Мне кажется, все так и было, как я рассказывала: Джума подбежал к Шаламову и... и упал. Но Даниил его не... по-моему... нет, точно, не касался. К тому же у Джумы хороший тренинг, он бы не позволил себя...

– Я знаю, – кивнул врач, косясь на терминал. – Простите, я должен работать. Звоните вечером, думаю, он выйдет из этого состояния. – Врач отошел.

– Пошли, – проворчал Мальгин, постояв с минуту. – Все будет нормально.

Он уже просрочил время, данное ему Ромашиным, и торопился.

– Идите, – сказала Карой, не глядя на него, потом опомнилась и улыбнулась виновато: – Я подожду здесь, Клим, если не возражаете.

– Тогда встретимся в девять у Стобецкого, предстоит систематизировать все наши загадки и беды, выдать прогноз поведения Шаламова, проанализировать... – Он замолчал, так как видел, что женщина его явно не слушала, и, легонько сжав ее локоть, ушел.

Разговор с Талановым занял всего две минуты, оба всё понимали с полуслова и знали, что предстоит сделать каждому в отдельности и всем вместе.

– Поступили два пациента с интегральным поражением подкорки, – сообщил Таланов хмуро.

– Стобецкий справится сам, бригада у него хорошая.

– Я уже перевел на него отработку проблем, кроме той, которой ты занимался до...

– Регуляция эндокриножелез? Посади на нее Зарембу, парень рвется в бой, его энергию надо направлять в нужное русло.

– Согласен. После встречи с безопасниками позвони.

– Если буду готов. До девяти не позвоню – собирай группу сам, нужен глубокий анализ с привлечением эфналитиков.

– Ступай, не беспокойся за тылы.

Таланов был озабочен и встревожен, но не стал напоминать Мальгину об их общей ответственности за происшедшее вообще и за жизнь Шаламова в частности.

Выпив по пути два стакана ежевичного сока – пересохло горло, Клим переместился из института, выросшего в южной Курской зоне Москвы, в Брянск, на окраине которого располагалось Управление аварийно-спасательной службы, но Ромашина в отделе не нашел.

– Он в погранслужбе, – сообщил киб-секретарь, мигая зеленым глазом внимания.

– Где именно?

– С кем имею честь?

– Клим Мальгин, нейрохирург. Институт нейропроблем.

– Он в отделе пограничных конфликтов, код лифта «сто сорок один-ю».

Клим, чувствуя сосущую пустоту под ложечкой, отыскал лифт и набрал названный код.

Здание УАСС строилось лет сто с лишним назад, но уже тогда при его строительстве были использованы прогрессивные архитектурные решения типа «плывущей структуры», «свободно организованного пространства», «модульной компоновки» и принципы трансформных преобразований, основанные на материалах с памятью формы, поэтому с течением времени облик его хоть и менялся, но инженерно-техническое обеспечение оставалось тем же, разве что совершенствовалось. Погранслужба Даль-разведки была в Джезказгане, но спустя двадцать лет после создания решением Высшего координационного совета Земли была перенесена в СПАС-центр, из-за чего здание УАСС, и без того занесенное в Книгу рекордов Гиннесса как самое большое и сложное, выросло в длину еще на полкилометра. Однако благодаря пронизывающим его лифтам попасть из одного конца здания в другой можно было всего за несколько минут. Путешествие Мальгина, например, длилось две минуты сорок секунд. Лифт выбросил его прямо у двери сектора погранслужбы, занимающегося разного рода конфликтными ситуациями на переднем крае космических исследований человечества.

Дверь открылась сама, едва Мальгин к ней приблизился, видимо, инки сектора были предупреждены о допуске нейрохирурга к секретам погранслужбы. За дверью шумел сосновый лес, созданный иллюзией видеопласта, сквозь лапы елей и сосен проглядывало солнце. По «песчаным дорожкам» коридора изредка сновали люди, по большей части одетые в кокосы с эмблемами погранслужбы на рукавах: сине-белый полосатый ромбик с золотыми звездочками. Мальгин двинулся по дорожке в глубь коридора и буквально наткнулся на Ромашина, вынырнувшего навстречу из-за пушистой японской сосны.

– Идемте, – кивнул начальник отдела безопасности, не удивившись. Следом за ним вышли из незаметной двери двое мужчин: плечистый здоровяк с крупным мясистым лицом и тонкий, стройный, как юноша, но с гривой седых волос (интересно, свои такие или краска?) начальник сектора Милослав Торопов.

Молча сели в лифт, перенесший их в зал метро, подождали, пока освободится нужная кабина. Вышли где-то в недрах базы погранслужбы, как определил Мальгин. Короткий коридор вывел молчаливую группу к двери со светящейся надписью «ППП». Первым двинулся Торопов, Ромашин пропустил Клима вперед и вошел последним.

Открывшееся взгляду помещение было весьма своеобразным, с комфортной организацией технoprостранства: три стены собственно стенами назвать было нельзя, они представляли собой законченные устройства линий доставки с меняющейся геометрией бункеров, третья стена служила терминалом контроля и связи, а потолок мог пропустить через себя крупногабаритный модуль или патрульный шлюп.

Торопов, обойдя в центре зала манипуляторы и груды контейнеров, возле которых трудились трое парней в одинаковых черных комбинезонах, подвел прибывших к единственному пульта, ежесекундно меняющему узор индикаторов. Над пультом склонились два оператора. Один из них, кряжистый, белобрысый, со светлой бородкой и усами, родинкой на щеке, оглянулся, и Мальгин узнал Александра Шевчука, руководителя группы безопасников в Горловине. Второй продолжал работать с эмканом на голове, не обращая ни на кого внимания.

– Все посты предупреждены, – сказал Шевчук, кивком поздоровавшись с Мальгиным. – В намеченных финиш-зонах задействован императив «чеширский кот» и включен «спрут», но пока все тихо.

– Поймать «след» старта не удалось, – отрывисто добавил второй оператор.

– Этого и следовало ожидать, – сказал седой Торопов. – К сожалению, приходится повторять это слово снова и снова, «Скиф» – спейсер высшего класса и ходит без «шипения». И управлять им может любой мало-мальски подготовленный человек. Да и Шаламов – не любой, а драйвер-прима, специалист высокой квалификации.

– Почему его, то есть «Скифа», СПАС-управление не заблокировало? – спросил Ромашин. – У вас что, не соблюдается стандартный «срам»?

– «Скиф» стоял на приколе второй месяц и готовился к рейду на границу в Гиппархе, – нехотя ответил Торопов. – Блокировку сняли буквально перед похищением, хотя странно, почему инк спейсера послушался чужого приказа.

– Это не оправдание.

– Я и не оправдываюсь, удивление мое вовсе не риторическое, вы же знаете, обычно инки работают только со своими пилотами, и этот психологический порог переступить нелегко. Но к делу, коллеги.

Ромашин повернулся к Мальгину.

– Пора прояснить ситуацию. Поскольку лучше всех Шаламова знаете вы и отвечаете за его поведение тоже вы, участие ваше в его поиске не только желательно, но и обязательно. Возражения?

– Нет.

Торопов, прислушивающийся одним ухом к разговору, усмехнулся, окидывая взглядом Мальгина:

– По всему видно, он не знаком с законом Биллингса: половина трудностей происходит от того, что мы слишком быстро говорим «да» и недостаточно быстро «нет».

Мальгин с каменным лицом промолчал, подумав с удивлением: кажется, этот пограничник за минуту обнаружил во мне то, что я пытаюсь найти столько лет. Не от того ли проистекают все мои беды, что я всегда говорю «да»?

Ромашин с любопытством посмотрел на него, кивнул:

– Умение выбирать между «да» и «нет» – великое искусство. Итак, с этого момента вы участник операции. Всю свою работу переложите на заместителей.

– Уже. Но я хотел собрать группу для анализа реакции Шаламова и предшествующего его состояния, это поможет нам в прогнозе его поведения.

– Таланов справится без вас?

– Безусловно.

– В таком случае мы свяжемся с ним и все объясним. Эфналитики нашего отдела определили вероятные выходы Шаламова: Горловина, Маат, Орилоух. Ваше мнение?

– Почему Орилоух? – пожал плечами Мальгин. – Что ему там делать?

– Вероятность похода к Орилоуху мала, но она есть. Маатане каким-то образом связаны с орилоунами, хотя обменом информацией эту связь назвать нельзя, но дело в том, что в экипаже маатанского корабля, командира которого спас Даниил, были два орилоуна.

– Откуда это известно?

– Вспомните наш поход в Горловину. Эксперты успели осмотреть проникатель и обнаружили отдельную «каюту», в которой и находились орилоуны. Сразу, конечно, мы не смогли определиться, и открытие сделали только при анализе полученного фактажа.

Мальгин задумался, его не торопили.

– Но если я правильно понимаю спейс-навигацию, чтобы попасть в нужное место, инкспейсера должен знать маршрут и координаты выхода к Маату... или к Орилоуху, в противном случае придется идти вслепую. Разве нет?

Безопасники и пограничники переглянулись.

– Мысль верная, – хмуро сказал Торопов, – но Шаламов тоже знал это обстоятельство. Он проверил карту маршрутов сразу же, как только попал в рубку, определил, что «Скиф» – непривязанный спейсер, и... рискнул остаться в Системе для пополнения информационных запасов.

– Картина, вообще говоря, получается неприглядная, – сказал Ромашин. – Шаламов все время опережал нас на минуты, а иногда буквально на секунды, опережал прежде всего в оценке событий и выборе оптимального решения. И это говорит о том, что его возможности намного превышают возможности нормального человека, ведь против него работал весь интеллект-потенциал отдела и погранслужбы с мощным кабинетом эфнализа. Он перевел спейсер в режим «инкогнито», не уходя с базы, подключился к компьютерной сети, соединяющей банки данных погранслужбы, и, пока мы искали его по Системе, выкачал необходимую информацию, в том числе и маршрутные данные погранкораблей и галактические координаты дальних погранпостов и маяков. И ушел. Куда – приходится только гадать. Уверен, его бегство не было бессмысленным, да и актом протеста против лечения оно быть не может. Космос велик, но искать беглеца стоит только в районах, которые могут представлять для него интерес.

– Скорее всего он пойдет к Маату, – сказал Мальгин, пряча душившее его желание отказаться от участия в поисках спасателя.

– Наши мнения совпадают. Будем ждать его в системе Маата, хотя того, что он может там искать, на планете нет.

– То есть?

– «Черный человек», с которым вы встречались...

– Умер?!

– Ну что вы, нет, конечно, но бежал с Маата.

– Бежал?!

– Выглядели его действия именно как бегство, хотя... кто знает, может, мы неправильно оцениваем его поступки, не изучив психологии отношений. Как бы то ни было, «черного» на Маате нет, и я не знаю, что произойдет, когда об этом станет известно Шаламову.

– А не ясно, куда сбежал маатанин? И на чем?

– По-видимому, у маатан есть нечто похожее на наше метро, единственная станция на всю планету, и «черный» прорвался к ней, подняв в стане соотечественников изрядный переполох.

– Что значит – единственная станция? – недоверчиво спросил Мальгин. – Разве у маатан нет внутрисистемных линий метро?

– В том-то все и дело. Их межзвездные проникатели, выполняющие, кстати, множество других функций, в том числе и совершенно непонятных нам, работают на принципах «компактификации измерений», как и наши «струнные» корабли, но метро тем не менее у них нет. Эта станция на Маате – единственная.

– Какой-то парадокс...

– Подобных парадоксов у маатан отмечено много. Мы давно присматриваемся к этой станции и пришли к выводу, что маатане... э-э... не являются ее хозяевами. Точнее, они только эксплуатируют ее, а вот строили станцию другие, возможно, даже орилоуны.

– Интересная версия. – У Мальгина внезапно пропал интерес к загадкам маатанской цивилизации, в настоящий момент его волновали другие проблемы. – И вы до сих пор не узнали координат выхода станции?

Безопасники снова переглянулись.

– Это очень непросто сделать, – буркнул Торопов.

– Если еще учесть, что подойти незаметно к станции невозможно, – добавил Ромашин. – Минимальное расстояние, на которое допускается наша спецтехника, около полусотни километров, ближе подойти невозможно, хотя для нас это совершенно неожиданная загадка: техника у нас работает совершенно без шума. Любого. Да и замаскирована она хорошо... как мы думали. Однако мы отвлеклись. Вас, Клим, включили в ЧП-вахту, через несколько минут она передислоцируется на «Илью Муромца», мы ждали только вас, все давно готовы к работе. Шкипер вахты – уже знакомый вам Алекс Шевчук (бородатый Шевчук за пультом кивнул), старпом – Калина Лютый, познакомьтесь.

Молчавший до сих пор крупнолицый напарник Торопова протянул мощную ладонь, словно клещами сдавил руку Мальгина. Клим встретил его испытующий взгляд и напряг мышцы.

– Годится, – кивнул Лютый после минутной борьбы с неожиданно добродушной улыбкой. Эта улыбка погасила в душе Мальгина возникшую было неприязнь.

– А вы не идете? – спросил он Ромашина.

– Мое непосредственное участие в поиске не обязательно, а опытных работников в ЧП-вахте хватает. Желаю удачи.

– Пойдемте, – сказал Лютый, направляясь к груде оборудования. – Переоденетесь уже на месте.

– Минуту, – сказал Мальгин, оглядываясь в нерешительности на Ромашина. – Мне необходимо вернуться в... в общем, я буду готов только через час.

Начальник отдела безопасности смотрел на него без удивления, взвешивая не то свой ответ, не то причину внезапной нерешительности Мальгина. Однако психолог он был высокого класса, не хуже самого хирурга.

– Надеюсь, часа вам хватит.

Мальгин промолчал.

– Хорошо, мы подождем.

Шевчук, ни слова не говоря, сел обратно за пульт. Лютый похлопал Клима по плечу:

– Не переживайте, отвезу вас к метро коротким путем.

Контейнеры уже были уложены на черном диске в центре зала в аккуратный штабель, манипуляторы отступили к слепым мордам линий доставки. Двое парней вышли, третий остался. Лютый встал на диск, поманил Мальгина:

– Смелей.

Мальгин оглянулся. В немигающем взгляде Ромашина, устремленном на него, помимо укора и отчужденности, он уловил и сомнение.

Часть III Человек-Нет

Глава 1

Прошло немало времени, прежде чем Шаламову сквозь странную сосущую, шершавую, занозистую боль, терзавшую приступами все нервные центры, удалось кое-как овладеть своим телом и сократить время беспамятства до минимума: организм, «воспитанный» десятками тысяч лет эволюции, сопротивлялся вторжению чужой воли, появлению странных возможностей и продолжал «отключать» мозг на уровне инстинкта. Тем не менее Шаламов после многих попыток, отнявших громадное количество психических сил, сумел установить компромисс между двумя чуждыми друг другу системами переработки информации (раньше сказали бы – между двумя половинами души), подчинить нейросекретные функции тела волевому усилию и обеспечить некоторую власть над процессом биотрансформации, основанном на электроэнергетике, на два порядка превышающей по мощности биоэнергетику нормального человеческого организма. Зрение он не только восстановил, но и усовершенствовал, сдвинув диапазоны видения в инфракрасную часть спектра и немного в ультрафиолет.

Приступы слабости, обмороки и черные приступы потери сознания все еще продолжались, но значительно реже, и в конце концов Шаламов решил, что для достижения поставленной цели владеет собой в достаточной степени. Единственная раздражающая мысль, венчавшая земное психологическое наследие, была: где, черт возьми, Купава?! Почему ее не оказалось дома?..

Потренировавшись в смене облика и оптимальной подгонке функций под тот или иной тип тела, Шаламов вернулся в рубку спейсера, самостоятельно шедшего крейсерским шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, со скоростью, близкой к скорости света, но без включения дыробоя – генератора «струны». Координатор с готовностью высветил пилоту в психодиапазоне основные параметры хода и характеристики окружающего корабль пространства. В пределах прямых измерений пространство было «плоским» и чистым, как лист ватмана.

Рубка спейсера напоминала рубку спасательного шлюпа, но была рассчитана на трех человек: шкипера (он же пилот или, по терминологии спасателей, драйвер-прима) и двух бортинженеров, собственно, и представлявших весь экипаж. Кресла-коконы экипажа были установлены в общем коконе рубки так, что шкипер видел своих подчиненных одного за другим, а напротив него стена рубки выгибалась пузырем и представляла собой ситуационный экран, используемый в аварийном режиме при отстреле контролирующей пси-связь автоматики и включении ручного управления.

По желанию пилот мог передвигаться по спейсеру, не покидая кресла, с помощью пронизывающего лифта, так что время в пути до самого отдаленного отсека не превышало минуты, несмотря на пятисотметровый размах корпуса, тем не менее каюты погранвахты располагались рядом с рубкой, рассчитанные на двадцать шесть человек; сейчас они пустовали.

Устроившись в кресле шкипера, Шаламов с мимолетным удовлетворением подумал: теперь он кум королю и сват министру. Жаль, что пришлось немного помять ребят, но они были так воинственно настроены... к сожалению, друг Клим Мальгин не оставил другого выхода, наметив операцию, которая ему, Даниилу, абсолютно не нужна... а ребята попались на пути наибольшего сопротивления случайно, когда он сам уже не мог избрать другого варианта...

– Скиф, что с ними? Есть сведения?

– Оба в реанимации, – отозвался координатор в пси-диапазоне. – Результаты лечения не знаю.

– Плохо, – помрачнел Шаламов. – Не помню, как это произошло. По-моему, я их не трогал... черт, провал в памяти! Я не хотел этого... Ничего, оклемаются. Как далеко мы ушли от Солнца?

– Три парсека с небольшим хвостиком.

– Что ж, давай посмотрим. Три мы дали на «струне», а остальные, выходит, шпугом? Индекс ЛЗВ?³⁴

– Семь ноль ноль два.

– Значит, если я отдыхаю здесь всего вторые сутки, то в Системе прошло уже около двух недель. Интересно, где они подготовили мне встречу?

– Кто?

– Пограничники, кто же еще, плюс безопасники, шедшие за мной по пятам. Хваткие ребята, да и начальник у них не без царя в голове. Наверное, запустят «Шторм» и будут дежурить у Маата и в Горловине, причем наверняка погранвахты будут со сменами усиления. А?

– Наверняка, – согласился координатор.

– Ничего, мы тоже не лыком шиты, прорвемся. Идем к Маату в режиме «инкогнито», на подходе ищем трассы и коридоры входа маатанских космотранспортов, засекаем всю их космотехнику и вычисляем, какая из нее предположительно принадлежит нашей разведке. Только после этого формируем из тебя «проникатель» – программа трансформации записана в моей памяти – и ползем к Маату как свои. Работу будем продолжать независимо от того, в сознании я или нет. Понял?

– Так точно, – ответил координатор по имени Скиф, имя было ему дано по названию спейсера. Он уже не был инком, самостоятельным киб-интеллектом, после того, как Шаламов оглушил его, подав на вход запороговую шумовую задачу, и переориентировал блоки этического контроля. В настоящее время Скиф наполовину представлял собой маатанский компьютер, позаимствовав многое из того, что знал Шаламов.

Через несколько часов по внутреннему времени, ушедших на ввод и корректировку маршрута, спейсер в режиме «суперструны» преодолел гигантское расстояние в тридцать семь парсеков и вышел к гравитационным границам звездной системы Маата. Звезда, давшая жизнь собственно Маату – второй планете системы, была класса F0, имела в свите еще четыре планеты размером с Юпитер и пылевой пояс. На Земле ее знали как сто вторую Щита и называли Угрюмой.

Чувствительность техники наблюдения спейсера была так велика, что Шаламов, включенный в контур управления координатора, мог контролировать даже перемещение летательных аппаратов в атмосфере Маата, хотя расстояние между кораблем и планетой превышало триста миллиардов километров. Работая с координатором в рапид-режиме, позволяющем человеку вести расчеты со скоростью позитронного вычисления, Шаламов выполнил первую часть задачи по обнаружению крупнотоннажного космического транспорта в системе и принялся за вторую – выявление земных разведкораблей, способных маскироваться под любое движущееся тело.

Работал он с удовольствием и чувствовал себя вполне сносно, загнав эмоции глубоко в недра психики, хотя образ Купавы нет-нет да и пробивался наверх, к центрам зрительной памяти. Однако неясные эти картины – то лицо Купавы, то ее фигура, то отдельно глаза, губы, волосы – не отвлекали пилота от главного дела и не злили, только заставляли работать быстрее. Он знал, что вернется за ней и заберет с собой. Но сначала надо было достичь поставленной цели.

³⁴ ЛЗВ – Лоренцево замедление времени; при скорости корабля, близкой к скорости света, время в корабле начинает идти медленно по сравнению со временем на Земле.

Аномалий в движении маатанских внутрисистемных аппаратов они со Скифом не нашли, зато с ходу определили координаты базовой станции «Эдип-2», принадлежащей земной Комиссии по контактам, и отметили два тела, круживших над Маатом по хитрым траекториям. Кроме того, приборы выявили несколько концентраций масс, не привязанных ни к одному визуально наблюдаемому объекту, и Шаламов отнес их в разряд потенциальных наблюдателей, работающих в системе, как и он со Скифом, в режиме «инкогнито».

Затем пришла очередь определения коридоров выхода к Маату возвращающихся из дальних рейсов космолетов-проникателей. Просидев сутки в кресле шкипера, отвлекаясь только на завтраки – человеческое тело просило человеческой пищи и привычных процедур, – Шаламов справился и с этой задачей, после чего наступило время действий. Проложив трассу «струны» корабля мимо обнаруженных объектов, способных помешать осуществлению задуманного с точностью, недоступной ювелирам, пилот взял управление «Скифом» на себя.

Корабль, превращенный в маатанский «проникатель» – с виду, конечно, – вышел к Маату безошибочно, но обмануть земных наблюдателей не смог. Правда, это и не требовалось, Шаламову важно было не вспугнуть самих маатан.

- Нас засекли, – предупредил Скиф.
- Сам вижу. Делай свое дело.
- Принимаю кодовый вызов.
- Слышу.
- Похоже, нас пытаются перехватить. Не понимаю смысла игры.
- Отставить вопросы, это не игра. Вход в атмосферу аварийный, не забудь смену режима.

Район финиша определяю я.

– Принял. Хочу напомнить: на выходе из атмосферы нас будут ждать... если только не приготовили встречу внизу, на дне. Внезапность – пропуск только для входа.

– Есть другая поговорка: сила – пропуск для входа, ум – для выхода. Разговорам конец. Начали!

«Скиф» прыгнул...

Глава 2

Две недели Мальгин маялся на борту спейсера «Стратег», дежурившего в системе Маата, и вместе с другими вахтенными отрабатывал императив «черный поиск», представленный специалистами-ксенопсихологами Института внеземных культур и аналитиками погранслужбы из отдела проблем контакта. Но Шаламов как в воду канул, исчез, растворился в глубоком мраке космоса, не появившись ни в Горловине, ни у планет Орилоуха, а искать его прямым зондажом было бессмысленно.

В первый же день на спейсер прибыл Ромашин, вызвал Мальгина из отсека отдыха в зал десанта. По его лицу ничего нельзя было прочесть, однако Мальгин, внутренне сжавшись, приготовился к самому худшему, подумав при этом, что не достиг предела, когда о худшем думать уже не хочется. С Ромашиным сидел озабоченный и хмурый Таланов. Клим взглядом спросил у директора института, что случилось.

– Мы ошибались в оценке состояния Шаламова, – ответил Таланов, нервно сцепляя и расцепляя на груди пальцы.

Мальгин невольно перевел взгляд на Ромашина, застывшего в неподвижной позе, но не терявшего присутствия духа ни при каких обстоятельствах и привыкшего спрашивать с себя не меньше, чем с других.

– Не может быть!

– Это стало известно час назад, после прогонки ситуации на Европейском эм-синхро.³⁵ Когда Шаламов находился в бессознательном состоянии, процессы обмена у него шли параллельно маатанским. То есть в эти периоды он, по сути, был маатанином, сердце и другие органы ему не требовались... а мы «спасали» его от комы! Поддерживали сердечную деятельность и работу легких!.. Но непосредственно перед выходом из камеры он... перестал излучать.

Мальгин не понял, продолжая в недоумении смотреть на Таланова. Тот снова сложил руки на груди, покосился на Ромашина.

– Человеческое тело, как тебе известно, излучает тепло, а мозг – электромагнитные волны, так вот Шаламов перестал излучать и то и другое.

– Как маатане! – хрипло сказал Мальгин, вспомнив.

– Вот именно, Клим, как «черные люди». И больше всего я боюсь, что Даниил не знает обо всех своих специфических способностях, как и о расщеплении личности.

Ромашин впервые пошевелинулся.

– А я боюсь, что вы не совсем понимаете, к чему может привести «двойное дно» души вашего пациента. Он уже не в состоянии контролировать свои поступки, не будучи человеком, то есть в периоды, когда в нем властвует маатанин.

Медики молчали. Потом Таланов спросил:

– Кто у тебя отвечал за информацию о состоянии Даниила? Заремба, Билл-старший или Стобецкий?

– Какая разница? В конечном счете виноват я.

Ромашин усмехнулся.

– Вы смелый человек, Клим, но все же не стоит взваливать на свои плечи чужой груз. Что касается ответственности за своевременную информацию о нюансах состояния Шаламова, то винить надо вас, Богдан, за то, что понадеялись на достаточную оперативность и мощь Гиппократы, главного компьютера института. Он не справился с анализом, случай беспрецедентный и достаточно специфичный, очевидно, надо было сразу включить режим эм-синхро, тогда бы нам удалось избежать многих ошибок.

– Виноват я, – твердо повторил Мальгин. – Я обязан был предусмотреть такой финал и не надеяться только на Гиппократы. О включении эм-синхро я просто не подумал.

– Нет, – так же твердо возразил Ромашин. – Но поговорим лучше о маатанах.

– Хорошо, – тихо согласился нейрохирург после паузы. – Один вопрос: что с Ханом?

– Он очнулся, скоро будет на ногах. Самое интересное, он уверен, будто из Шаламова... прыгнул на него «с рычанием» оскаленный барс! После чего Джума потерял сознание.

Таланов подтверждающе кивнул.

– Да, я с ним разговаривал. Джума уверен именно в физическом прыжке, он даже почувствовал на лице «сморщенное дыхание пасти зверя», причем, по его версии, «барс выпрыгнул из глаз» Даниила.

– Скорее всего это личностное впечатление от направленного гипноимпульса. – Ромашин поправил у виска усик антенны связи. – Как известно, дыма без огня не бывает, и «прыжок барса» – это скорее всего пси-атака Даниила. Если бы у нас была видеозапись выхода Шаламова из реанимакамеры, подобные вопросы отпали бы сами по себе. Клим, вам необходимо запомнить новые данные о маатанах, Богдан привез кассету.

Таланов вытащил из кармана плоскую пуговку видеозаписи.

– Прокрути, много интересного, я, например, ничего этого не знал. Догадайся, почему маатане нас не признают как братьев по разуму? Конечно, это всего лишь гипотеза, но ксенопсихологи поработали исключительно результативно и скорее всего не ошиблись. Специфика

³⁵ Таланов имеет в виду компьютерную систему медицинских институтов и клиник, работающую по заданной проблеме в режиме синхронизации банков данных.

живого организма на Земле заключается в поддержании низкого уровня энтропии в себе за счет увеличения энтропии окружающей среды, а маатане энтропию среды не повышают, создавая как бы «склады энтропии» внутри себя! Отсюда и их неприятие всех, кто «увеличивает хаос мира»!

– Не спешите с выводами, – мягко возразил Ромашин. – Проблема отказа «черных людей» от контактов с нами – комплексная, сложная, в ней отражены и физиологические, и чисто физические, и философские аспекты жизни маатан, их этика и мораль. Например, в их речи нет местоимения «я» и в то же время каждый маатанин – это личность. Парадокс не парадокс, но противоречие налицо, и таких противоречий много. Возьмем их эволюцию: маатане сознательно ограничили рост производства и потребления информации, выбрав из всего спектра направлений познания мира лишь те диапазоны, которые ориентируют их не на всестороннее развитие личности с возможностью самовыражения в избранной области науки, искусства и культуры, а на максимальное «закукливание», централизацию в каждом индивидууме одного какого-нибудь достоинства – возможно, ради меньшего потребления энергии и информации.

– Разве такое может быть?

– Посмотрите запись, там не только голые выводы, но и выкладки, на которых они основываются. Вы говорите – возможно ли? А то, что тело маатанина есть одновременно его мозг, возможно? А то, что нужный для решения определенной задачи «объем ума» у маатанина как бы растет с подключением новых и новых участков тела-мозга, с увеличением количества нервных связей, возможно? Кто-нибудь из ксенобиологов мог представить, что природа реализует «черного человека», мозг которого по сути – фрактальный кластер?

Таланов и Мальгин молчали. Ромашин перевел взгляд с одного на другого и встал.

– Идемте, Богдан, у нас мало времени.

– Погодите, – сказал Клим ему в спину, не вставая. – А что, если Шаламов появится где-нибудь... в другом месте?

Начальник отдела безопасности обернулся, помолчал, разглядывая пол под своими ногами.

– Если я вас правильно понял, вы говорите о Земле. Не беспокойтесь, мы приняли необходимые меры предосторожности. Купава в полной безопасности.

Они ушли, и Мальгин расслабленно откинулся на спинку кресла. Напряжение схлынуло, в голове стоял сплошной туман, в ушах же раздавался шепот Купавы:

– Найди его, Клим, милый! Он же серьезно болен, его спасать надо, а не ловить, как преступника. Скажи им всем, пусть не расставляют капканы, иначе он сорвется и такое может натворить!.. Слышишь, Климушка?..

– К сожалению, да, – горько отозвался Мальгин, запоздало отвечая на ее опасения.

Ромашин посещал спейсер еще дважды, сообщая новости с Земли, не проходившие по каналам срочной связи, передавал новые порции информации от ксенопсихологов, эфаналятиков, биологов и медиков, приносил приветы от выздоравливающего Джумы и ни слова от Карой или Купавы. Мальгину уже осточертели шестичасовые вахты, чередующиеся с периодами отдыха, неразговорчивость вахтенных, атмосфера тревоги и томительного ожидания, но он старался ничем не выдавать своего недовольства. Соображения о том, что можно было бы обойтись без перехвата угнанного Шаламовым спейсера, ограничившись наблюдением и попыткой связи с ним, не произвели на Ромашина должного впечатления. Спорить с Мальгиным он не стал, на совет снять вахту ответил односложным «нет» и только очень спокойно и корректно напомнил о предполагавшемся расщеплении личности спасателя. Последствия такого расщепления действительно могли быть катастрофическими, что и признал хирург скрепя сердце.

А на четырнадцатый день дежурства спейсер «Скиф» объявился в трехстах миллиардах километров от Угрюмой – светила Маата, защищенной хитроумным режимом «инкогнито» почти от всех способов обнаружения, кроме гравитационного. На «Стратеге» сыграли тревогу, и началась отработка императива «черный перехват», предписывающего каждому члену ЧП-вахты свой участок работы.

Место Мальгина было в десантной группе, подчиненной Шевчуку, и уже через полминуты он прибыл в зал десанта, облаченный в гермокостюм с компьютером сопровождения по имени Клаус. В ушах раздавались голоса переговаривающихся наблюдателей, пилотов спейсера, команды, указания координатору, его ответы и краткие реплики руководителя операции.

Десантников вместе с Мальгиным было семеро – четвертьюбойма (полная обойма насчитывала тридцать одного человека, полуобойма – пятнадцать), и едва они успели собраться, как последовал приказ занять места в десантном когге. Купол зала разошелся лепестками диафрагмы, в него просунулось глянцево-черное рыло посадочного автомата когга, выстрелило коробкой лифта. Спустя минуту Мальгин полулежал-полустоял лицом вниз под углом сорок пять градусов в мидель-захвате рубки когга, вслушиваясь в голоса, доносимые «спрутом» компьютерной связи. Перед ним возник объем видеопередачи, созданный прямой подачей сигналов в мозг, и Клим как бы висел в рубке спейсера с черным провалом Центрального виома над пультом ручного вириала.

«Стратег» шел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, и звезда в левом верхнем углу виома на глазах увеличивалась, превращалась в плотный раскаленный шар. В правом нижнем углу виома голубела горошина Маата, увеличиваясь в диаметре с такой же скоростью, что и Угрюмая. А по центру виома, перечеркнутый крестом визира, висел кособокий, словно созданный сумасшедшим скульптором, маатанский космотранспорт, в котором не было, с человеческой точки зрения, ничего похожего на космолет, способный преодолевать колоссальные межзвездные расстояния. Это был спейсер «Скиф», загримированный под маатанский корабль.

Переговоры пилотов, бортинженеров и координатора специфичны и немногословны, для непосвященного звучали бы сплошной абракадаброй, но Мальгин понимал их свободно, не требуя перевода, давно изучив по настоянию Ромашина профессиональные жаргоны космических служб человечества.

– Объект пошел в «косой лист», – говорил пилот драйвер-прима, что означало: «объект совершил маневр перехода из походной гиперболы в финиш-параболу с „перекручиванием“ координат».

– Скорость три и три, демпфирование ноль двенадцать, повторяю маневр в режиме половинного спрямления – хамаль сорок два градуса, – бубнил координатор.

– Боковые зэ-эс-эл плывут, после допуска семьдесят пять, – скороговоркой докладывал бортинженер, что на нормальном человеческом языке звучало бы как «границы створа захвата и слежения локаторов отрабатывают сверхскоростное маневрирование объекта на семьдесят пять процентов».

– Три минуты до цели. – Это снова координатор. – Размыв трассы ноль-ноль шесть, граничные параметры «свиста» сто децибел на один градус.

– Связь с объектом? – вклинился в разговор вопрос Шевчука.

– Отсутствует. Объект маневрирует в режиме «бегущий призрак», перехват возможен только с риском ПС (с риском прямого столкновения – перевел для себя Мальгин).

– Расстояние от объекта до планеты?

– Сорок мегаметров, время входа в атмосферу минута двадцать.

– Мы не успеваем выйти раньше?

– Пятьдесят на пятьдесят с риском ПС.

– Готовить силовой демпфер и контактное задерживание. На подходе с маневром перехвата нанести удар. Масса удара должна быть достаточной для выбивания «Скифа» с трассы

входа, защите – полную компенсацию ответа. Ни в коем случае не допустить прорыв объекта в атмосферу Маата!

– Принял!

– Я «ведомый», – раздался голос командира спейсера «Илья Муромец», идущего к планете с другой стороны системы. – Готов к прямому контакту с объектом. Задачи введены, предлагаю начать развертку «зонтика»...

Мальгин вдруг осознал, что, если захват «Скифа» станет возможным, его собьют! И успеет ли при этом Шаламов, гарантировать никто не сможет, потому что в дело пущены силы, не способные к избирательному разрушению: силовой удар нельзя «научить» разрушить спейсер, сохранив его пилота в целостности и сохранности.

«Стратег» был уже рядом с планетой, стремительно выраставшей в размерах, спейсер Шаламова появился в пределах прямой видимости и делал сумасшедшие прыжки, сбивающие постановщиков захвата цели; уже и координатор «Стратега» доложил, что к залпу готов, как вдруг Мальгин крикнул:

– Отставить силовое задержание!

– Это вы, Клим? – реагировал Шевчук. – Причина?

– Мы не имеем права...

– Ошибаетесь, у нас есть карт-бланш комиссии морали и этики ВКС. Мы не должны допустить такую мощную машину, как спейсер, с больным пилотом на чужую планету. Возможен инцидент.

– Карт-бланш на убийство?

– Вы с ума сошли! – Это голос Калины Лютого. – О каком убийстве речь? Шаламов должен быть задержан...

– И все же я требую прекратить гонку! Немедленно!

Двухсекундная тишина в эфире.

– Вы берете на себя ответственность за последствия?

– Да!

– Отбой! – Шевчук тоже был решительным человеком и этим приказом ответственность за случившееся брал и на себя. – Ведомой «двойке» – императив «змея»! Команде – свертка «шепотом», переход на гиперболу возвращения. Конец прямому эфиру.

Спейсер резко затормозил, Маат перестал расти в виоме – шарообразная глыба дымящегося не то камня, не то стекла. Рубиновые стрелки визира продолжали вести уходящий в атмосферу планеты спейсер Шаламова, пока он не исчез из виду. Наискось по темно-серому боку Маата скользнула искра зонда – Шевчук запустил наблюдателей, чтобы знать, что примет Шаламов после посадки.

– Вижу объекты АА, – доложил координатор.

С двух сторон к земному спейсеру спешили маатанские корабли – «сторожа» пространства. Молча. Они никогда не давали запросов и не требовали ответов, они действовали.

– Брэк! – скомандовал Шевчук.

Спейсер перешел в режим «суперструны», Маат исчез из поля зрения. Мальгин, обессиленный нервным напряжением, лежал в рубке десантного когга, закрыв глаза, и вспоминал, как ходил с Даниилом по грибы в брянских лесах и как Шаламов по-детски радовался, находя подосиновики или боровики...

Двое суток «Стратег» дежурил в системе Маата в состоянии повышенной готовности, с помощью разного рода ухищрений следя за действиями Шаламова на поверхности планеты.

«Скиф», превращенный аппаратурой «динго» в маатанский проникатель, сел в горах, на первый взгляд совершенно безжизненных. Атмосферные летательные аппараты маатан не обратили на него особого внимания, хотя и покружили над ним некоторое время. Затем от спейсера отделились кособокие «маатанские» планеры – Шаламов выпустил своих разведчи-

ков. Планеры вернулись через несколько часов, облетов Маат по замысловатым траекториям, но один из них остался висеть над «клиникой», где некогда находился спасенный Даниилом «черный человек».

Висел он сутки, а потом к нему подошли аппараты маатанских «сил безопасности», и Шаламову пришлось возвращать разведчика. Вернулся он в сопровождении «сторожей», могущих испугать своей формой кого угодно. Однако Шаламову удалось, очевидно, найти с ними общий язык и рассеять на время подозрения: аппараты улетели. Шаламов снова запустил зонды и к исходу вторых суток наверное узнал все, что хотел. На вызовы кодом по ТФ-связи, а также на прямые, открытым текстом с помощью лазерного луча, он не отвечал.

Ромашин за это время несколько раз появлялся на спейсере, но с Мальгиным не разговаривал, решая какие-то свои задачи с командиром ЧП-вахты. Клим замкнулся в себе и на вызовы Шевчука отвечал преимущественно односложными «да» и «нет». Он был готов к любым неожиданностям, неприятным объяснениям и даже к отстранению от участия в операции, но ум его оставался холоден, трезв и оценивал ситуацию логически точно.

Спустя еще двое суток «Скиф» выпустил более крупный аппарат, скорее всего десантный когг, а сам неторопливо пополз вверх, всплывая сквозь малопрозрачную для световых лучей толщу атмосферы Маата. Наблюдатели растерялись: определить, где именно находится Шаламов – на борту спейсера или в когге – было невозможно.

Ромашин созвал экстренный компьютерный совет: каждый работник вахты мог участвовать в нем, решая одновременно свои задачи на рабочем месте. Мальгин в этот момент дежурил в зале десанта.

– Он на «Скифе», – предположил Лютый. – Узнал, что его «друга» нет на планете, и понял, что делать ему там нечего.

– Я тоже так считаю, – сказал Шевчук. – Надо перехватывать спейсер. А если он остался?

– Насколько я понимаю, Шаламов болен, – вмешался шкипер «Стратега», – а человек с нарушенной психикой способен на любой нелогичный поступок.

– И все же его действия должны иметь логические предпосылки или хотя бы видимость логики. Есть такой термин – антилогика, ее варианты можно просчитать. Пусть Умник анализирует вероятности...

– Некогда. Ваше мнение, Клим? Вы знаете Даниила лучше.

Мальгин ждал этого вопроса и ответил без запинки:

– Он остался. Дан всегда отличался способностью к нестандартным решениям, потому и смог стать мастером-спасателем, равных которому я не встречал.

Ромашин думал несколько мгновений, был слышен только пульсирующий фон пси-связи.

– Что вы предлагаете?

– Мне надо идти за ним... пока он не... Я уже бывал на Маате и готов к любому повороту событий. А идти туда должен только один человек во избежание ненужного риска.

– Это невозможно!

– Единственный способ установить границы возможного – выйти за них. Решайте быстрее, он уйдет из-под контроля.

– Принимаю. – Ромашин понимал ситуацию не хуже. – Коггу десанта – на старт! Клим, в рубку, через минуту пробьем «струну» до Маата. В атмосфере вас поведут на луч целеуказания по данным наблюдателей, выйдете на цель – решайте самостоятельно, мы подстрахуем каждый ваш шаг. И еще один нюанс... Вполне вероятно, что вам придется задерживать Шаламова самостоятельно, так вот, в ваш скафандр вмонтирован «василиск». Инструкция по применению нужна?

– Нет, – сказал Мальгин: «василиском» – гипнотизатором направленного действия – он пользоваться умел, как и любой хирург.

– Отлично. Ни пуха вам...

– К черту!

– Остальным готовить перехват спейсера на тот случай, если Шаламов останется в нем.
Ведомые – старт!

Все совещание заняло немногим более тридцати секунд, «Скиф» успел лишь подняться над горами Маата, а выпущенный им когг, похожий внешне на уродливого безголового орлана, преодолел горную цепь и вышел к долине, где располагалась единственная на всю планету станция метро.

Мальгин очнулся от короткого беспамьяства – встряска нештатного «броска на струну» была довольно приличной, – когда когг уже шел в атмосфере по пеленгу зонда, ведущего наблюдение за машиной Шаламова.

В ушах раздавалась скороговорка обещанного Ромашиным десанта подстраховки и защиты:

– Вижу «гадюк», фронт сорок один градус – пять единиц, семьдесят три градуса – шесть единиц.

– Маневр влево с выпуском «динго».

– Вижу, пошел «сарыч».

– Первый, в тылу «носорог», включаю «музыку»...

– Синхронизация ответа – в диапазоне «агрессив», не давайте подойти на залповую дистанцию, уводите прочь, пустите «попугаев».

– Шестой, императив «цунами»! Дерутся, гады!..

– Принял...

– Смене два – перехват «драконов» на высоте сорок. Смене три – кильватерная расчистка. Дайте «карусель».

– Первый, контакт в наносекундном интервале – предел авто, ведомый отстал, поддержите «попугаями».

– Пятый, держать синхроконттакт во что бы то ни стало! Чем хотите, хоть голыми руками! «Попугаи» пошли.

– Принял... Попробую перейти на ПС³⁶ траектории...

Мальгин не знал, что его сопровождают три эшелона коггов, перекрывших доступ к машине в коридоре погони за Шаламовым всем маатанским аппаратам. Управлялись когги страхующего десанта асами погранслужбы, умеющими избегать конфликтов чуть ли не во всех диапазонах сложнейшей ситуации, поэтому маатане, ошарашенные внезапными отвлекающими действиями земных кораблей, внешне не отличавшихся от их аппаратов, не смогли помешать Мальгину догнать Шаламова и перехватить его когг.

А когда «птеродактиль» Шаламова вполз в перекрестие захвата следящей автоматики, Мальгин получил сообщение, что спейсер «Скиф» взорвался в десяти метрах от Маата, будучи атакованным маатанскими «сторожами». Перехватить его пограничникам не удалось, «черные люди» на этот раз действовали расторопней.

Сообщение не потрясло Мальгина, он просто не верил, что Шаламов находился на борту «Скифа»; едва ли спасатель позволил бы уничтожить спейсер погранслужбы, защищенный от большинства космических катаклизмов, и принять бессмысленную смерть. Вполне могло быть, что он сам запрограммировал взрыв спейсера, чтобы замести следы, и следовало идти по его предполагаемому пути до конца.

Когг Мальгина нагнал машину Шаламова в тот момент, когда та двинулась в глубь воздушного пространства долины, к видимому издали – в ультрафиолете, конечно, – строению,

³⁶ ПС – половинное спрямление: при локации в автоматическом режиме ведомый аппарат не копирует траекторию ведущего, а спрямляет свой путь; при половинном спрямлении вектор движения ведомого аппарата «упирается» не в ведущий аппарат (полное спрямление), а в середину оставшейся дистанции.

удивительно напоминавшему скелет земной радиолярии или колокольчатой диатомовой водоросли. Правда, размеры «водоросли» на много порядков превышали размеры ее земного аналога.

Мальгин, не раздумывая, направил машину вслед за «птеродактилем» Шаламова, увеличил скорость и включил передатчик, пытаясь связаться со спасателем. Координатор перешел на полное копирование эволюций впереди идущего аппарата, повторяя не только его маневры, но и сигналы.

Мелькнули внизу удивительные заросли блистающих хрусталем и серебром «стрекозиных крыльев», какие-то угрюмые, черно-багровые громады, похожие на вздувшиеся опухоли с рядами неровных дыр. «Скелет радиолярии» приблизился, и тут подал голос координатор когга:

– За нами погоня – три аппарата массой до трех килотонн, еще два опускаются сверху, масса около пяти мегатонн, энерговооруженность до ста Кларков. Надо возвращаться, подстрелка отстала.

– Вперед! – ответил Мальгин. Он знал, что примерно такую же энерговооруженность имеют и земные спейсеры, что намного превосходило возможности когга, но драка с чужими не входила в планы пилота. К тому же он верил в обещание Ромашина прийти на выручку в случае осложнений.

Когг-«птеродактиль» впереди круто спикировал к зданию маатанского метро, из него вынеслась черная соринка, и тотчас же когг превратился в язык бело-голубого пламени. Машина Мальгина подпрыгнула, некоторое время шла боком, потом с трудом выровнялась.

Он не знал причин взрыва, то ли когг взорвался сам, то ли по нему выстрелили охраняющие здание автоматы, и действовал, основываясь только на интуиции: резко затормозил, в темпе передал сообщение Ромашины и катапультировался из рубки в скафандре, не забыв включить «динго». Его когг взорвался в тот момент, когда он падал вслед за несшимся впереди пятном «черного человека». Инк скафандра работал с такой же быстротой, что и координатор когга, и прочно держал пятно беглеца в центре визирных меток оптического визирного устройства шлема. Таким образом, один за другим, в полусотне метров они и ворвались в раскрывшиеся лепестками неровные двери странного здания примерно на уровне третьего этажа. Но уже с первых метров путешествия по чужому зданию Мальгин вынужден был притормозить.

«Черный человек», за которым он гнался, бесследно исчез. Извилистый коридор, начинавшийся за входом в здание маатанского метро, дышал, как живой, его освещение пульсировало от багрового сумрака до пронзительной зелени, так что ориентироваться в нем было очень трудно. Углубившись в коридор метров на сто, Мальгин в нерешительности остановился. Навстречу изредка попадались летающие «доски» длиной до трех метров, но ни одного маатанина видно не было.

– Дан! – позвал Мальгин. – Даниил, отзовись! Какой смысл тебе прятаться? Давай поговорим.

И услышал вежливый ответ:

– Хомо, тот, кого ты назвал Даниилом, ушел.

Это был не голос – мысленный «шепот», его владелец показался Климу похожим на Ромашина: тот же тембр, та же учтивость, непробиваемое хладнокровие и способность понять мысль собеседника.

– Кто вы?

– В одном из приближенных значений – транспортная машина, аналог станции метро Галактики. Можете называть меня Хранителем Пути, если угодно. Можете не называть никак.

– Извините, я спешу... где ваш зал контроля и управления?

– Я не нуждаюсь в контроле и управлении.

– Но как вас найти? Где вы находитесь?

– Везде. Вы находитесь внутри меня.

Мальгин чертыхнулся в душе, сообразив, что допустил бестактность, но на переживания у него не было времени.

– Простите...

– Я не в обиде.

– Это верно, что вас сконструировали и установили по просьбе маатан орилоуны? – Вопрос был задан машинально, Мальгин вспомнил разговор с Ромашиным и не сдержал любопытства.

– Верно лишь отчасти. Собственно, я тоже один из орилоунов.

Мальгин снова смешался, не сразу придя в себя от изумления, только предупреждение осторожного Клауса вывело его из ступора.

– Простите, я не знал... не думал, что вы... голова забита другим. Сюда... в вас могут проникнуть маатане?

– Если я захочу.

– Понимаете, может быть, мы и превысили полномочия, но не нашли другого способа...

– Я знаю. Чем могу помочь?

– Я должен отыскать Даниила... Шаламова... он болен...

– Он вслед за «черным человеком» ушел в место, которое вы называете «серой дырой».

– Они оба там?!

– Да.

– Если можно, переместите и меня к ним.

– Точных координат их местоположения я не знаю, но могу соединить с моим коллегой, живущим на последнем Свидетеле.

– На ком?

– Вы назвали его Стражем Горловины, хотя это не искусственный объект. На самом деле это Свидетель.

– Живое существо?!

– И да и нет. Он действительно свидетель – рождения вашей Вселенной в частности. Итак, вы идете?

Мальгин очнулся.

– Да, благодарю.

Коридор, посередине которого висел Мальгин, превратился в ровную гладкую трубу, стенки ее засвистели мимо, и через несколько мгновений гость вылетел под купол циркообразного зала.

– Добрых дел, – пожелал Хранитель Пути.

– Погодите, – торопливо бросил Мальгин, – вы затронули очень интересную тему, можно, я потом вернусь? Поговорить с вами? Завтра... когда удастся.

– Завтра будет дуть завтрашний ветер. Это земная поговорка, хомо. Вряд ли вы вернетесь. Хочу предупредить: ваш друг Даниил действительно серьезно болен, будьте осторожны при встрече с ним. В нем живут две личности, две психики, отражающие два совершенно разных подхода к жизни и смерти.

– Спасибо, Хранитель, я учту.

– До встречи на Земле, хомо.

Мальгина окутал мрак, потом, спустя неизвестное время, в глаза брызнул призрачный свет.

Хирург висел, поддерживаемый антигравом, в центре сплюснутого помещения с закругленными углами и светящимися зернистыми стенами. В полу угрюмо чернела неровная дыра, густо затканная паутиной, – по первому впечатлению, в потолке начиналась широкая труба, проложенная сквозь толщу переплетений каких-то белых жил, полос и труб. Мальгин «на

цыпочках» пробрался сквозь трубу и выглянул в отверстие: перед глазами возвышался белоснежный пористый купол, венчающий громадное здание неопределенных форм, а внизу, на сколько хватает глаз, угрюмый вудволловый лес, освещенный сиянием Горловины...

Глава 3

Боль была странной и почти нестерпимой: начиналась где-то в одной точке грудной клетки и распространялась по всему телу, словно ударная волна от взрыва, пока не достигала кожи. Затем она втягивалась обратно в исходную точку, и все начиналось сначала. От пульсации к пульсации боль утихала, успокаивалась, но кожа «горела» долго, словно ошпаренная кипятком, и заканчивался цикл щекотным передергиванием мышц спины...

Шаламов очнулся, глубоко вздохнул и наконец кинул вокруг осмысленный взгляд. Пейзаж Стража Горловины, планеты-куба узнал сразу, но, хоть убей, не мог вспомнить, как здесь оказался. Потерял сознание он еще в спейсере, при подлете к Маату, и все случившееся потом напрочь выпало из памяти. Значит, пока в нем спал человек, работала вторая часть сознания, маатанская, и, как видно, справилась со своей задачей неплохо. Знать бы, что произошло на Маате, как он там действовал...

Шаламов оглядел себя: скафандр погранслужбы, как и положено, «динго» включен на создание облика «черного человека», все системы работают нормально... стоп! А инк скафандра? Он-то не отключался во время «сезона небытия» хозяина и все видел!

– Джордж, – позвал мысленно спасатель; киб-интеллект скафандра имел при рождении другое имя, но Шаламов упорно называл его Джорджем, отдавая своеобразную дань памяти погибшему «Кентавру».

– Готов к работе, – отозвался компьютер бесстрастно.

– Высвети мне события после моего отключения.

– Не понял, повторите. С какого момента времени?

Шаламов сообразил, что для Джорджа он сознания не терял, разве что изменилась манера управления скафандром. Значит, его сомнения подтверждаются: в периоды забытья телом управляет та часть мозга, которая удерживает маатанскую память. Итак, формула его существования такова, что сознание и оба вида памяти подчинены человеку, за исключением «черных кладов», а подсознание и маатанская память – сформировавшемуся «черному»... Можно натворить дел... если не подчинить себе до остатка мозг. Необходимо срочно попытаться «соединить» все ресурсы одному хозяину – ему, Шаламову.

– С какого времени дать запись? – повторил Джордж.

– С момента подхода к Маату.

– Даю запись.

Шаламов терпеливо выслушал скоростную запись происшедших за это время событий и в задумчивости прошелся по неровной поверхности какой-то плиты, венчавшей не то башню, не то колонну, пока не понял, что стоит на крыше одного из горловианских «храмов».

– Как я оказался на этом здании?..

Инк скафандра удивился, но задавать вопросы в духе своего хозяина запрограммирован не был.

– Вы просили Хранителя Пути отправить вас вслед за больным «черным человеком», и «струна» метро закончилась здесь, внутри здания.

– Этого следовало ожидать... я уже испытал однажды их систему мгновенного транспорта, правда, внутреннюю, но от внешней она, похоже, не отличается ничем. Значит, мой «черный приятель» тоже вышел здесь? Что ж, помаракуем, куда он мог отправиться, и двинемся искать. Никуда он отсюда не денется, если только не махнет куда-нибудь за пределы Горловины... что, кстати, вполне может стать.

Шаламов поднялся над «храмом», оглядел с километровой высоты панораму острова, заросшего вудволловым лесом, но на этот раз вид «развалин сгоревшего города» на него не слишком подействовал. Океан, окружавший остров, отвечивал медвяной желтизной, был пустынен и неподвижен, лишь у побережья он серебрился рябью мелких волн. Тишина и покой. Мертвая тишина и мертвый покой. И все же что-то здесь было не так, Шаламов мог поклясться, что пейзаж во время его первого пребывания на Страже был иным.

Озарение пришло, когда он обратил внимание на цвет неба – темно-розовый, вишневый на горизонте, а раньше он был гораздо светлее. Выходит, Горловина перестает излучать свет, а это значит, что Страж Горловины уже не сможет долго сдерживать схлопывание «серой дыры» в «струну», и времени до этого момента осталось не так уж и много. Еще чуть-чуть, и одна из последних оставшихся дверей в иные миры закроется, и соответственно маатане останутся совсем без присмотра...

Шаламов пожал плечами, пытаясь сориентироваться. Он уже решил, что будет делать дальше, «Черный человек» бежал в Горловину не ради ее красот, маатане меньше всего были романтиками в человеческом понимании, способными к эстетическому созерцанию гармонии чужих пейзажей, они признавали только собственные картины и собственное искусство, и целью маатанина была, конечно, сама «серая дыра» – и путь его туда. Однако, не имея проникателя, он вряд ли добьется цели, а значит, искать его надо где-то на Страже или на форпосте Границы... куда можно добраться и с любого острова, где есть скелеты Хранителей Пути. И Шаламов повернул к «храму», откуда только что вышел.

Первые две попытки выйти к форпосту привели спасателя на два астероида, расположенные один за другим в глубине Горловины. Это были, по сути, «автоматы поддержки оси», давно потерявшие свое значение; астероиды были окутаны текучим и тяжелым черным дымом толщиной в полметра, не желающим испаряться в космос и быстро оседающим после взбалтывания. «Дым» этот, конечно, дымом не был, вероятно, вблизи поверхности астероидов происходили какие-то полевые процессы, визуально наблюдаемые как дым, зато в результате свет он поглощал стопроцентно.

С третьей попытки использования «горловианского» метро Шаламов оказался на борту какого-то архисложного левиафана, описать форму которого не смог бы и профессиональный математик или кристаллограф. Любопытства это космическое чудо у Шаламова не вызвало, и он продолжал методично входить и выходить в туннель переброса, пока не очутился на острове планеты-куба, который по какой-то ассоциации показался ему тоже знакомым.

Поднявшись повыше, спасатель убедился, что остров – тот, который ему нужен (спутать с другим было невозможно); однако на том месте, где когда-то сел маатанский проникатель с «Кентавром» на горбу, угрюмо блеснул глазурию колоссальный провал строгой цилиндрической формы, достигавший в диаметре не менее трех километров и с уходящими примерно на такую же глубину стенами. Шаламов завис над его краем, молча вглядываясь в слоистые стены. Накатила волна боли, втянулась в голову, царапнула глазные яблоки. И сразу пришло ощущение, будто в голове проросла почка, лопнула бесшумно и безболезненно, и под черепной коробкой раздался темный, равнодушный, щекочущий голос:

– Терроморфа глубь...

Шаламову захотелось почесать под черепом, от необычной щекотки даже зубы заломило, такого он еще не испытывал.

– Джордж, переведи, что ты сказал.

– Не понял, уточните, что имеется в виду.

– Ну, эти слова: терроморфа глубь... или что-то в этом роде. Что они означают?

– Прошу прощения, я ничего не говорил и перевода слов не знаю. По ассоциативной связи речь может идти о проникновении в суть явления.

– Вряд ли. – Шаламов прислушался к себе. Снова внутри головы, во лбу начала «расти почка», лопнула, и тот же голос проскрипел:

– Терроморфа глубь – селективное трясение основ материи. – И добавил: – Здесь.

Шаламов нашарил ртом мундштук пищеблока и глотнул витаминизированного желе-концентрата. Он понял, что каким-то образом в нем пробился маатанин – сквозь изолирующие барьеры подсознания в сферу сознания – и подсказал ответ. «Спасибо» говорить было некому, разве что самому себе. Что ж, если он овладеет таким способом и закрытым маатанским знанием, «черным кладом», осевшим в глубинах психики, откроется и возможность прямого контакта с главным информарием Маата. Тогда и «черный» не понадобится с его «ключами». А пока надо идти к намеченной цели, искать этого придурка, на острове его нет. Возможно, он был, но задерживаться не стал, нет смысла. Что же здесь произошло? Кто «селективно» разнес на атомы разбитые корабли, применив «трясение основ материи», скорее всего – кварковый резонанс? И зачем?

– С юга приближаются объекты неизвестной природы, – вмешался вдруг Джордж в размышления хозяина. – Скорость шесть и два, время подхода две минуты двадцать две секунды. Мы в поле их радаров.

Шаламов бросил последний взгляд на провал, пробитый в породах острова, – на дне его блеснуло озерцо, – и стартовал к «храму», поражавшему со стороны своим идеальным замысловатым асимметричным узором. Все-таки было в этом строении что-то от геометрии живого организма, некий «биологический беспорядок», всегда отличающий живое от холодной симметрии мертвого кристалла. Кажется, пришло время заняться им вплотную, при первом знакомстве с планетой-кубом серьезно изучать «храмы» было некогда.

Уже на вершине здания Шаламов оглянулся. Объекты неизвестной природы приблизились настолько, что были видны невооруженным глазом: два летающих громадных «крокодила», с воем раздиравших воздух. Один был маатанским сторожем, второй – скорее всего замаскированным земным автоматом.

– Ну и драндулеты! – Шаламов, усмехаясь, качнул головой, помахал им рукой и нырнул в дыру одного из куполов, венчавших «храм».

Обычно дальше «зала метро» – полости с дырами входов в туннели мгновенного перемещения – он не заходил, теперь же надо было попытаться пройти в глубь «храма», посмотреть на его остальные залы и разобраться в системе архитектурного подхода. Но прогулки не получилось. Как только Шаламов нашел несветящееся отверстие, с виду – «затканное паутиной», к которому пол опускался неровной воронкой, и прыгнул в него, сработал обычный механизм метро: спасателя «разложили на атомы» и «собрали» уже в другом месте, за сотни тысяч километров от этого места.

– Граница перехода! – раздался внутри Шаламова чей-то безликий голос.

Прошло время, пока спасатель сообразил, что «говорили» на маатанском – фейерверк огня, но он понял фразу без перевода, словно всю жизнь говорил по-маатански – вспышками света.

– Повторите, – попросил он. – Что это значит?

– Граница перехода, – повторил неведомый собеседник. – Граница континуума. Мембрана. Обратный переход невозможен.

Шаламов хмыкнул, огляделся. «Труба». Впереди сужается и еле светится, сзади светится чуть сильнее. Проверить?

Выход из «трубы» оказался недалеко, в ста метрах. Шаламов выглянул из устья «трубы» и увидел расширяющийся в бесконечность световой конус, перегороденный «стеной» с дырами-ячейками; из одной такой дыры выглядывал спасатель. Вот, значит, какой на самом деле конец Горловины – «стена сыра»!..

– Неправильно, – угрюмо возразил кто-то внутри его.

– Почему неправильно? – удивился Шаламов, не обращая внимания, что спорит сам с собой. – Я же вижу!

– Это ложное видение, отражающее стереотипы геометрических представлений. На самом деле все выглядит иначе.

– Так что, я, по-твоему, вижу не то... что вижу?

– Для адекватного отражения необходим набор других органов чувств, у человека их нет.

– Понятно. Нет – так будут, попозже я займусь усовершенствованием. Что ж, посмотрим, что там дальше, за границей. – Шаламов спохватился. – С кем я говорю?

– Не понял вопроса, – отозвался Джордж.

Глотнув желе, Шаламов вернулся к исходной точке «трубы», откуда начинал знакомство с «границей перехода». Идти в глубь «трубы» не хотелось, но он себя пересилил.

Метров сто – если опираться на ощущения – «труба» шла идеально ровная и светлая, а потом начался самый настоящий лабиринт с пятнами какого-то лишайника на гладких, серо-белых, словно мраморных, стенах. Лабиринт вел сначала вперед, потом нырнул вниз, если судить по изменению ощущений, стал однообразно петлять и кружить, и, пока Шаламов следовал его изгибам, Джордж насчитал полсотни петель и столько же расширений коридора, запоминая на всякий случай дорогу назад. Он первым отметил нарастание пси-фона, Шаламов среагировал чуть позже и не количественно, а качественно: показалось вдруг, что он с ходу влетел в трясину заросшего ряской болота. Остановился. «Болото» исчезло, зато коридор впереди стал «дышать», стены его то сдвигались, то раздвигались, воздух сгустился, замерцал.

– Что это? – задал мысленный вопрос Шаламов.

– Рекомендую вернуться, – отозвался Джордж. – Кроме набора электромагнитных полей, отмечаю синусоидальные колебания пси-поля с нарастающим градиентом.

Шаламов напряг зрение и слух, но даже в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах не смог опуститься взором ниже нескольких десятков метров от уровня, на котором находился. Туннель продолжал складываться в петли (словно двенадцатиперстная кишка, пришлось на ум сравнение), а за его стенками простирался хаос: пустота стенок, перепонок, провалов и наборов плоскостей разного порядка сложности.

– Ничего не вижу. Метров на сорок опуститься можно, впереди чисто, а там посмотрим, спешить нам некуда.

Координатор скафандра промолчал. Он, как и хозяин, видел и чувствовал лишь то, что мог видеть и чувствовать с помощью датчиков, разработанных человеком и рассчитанных на диапазоны его органов чувств.

Шаламов тронулся с места, и чем дальше углублялся в недра загадочной «мембраны перехода» (видимо, это и есть тот самый «форпост Границы», о котором доложила «проросшая почка» маатанской памяти), тем сильнее на него влияли странные, неведь откуда взявшиеся перепады пси-поля. Галлюцинации стали приобретать вещественный, предметный характер, мозг уже не справлялся с ориентацией в пространстве и перестал различать, где фантом, а где реальное препятствие. Шаламов, вспотевший и злой, вынужден был остановиться перед развилкой: ход раздваивался на два одинаковых коридора, то расширяющихся, то суживающихся до размеров игольного ушка.

– Дальнейшее передвижение считаю нецелесообразным, – снова сказал Джордж. – Опасно!

– Черта с два! – огрызнулся Шаламов. – Непосредственной опасности не вижу, а с галлюцинациями мы как-нибудь разберемся. Помогай лучше, а не встревай с советами. На сколько метров мы уже опустились?

– Метров на двести... если ваше «опустились» соответствует истине. На самом деле мы могли пролететь всю Галактику.

– Не оstri, умник. Мое второе «я» молчит, значит, все идет нормально. Вперед!

Антиграв бросил скафандр с начинкой в одно из пульсирующих отверстий, и в тот же момент Шаламов услышал чей-то густой, «астматический» мысленный «шепот»:

– Остановись, хомо!

«Шепот» не принадлежал ни координатору, ни «внутреннему голосу», и все же Шаламов, машинально затормозив, окликнул инка:

– В чем дело, Джордж, снова твои штучки?

– Не понял, – сухо ответил координатор. – Что вы имеете в виду?

– Ты сказал «остановись»?

– Нет.

«Ясно, – подумал спасатель, – галлюцинации перешли и в звуковую форму. Хотел бы я знать, откуда внутри этой „мембраны“ пси-излучение. Может быть, в ней кто-то живет? Орилоун, например?»

Снова мимо поплыли стены туннеля, то вспыхивающие странными узорами, то передергивающиеся судорогой, то вспухающие волнами конвульсивных сокращений, расплывающиеся туманной пеленой или твердеющие до металлического звона. Но не успел путешественник пролететь и двух десятков метров, как снова послышался угрожающий «шепот»:

– Остановись, хомо!

– Кто говорит?! – еле сдерживаясь, воскликнул Шаламов, не ожидая ответа от «звуковой галлюцинации».

– Остановись, – последовал тот же совет. – Тебе не выдержать увеличения трансцендентности. Возвращайся.

– Ха-ха! – сказал Шаламов с веселой злостью. – Советчик нашелся! Скажи, кто ты, и я скажу, друг ты мне или нет.

– Друг. Еще немного, и ты никогда не вернешься...

– Вздор! Кто не рискует, тот не живет! А я живу!

– Похоже, риск для тебя – главное. А как же Купава?

– А вот ее не тронь, не советую! – Шаламов вынужден был остановиться; пот заливал глаза, вокруг началось светопреставление и не было видно, куда двигаться дальше. – Лучше подскажи, как мне пробиться по ту сторону границы, а то от моих «кладов» памяти что-то мало толку, жди – когда еще они проснутся.

– Рекомендую вернуться, – снова вмешался Джордж; его мысленный «голос» стал почему-то по-детски тонким, как писк.

– Заткнись! Я разнесу эту «мембрану» на куски, но пройду ее насквозь!

Еще несколько минут истекли в борьбе с изменившимся пространством и бунтующими чувствами. Искривленные, причудливые, необычные ощущения сбивали с толку, расщепляли «я» Шаламова, заставляли его напрягать все силы, чтобы хоть как-то ориентироваться внутри сошедшего с ума пространства. Не помогали ни приборы скафандра, ни транквилизаторы, ни аптечки, ни новые «нечеловеческие» способности. И снова человеку пришел на помощь дремлющий в нем «черный человек».

Шаламов почувствовал знакомую боль во всем теле, эта боль стянулась в одну точку в голове и лопнула с отчетливым хлопком. Световая феерия вокруг потускнела, извивающиеся стены перестали дергаться, танцующие тени застыли, хотя весь пейзаж продолжал вздрагивать и шататься, будто был вылеплен из единого куска желе или кто-то бил Шаламова по затылку. Пришло странное холодное успокоение, как бы поднявшись от ног до головы, вернулась небывалая ранее острота зрения. Шаламов понял, что висит над краем обрыва, за которым распадается колоссальный провал неизвестных размеров, заполненный пульсирующим мраком. В этом мраке плыли вереницы огней в форме спиралей, туманных облаков и звезд, мелькали жуткие тени, вспыхивали зарницы, взрывались хрустально-прозрачные шары, истекая струями искр, перемещались и разбегались огромные объемы не видимой, а ощущаемой материи... Это

был иной мир, иная вселенная, и Шаламов все смотрел, смотрел, смотрел, замороженный, пока внутри не раздался знакомый «астматический шепот»:

– Ты очень сильный, но и твои силы кончаются. Обрыв – это предел трансцендентности трехмерного континуума, за ним – иной вакуум, иные формы материи. Возвращайся, ты и так прошел путь, не доступный никому из людей. Когда-то эта линия – «серая дыра», как вы ее называете, или «суперструна» – была совершенно прозрачной, а теперь она почти заросла и превратилась в мембрану. Возвращайся.

– Нет! – решительно возразил Шаламов, собираясь «шагнуть с обрыва», понимая, что это вовсе не обрыв, а его представление об этом месте, отражение неизведанных пространств, ограниченных человеческими чувствами. – Я не прошел всего, чего хотел, и остановить меня ты не сможешь, кто бы ты ни был.

– Тогда посмотри налево.

Шаламов невольно повернул голову и увидел слева от себя, совсем недалеко, неподвижную глыбу маатанина, «застрявшую» в нагромождении камней. Мгновение смотрел на нее, не веря глазам, но что-то лопнуло внутри с тонким стеклянным звоном, и на нервную систему спасателя обрушился штормовой прибой расстроенных чувств, ломая волю, умение трезво мыслить и правильно оценивать происходящее.

Шаламов сопротивлялся психологическому давлению извне самозабвенно и яростно, но уже через минуту понял, что «астматик», внушавший неизбежность отступления, прав и что еще немного – и спасатель сойдет с ума! И, хотя вся его натура восставала против совета неизвестного советчика-благотелья, надо было отступать, спасти маатанина и себя. Шаламов был уверен, что перед ним тот самый «черный человек», за которым он гнался с Маата.

– Но я вернусь! – пригрозил Даниил неизвестно кому.

Он не помнил, как пробирался по «живым» туннелям «мембраны», поднимаясь из преисподней наверх, сквозь бесшумный ураган пси-излучения, выворачивающий наизнанку все чувства до глубин души, но позволил себе потерять сознание, лишь когда убедился, что миновал опасную зону, грозившую полным распадом личности. Бросив взгляд на тушу маатанина, следующую в кильватере на тонком реп-шнуре, Шаламов улыбнулся, удовлетворенный, и рухнул в грохочущую багровую пропасть беспамятства.

Глава 4

Мальгин, как и Шаламов, тоже догадался, что может воспользоваться «внутригорловианским» метро – только так можно было обрести шанс и наткнуться на беглеца. Конечно, хирург не удержался от прогулки по острову, с трепетом взирая на исполинские стены вудволлов, этого чуда Стража Горловины, теплокровных полурастений-полуживотных, но Клаус, не имевший человеческих слабостей, напомнил ему о невыполненном задании, присовокупив предупреждение о возможных наблюдателях маатан.

– Засекут нас здесь – костей не соберем!

– Не пугай, – буркнул Мальгин. – В Горловине должны быть и наши наблюдатели, в случае чего придут на помощь.

Ему повезло. Уже со второй попытки он попал на остров, где когда-то совершили вынужденную посадку изуродованные, вросшие друг в друга маатанский проникатель и земной спасательный шлюп. Мальгин сразу узнал глубокую дыру в центре острова, пробитую маатанским «сторожем» Горловины, когда тот уничтожил космолеты. Клим поднялся над «храмом», из башни которого только что выбрался, и не успел как следует осмотреться, как оказался в гуще событий.

К «храму» со стороны океана мчались два маатанских «крокодила», еще один аппарат – сложное сплетение серебристых колец, решеток и спиралей – падал сверху. Первый «кроко-

дил» с расстояния в триста-четыре метра метнул вдруг в замешкавшегося Мальгина дымный рукав, внутри которого, как в трубе, просверкнул огненный пунтир. Клим спас координатор скафандра, без предупреждения хозяина – не было времени – рванувшего изо всех сил в сторону, так что хирург на мгновение потерял сознание от удара ускорения.

А затем произошло неожиданное: второй «крокодил» прыгнул вперед и столкнулся со своим напарником, отчего следующий выстрел маатанского автомата пришелся по «храму», испарив в нем часть невероятно изогнутой крыши. Что-то сверкнуло внутри столкнувшихся «крокодилов», оба нырнули вниз, кувыряясь, один из них стал разваливаться на огненные лохмотья и дымящиеся куски.

– Берегись! – предупредил Клаус. – Еще один над нами.

– Вижу, – хладнокровно отозвался Мальгин, облизывая соленую от крови верхнюю губу; от удара у него носом пошла кровь. – Быстро в здание!

– Я только что заметил странную фигуру, как раз перед тем, как на нас напали. Похоже, это были два «черных человека»...

– Где?!

– У той угловой башни с дырами, слева по борту.

– Это Даниил, больше некому. Ходу к башне, быстрее!

Скорость подскочила до ста километров в час, и оставшееся расстояние Мальгин преодолел буквально за несколько секунд, но, как ни спешил, серебристая многоэтажная машина успела опуститься к «храму» раньше. Клим вынужден был затормозить. Ему показалось, что изнутри чужой непонятной машины на него смотрят десятки пар глаз, и только он успел подумывать об этом, как спирали, кольца и решетки внутри диковинной конструкции пришли в движение, размазались, расплылись дымом, а на их месте действительно проступили... десятки человеческих глаз!

– Что за дьяволыщина?! – Ошеломленный Мальгин не поверил собственным глазам. – Клаус, ты тоже их видишь или мне все это пригрезилось?

– Вижу только одного, он возвращается. – Координатор не понял вопроса, он следил за обстановкой вокруг и увидел одного из уцелевших «крокодилов».

– Я о глазах. Ты что, в самом деле не видишь?

– Вижу впереди чужой автомат сложной структуры, излучающий мощный пси-фон.

– Ах, так вон оно в чем дело, пси-наводки... – Мальгин кинул взгляд назад: «крокодил» угрожающе приближался. Размышлять – «добрый» это автомат или нет – было некогда.

– «Универсал» к бою! Ныряем под эту... этот геометрический ребус с глазами, а попытаемся помешать – стреляем. Не лучом – по площади, для острастки. Не внемлет – откроем огонь на поражение.

– Понял.

Мальгин выписал аккуратную синусоиду в воздухе, сначала вниз, под «глазастую» конструкцию – она никак не реагировала на этот маневр, только глаза повернулись вслед человеку, – потом вверх, и вышел точно под башней со множеством отверстий, в которой, по утверждению Клауса, скрылись два «черных человека». Уже влетая в одно из отверстий, Клим оглянулся.

Упакованные в прозрачный пузырь внутри обрамленной серебристыми кольцами машины глаза, совершенно живые, человеческие глаза, мигающие по очереди (!), смотрели ему вслед.

– Клим, – послышался чей-то далекий голос, и наступила тишина – Мальгин оказался в башенке «храма», стенки которой не пропускали радиоволн. Он сразу угадал вход в туннель, где мог скрыться «черный человек», и, направляясь к нему, не удержался от вопроса:

– Ты слышал?

– Что именно? – отозвался Клаус.

– Меня кто-то окликнул...

– Нет.

Накатила волна глухой досады.

– Что-то глуховат ты у меня, братец, да и подслеповат к тому же... Неужели так и не разглядел глаза внутри того прозрачного монстра?

– Нет, – ответил координатор бесстрастно.

Как и Шаламов до него, Мальгин вышел из туннеля «храмового» метро в том же месте, внутри последнего форпоста Границы «серой дыры», хотя и не знал этого. Ему показалось, что он блуждает по лабиринтам необычного объекта, постепенно опускаясь в его недра, на самом же деле путь Мальгина был гораздо длиннее, хотя он и не мог быть измерен линейными мерами, в километрах или парсеках.

«Черные люди», в которых Мальгин, как ему казалось, угадывал Шаламова и его «приятеля», мелькнули и пропали, не оставив и следа своего пребывания в петляющих коридорах, то ярко освещенных, то темных или заполненных редким цветным туманом, затрудняющим тем не менее ориентацию. Мальгин все еще вспоминал встречу с неизвестным летающим объектом, битком набитым «глазами», но уже склонялся к мысли, что глаза ему пригрезились. Очевидно, давление пси-фона вблизи чужого аппарата было таким сильным, что вызвало наведенную галлюцинацию, ассоциирующуюся с похожими на человеческие мигающими глазами. Внутри аппарата кто-то был, внимательно наблюдавший за событиями, но не желающий вмешиваться, что и уловило подсознание Мальгина.

Устав, Клим съел два кубика интергропищи, по вкусу напоминающей жареное мясо, запил витаминизированным желе. Кровь веселее побежала по жилам, мышцы обрели былую силу, однако голова оставалась тяжелой, как после бессменного суточного дежурства.

«Странное ощущение, – подумал Мальгин, прислушиваясь к себе. – Будто застряло что-то во лбу и мешает двигаться... результат усталости? Не похоже. Я не мог устать до такой степени, да и стимуляторы должны были сработать...»

– Вероятно, это следствие действия повышенного пси-фона, – предположил Клаус.

– Что?! И здесь повышен пси-фон?

– Ощуцаю качественно, количественные оценки дать не могу из-за невозможности замера параметров поля, его диапазон лежит далеко в стороне от полосы чувствительности датчиков.

– То есть ты хочешь сказать, что этот пси-фон далек от нормального гуманоидного?

– Совершенно верно. Источник излучения где-то внизу, в глубине здания... если только это здание, что весьма спорно.

– Тогда идем вниз.

– Есть ли смысл? *Ubi nihil – nihil*.³⁷ «Черный человек» давно покинул здание, ему здесь просто нечего делать.

– Ты не знаешь Даниила, он наверняка пойдет вниз, а тем более в таком возбужденном состоянии... Готовься к медблокаде, чувствую, будет мне худо. Но проверить этот ход необходимо.

Мальгин двинулся вперед, сосредоточив волю и желание на достижении одной цели: поиске Шаламова. Все остальное, в том числе собственные переживания и физическое состояние, было несущественным.

По мере того как он опускался с «этажа на этаж», психологическое давление на мозг усиливалось, Клим пережил те же ощущения, что и Шаламов до него, только возможности адаптации и сопротивления внешним пси-ударам у Мальгина были скромнее. Вскоре он перестал

³⁷ Где нет ничего, там нет ничего (лат.).

отличать реальные предметы от галлюциногенных призраков, натуральные стены коридоров от стен, сооруженных взбунтовавшейся фантазией, и только трезвая оценка координатора кое-как спасала положение. Мальгину грезились готовые к прыжку хищники, сочетавшие в себе злобную силу земных тигров-людоедов и мрачную таинственность «черных людей», чудились засады, руки, сжимавшие оружие, уродливые фигуры джинов и дивов, демонов и чертей с трезубцами, направленными ему то в грудь, то в спину; но как бы ни был он дезориентирован и сбит с толку, стрелять по «нападавшим джиннам» не стал, удержался, каждый раз срабатывала глубинная «блокировка» морали, закалка воспитываемой веками этики, основанная на заповеди «не убий» и опиравшаяся на тренированное самообладание. «Меч» оставался в «ножнах», хотя меч у Клима, многодиапазонный излучатель «универсал» с автоматической наводкой на цель и мысленным спуском, был гораздо более мощным оружием.

Опустившись еще на сто метров ниже прежнего уровня – таково было впечатление, подкрепленное измерениями датчиков, – временами полностью теряя ориентацию, от оглушительного «шума» забывая о смысле своих блужданий, с трудом удерживаясь на зыбкой грани беспамятства, Мальгин вынужден был констатировать, что глубже ему не пройти. Хорошей защиты от пси-излучения у него не было. К зрительным добавились и звуковые галлюцинации: кто-то звал его, предупреждал, вещал философские истины, смеялся и плакал, говорил головами Купавы и Ромашина. Однако Мальгин отреагировал на все эти «голоса» лишь дважды: первый раз – когда с ним заговорил Ромашин, и второй – когда послышался голос Шаламова.

– Дан, это ты? – прохрипел Мальгин.

– Я то, что было, есть и будет, – ответил «собеседник», – никто из смертных не приподымал моего покрывала.³⁸

Мальгин сразу потерял интерес к голосу – едва понял, что говорил сам с собой. Но когда «Шаламов» послышался второй раз, Клим не выдержал, вступил в диалог:

– Где ты, Дан? Отзовись!

– Клим, дальше тебе ходу нет, возвращайся.

– Где ты? – крикнул Мальгин, невольно напрягая зрение и слух, но видел вокруг лишь танцующих огненных чудовищ, а в ушах звучал рев «диких слонов», «грохот взрывов» и «адский вой урагана».

Шаламов не ответил.

И Мальгин двинулся в прежнем направлении. Он обнаружил Даниила случайно, буквально наткнувшись на две черные фигуры, причудливо искаженные искривленной линзой сознания, но все же материально ощутимые, твердые. Мальгин не смог определить, кто из них Шаламов в образе маатанина, а кто галлюцинация, иллюзорный двойник, поэтому хирург, ощутив первую фигуру и убедившись, что перед ним, похоже, человек в скафандре типа «отшельник», принятовил находку к своему скафандру с помощью прочного линя и приказал Клаусу включить «аллур три креста». Координатор, тоже наполовину оглохший и ослепший, память все же сохранил и рванул назад из адского места, стены которого, казалось, вот-вот сомкнутся и раздавят непрошенных гостей.

Очнулся Мальгин в просторном гроте с неровным полом и низким потолком, украшенном пятнами светящейся изморози. Огляделся. В кильватере за ним одна за другой смиренно следовали две черные глыбы, два маатанина.

– Кажется, у меня начался бред, – сказал он сам себе спокойно, жадно глотая витаминизированную смесь. – Я почему-то вижу двух «черных людей». Чур меня?

– Я тоже, – ответил Клаус не без иронии.

Мальгин поперхнулся, с минуту смотрел на неподвижные фигуры, постепенно приходя в себя, потом наконец вспомнил:

³⁸ Надпись на храме Изиды в Саисе (Египет).

– Их и должно быть двое, ты же сам говорил, что видел двоих. Даниил нашел-таки своего визави, того самого, своего крестника, которого спас. Надо же, как повезло, ай да мы!.. Кстати, как долго я был без сознания?

– Час одиннадцать минут. По моим подсчетам мы где-то недалеко от... – Клаус замялся. – Я потерял ориентацию. Здесь мы не проходили.

– Немудрено в такой свистопляске... Поехали наверх... или куда там еще, вылезем – сообразим, что делать дальше.

Связка из трех одинаковых с виду фигур, две из которых были созданы голографической аппаратурой земных скафандров, медленно поползла вдоль грота к выходу, потом по коридорам из «пещеры в пещеру»; менялись диаметры и длины коридоров, размеры залов, их стены постепенно светлели, наливались молочным свечением, в них появились прозрачные прожилки, словно пласты хрусталя, и, наконец, впереди засияло отверстие выхода. Мальгин инстинктивно замедлил движение, ему стало не по себе: выходил он явно не там, где когда-то начал погоню за Шаламовым. В тревоге сжалось сердце.

Выход приблизился, в глаза брызнуло ярким белым светом. Стиснув зубы, Мальгин одним прыжком преодолел последние метры пути и вылетел наружу. И не поверил глазам.

Ландшафт кругом был не похож на окрестности Стража Горловины, и вылетел хирург не из «храма» – из сверкающей алмазными просверками ледяной горы. Гора имела плоскую вершину, усеянную множеством ниш, и курилась паром. Стояла она в ущелье с отвесными, синими с голубым стенами, поднимавшимися на колоссальную высоту и тающими в голубой прозрачности неба. Светила видно не было, и все же освещен этот мир был как в яркий солнечный день на Земле. Казалось, что светится сам воздух.

В серо-синей почве ущелья были разбрызганы вкрапления черных пятен и заросли «настоящего» бамбукового леса, удивительно ровного, как щетка: каждое «дерево» представляло собой совершенно прямой членистый прут высотой до ста метров, черный у основания и краснеющий к вершине. В разных местах ущелья, уходящего влево до горизонта и поворачивающего справа, виднелись «ледяные горы», такие же, как и те, из которых выбрался Мальгин: неровные параллелепипеды в невероятно сложном узоре ниш и рытвин, красивые, гармоничные, эстетически совершенные, создающие впечатление небывалой легкости и стройности, несмотря на неуклюжую форму и размеры.

– Поздравляю, – раздался в ушах чей-то голос.

Зачарованный Мальгин медленно повернулся.

– Привет, Клим, – снова прозвучал голос. – Поздравляю с прибытием в Орилоух. Ты все же нашел меня, старик. Зачем?

Мальгин вспомнил о «василиске» как о постыдной тайне, в пересохшем горле пискнул задавленный волнением вопрос: «Кто ты?» Вместо этого он хрипло проговорил:

– Ты напрасно сбежал из клиники, Дан. Многие беспокоятся, что ты можешь... понимать, может быть, даже неосознанно...

– Ясно, не продолжай. Кто именно беспокоится? Безопасность? Ромашин?

– Не только.

Шаламов рассмеялся. У Мальгина похолодела спина от этого смеха, лишённого эмоций, ровного и холодного, как снежное поле.

– Купава, что ли? Допускаю. А ты, видать, до сих пор не остыл, Климушка, и не забыл... и не простил, а?

– Дурак ты! – непроизвольно вырвалось у Мальгина первое, что пришло в голову.

– Может быть, – с неожиданной легкостью согласился Шаламов. – Что есть, то есть. Хотя я почему-то всегда был уверен в обратном. Да и Купава не ушла бы к дураку. – Тот же холодный смех.

«Тогда был дурак я, – подумал Мальгин с тоской, блокируя выход пси-передатчика на антенну связи. – Если бы мне дали возможность, я бы каждый свой шаг прошел не так... и не было бы этой встречи...»

– Где Купава? – спросил спасатель. – Дома я ее не нашел.

– Не знаю, – соврал Мальгин с пугающей простотой.

– Знаешь, – твердо сказал Шаламов. – Знаешь, мастер. Не хочешь говорить – не надо, узнаю сам. Что же мне с тобой делать? Ты мне будешь мешать.

– Давай вернемся, Дан. Без твоего согласия ни о какой операции речи быть не может, обещаю, хотя ты и...

– Договаривай.

– Ты болен, Дан, болен чужим знанием и прекрасно понимаешь это. Прошу тебя, давай вернемся, тебя ждут. Купава тоже.

– Откуда сведения? Вернуться я успею. Лучше скажи, что мне с тобой делать. Ты же добровольно не отстанешь...

– Не успеешь, Дан. Я имею в виду, что чем позже ты вернешься, тем дальше зайдет процесс...

– Ну-ну... Интересно.

– Не торопи меня и не страшай, я давно преодолел границы страха. Ты и сам знаешь, что в тебе идет процесс перестройки психики. Кем ты станешь, Дан, когда он закончится?

– А тебе что за забота? Подумал бы лучше о себе.

У Мальгина вдруг возникло ощущение, что внутри Шаламова шевельнулся дракон, поднял голову и посмотрел на него ледяным взглядом.

Глава 5

Ромашин сорвал с головы эмкан и посмотрел на осоловелою Шевчука.

– Прошел?

– А дьявол его знает! Стопроцентной гарантии нет, но он в станции. Думаю, конфликтная ситуация внутри маатанского метро исключена, «черные люди» не самоубийцы, чтобы пытаться силой остановить гостя с такой энерговооруженностью, как Мальгин.

– И все же...

– Отбой прикрытие! – скомандовал Шевчук и тоже снял эмкан.

Пока отрабатывалась процедура свертки операции, возврата эшелонов, подстраховывающих поход Мальгина к станции маатанского метро, руководители операции молчали и вздохнули с облегчением лишь после того, как все аппараты десанта, кроме телезондов, покинули атмосферу планеты и вообще пространство системы. Но не успел Ромашин вызвать начальников служб и руководителей отрядов, как на спейсер пришел кодированный видеовывод. Развернувшийся виом кодовой связи отразил экспедиционный зал станции «Эдип-2», центральной резиденции комиссии по контактам в системе Маата.

– Что вы самовольничаете, Ромашин? – сказал из виома прозрачноглазый, седой, вечно чем-то опечаленный Уильям Уэрт, начальник экспедиции и он же заместитель председателя ВКС. – Мы только что получили ноту маатан: в течение часа покинуть систему во избежание «недоразумений». Что произошло? Почему ваши технари сидят на Маате?

– Уже не сидят, – вздохнул Ромашин. – Мы вынуждены были развернуть императив по пункту «срам». Кстати, мы вас предупреждали, что могут быть осложнения.

– Вы практически сорвали начавшийся было единственный возможный вариант неформального контакта с «черными людьми». Понимаете? Неужели не могли обойтись без этих ваших императивов?

– Не могли, – ровным голосом ответил Ромашин. – Альтернативных решений много, а верное, отвечающее оптимальным расчетам, одно. Но кто может без колебаний оперативно принять его в условиях дефицита времени? Уверен, что мы действовали правильно.

– Какова «размазка» вероятности?

– Эфналитики дали семьдесят семь³⁹ – достаточно для проведения любой операции.

– И все же ваши действия можно квалифицировать как намеренный срыв работы комиссии. Вы не можете не знать, что контактные отношения цивилизаций – это не только научные и культурные связи, но и все виды взаимодействия – от экономических, идеологических до политических и дипломатических, и если сорвать дипломатические...

– Я понимаю, – сказал Ромашин.

– Вряд ли, – отрезал Уэрт. – Иначе обеспечили бы себе квалитет ответственности.

– Председатель СЭКОНа предупрежден.

– Он должен был присутствовать на борту спейсера во время проведения вашей операции, вы же не мальчик, Ромашин. Я тоже не поборник официальных инструкций, но не в таком же деле. Единоличные решения операций столь крупного масштаба неправомерны и преступны, даже если они рассчитаны с дальним прицелом и намерения их благие. Чем вы замотивируете свои действия?

– С Земли в систему Маата бежал из Института нейропроблем Даниил Шаламов, находившийся на излечении с диагнозом...

– Я слышал, – кивнул Уэрт, в чертах которого было что-то от грустного бульдога. – Синдром «черного человека», так это, кажется, называется? Ну и из-за чего вы всполошились?

Ромашин помолчал, покосился на каменно застывшего Шевчука.

– Он... не всегда способен контролировать свои поступки. Более того, прогноз его будущей психической деятельности неблагоприятен настолько, что... вероятно даже полное раздвоение личности, а при его возможностях это может повлечь непредсказуемые тяжелые последствия. Его надо остановить и вернуть.

– Он что же – супермен-киборг?

– Ирония здесь неуместна. О его возможностях говорит уже тот факт, что против него работал весь технический и оперативный потенциал отдела и погранслужбы, а он все равно ушел!

Теперь замолчал председатель комиссии, грустно опустили уголки его губ; казалось, он вот-вот готов заплакать. Голос его стал тихим:

– Еще раз убеждаюсь, что древние философы знали жизнь не хуже нас, овладевших космосом. По закону Джилба любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна. Мы просто не в состоянии всего предугадать в силу несовершенства логического аппарата, в силу психологического несовершенства, а может быть, и биологии. До связи на Земле, камрады.

– Все же попытайтесь объяснить маатанам, в чем дело, – попросил Ромашин. – По сути, мы пытались обезопасить в первую очередь не себя, а их.

Уэрт не ответил.

Биом свернулся в нить и погас.

Ромашин и Шевчук смотрели на глазок проектора, словно ждали, что он вспыхнет вновь и Уэрт весело прокричит: «Все в порядке, камрады, маатане все поняли и передают всем привет!»

– Если бы мы еще были уверены, что Мальгин отыщет беглеца... – произнес Шевчук. Ромашин встрепенулся.

³⁹ Имеется в виду, что вектор правильного выбора операции рассчитывается аналитиками заранее, и, если вероятность правильного выбора превышает семьдесят процентов, вариант принимается.

– Не стоит думать о потерянных возможностях. Временная неудача лучше временной победы. Если у Мальгина все получится, как он задумал, и удастся выплыть вслед за Шаламовым или в Горловине, или на Орилоухе, это рационально. Что говорят наблюдатели?

– Молчат. Может быть, все же потревожим СЭЖОН еще раз, объясним ситуацию? Пусть кто-нибудь прибудет для соблюдения квалитета.

– Поздно, – сухо сказал Ромашин. – Мы в цейтноте, и думать, как действовать, поздно, надо действовать. Зонды на Маате уцелели?

– Все пять, передачи вполне чисты... пока.

– В таком случае уходим в Горловину, здесь останется Лютый с обоймой прикрытия. Гони вызов на «Конунг».

Шевчук замешкался.

– В чем дело? – моментально отреагировал Ромашин, от внимания которого не ускользала ни одна мелочь.

– Есть сообщение с Земли, но я не знаю, настолько ли оно важно, чтобы заниматься им сейчас.

– Короче и по существу.

– Некто Марсель Гзаронваль самовольно, без подготовки и уведомления соответствующих служб, попытался пройти третий полигон.

– «Ад-3»? Он что, сумасшедший? Что с ним?

– Сняли с трассы в состоянии грогги.

– В каком месте?

– В зоне информационно-топологической развертки.

– Для непосвященного он еще легко отделался. Кто он профессионально?

– Спасатель из группы курьеров Жостова.

– Что?! Ты понимаешь, о чем речь? Шаламов тоже из группы Жостова и, возможно, встречался с этим Гзаронвалем. Немедленно проверить и сообщить!

– Проверяется, – сказал Шевчук без тени самодовольства, он был умен и надежен как скала.

На борту спейсера «Конунг», которым командовал Хольгер Сваллинг, похожий на Шевчука как родной брат, Ромашина ждало сообщение об инциденте на острове Спасения, как его окрестили наблюдатели, где некогда произвел посадку верхом на маатанском корабле шаламовский «Кентавр».

Наблюдатели заметили Шаламова одновременно с маатанским «сторожем» и вынуждены были на своем когте, замаскированном под аппарат «черных людей», предпринять марш-бросок к «храму» вслед за маатанином. Они же смогли помешать «сторожу» в тот момент, когда тот пытался напасть на появившегося в поле зрения «черного человека», не сразу распознав под его видеокамуфляжем скафандр Мальгина. А когда наблюдатели, уничтожив «сторожа», достигли «храма», Мальгин уже проник в здание, не ответив на прямой вызов.

– Так. – Ромашин думал несколько мгновений, просматривая некоторые фрагменты записи еще раз, сел за пульт оперативного выхода. – И вы его, конечно, упустили.

Сваллинг, флегматичный и корректный, сел рядом.

– Не совсем так. Мальгин, как и Шаламов, проник в артефакт... извините, вы еще не знаете изменений в терминологии. Паучниками исследовательской дружины с некоторыми оговорками доказано, что все эти «храмы», «башни», «здания» и прочие «постройки» не что иное, как скелеты живых существ.

– С гипотезой я знаком, что за оговорки?

– Похоже, это не совсем скелеты, вернее, по внешнему виду – да, именно скелеты, а внутри у них как будто еще тлеет жизнь. Странная, судя по всему, жизнь.

– А из чего видно, что «храмы» – это все-таки скелеты?

– Машинный анализ показал, что все их пропорции от больших до малых подчиняются закону золотого вурфа,⁴⁰ как и все живое. Кстати, артефакты, как мы тут их называем, очень сильно «фонят» в пси-диапазоне. Жуть берет, как подумаешь, что это останки живых существ, строителей Стража Горловины, со встроенными в них механизмами мгновенного – «струнного»! – транспорта. Хотя кто знает, может, это и не останки вовсе.

– Паучники считают, что они погибли? Или умерли от старости?

– Скорее всего вымерли, но по этому поводу, да и по другим тоже, идут жаркие споры.

– Но ведь многие, если не все, архитектурные сооружения на Земле также построены с учетом канона пропорций, в том числе и с учетом золотого вурфа, золотого сечения, иконографических норм. Даже древние зодчие тысячи лет назад знали эти законы и создавали потрясающие по красоте архитектурные комплексы, храмы, соборы, церкви. Разве не так?..

– Вы правы, но ни одно сооружение на Земле, какой бы сложности оно ни было, не построено еще и по закону фрактального кластера, это прерогатива только живой природы. Для создания эстетического эффекта человеку этот закон не понадобился, хватило законов более общих.

– Хорошо, оставим эту тему, пусть ею занимаются паучники и другие компетентные службы. Вы не ответили на вопрос, где Мальгин.

– Он в артефакте, имеющем, кстати, несколько прямых выходов на «струну» мембранного типа, а «струны» здесь соединяются наподобие сети метро, уходящей в глубь Горловины вплоть до объекта, который мы назвали форпостом Границы. Возможно, есть выходы и на межзвездные «струны».

– «Храм»... артефакт обследован? Куда делись Шаламов и Мальгин? Ушли по «струнной» сети в Горловину? Прячутся в глубине здания?

– Если ушли, то найти их практически невозможно, они могут появиться где угодно, в любой точке Горловины, а само здание еще исследуется. Что касается форпоста Границы, то автоматы из его глубин не возвращаются, а люди... глубже двух сотен метров от уровня входа, если судить по датчикам, пройти не удастся, пси-фон возрастает до величин, расстраивающих нервную систему до сильнейших фантомных болей и галлюцинаций. Мы едва не потеряли двух разведчиков... Шаламов и Мальгин исчезли.

Ромашин молча натянул эмкан «спрута», включаясь в интегративную систему связи оперативной группы в Горловине, вылушивая из памяти базового компьютера те сведения, которыми располагал банк оперативных данных по «серой дыре».

С момента открытия «серой дыры» Шаламовым и его спасения ситуация в Горловине изменилась. Доказав с необходимой и достаточной достоверностью приоритет открытия «серой дыры» за двумя представителями разных цивилизаций одновременно – человеческой и маатанской (хотя социологи и ксенопсихологи отдавали предпочтение землянам «по очкам», потому что Шаламов пришел в себя раньше и обнаружил Стража Горловины), – люди с многократным дублированием передавали свои доказательства на Маат, а так как ответа не последовало, сочли возможным действовать по своему усмотрению.

Маяк маатан, вопивший на весь космос: «Владение Маата. Заходить, исследовать, пользоваться запрещено!» – был выключен, а вместо него установлен бакен с светом на всех мыслимых диапазонах электромагнитного спектра фразы: «Заповедная зона! Применение в частных целях запрещено! Разрешены только исследовательские работы с чистой экологией». Аппараты маатан, прозванные «дикими сторожами» за их агрессивность в отношении к зем-

⁴⁰ Вурф – бросок (нем.) – термин проективной геометрии; означает четверку точек прямой, обладающих свойством не меняться при конформном преобразовании. Золотой вурф, как и золотое сечение, будучи воплощенным в геометрические формы, производит наибольшее эстетическое впечатление гармоничностью пропорций, в живом золотой вурф заложен изначально как следствие закона выживания более совершенного.

ной технике, сначала были несколько раз предупреждены, о чем немедленно передавались сведения на Маат, а потом уничтожены. Оставшиеся автоматы, а может быть, и управляемые живыми «черными людьми», стали избегать встреч с земными кораблями, испробовав на них свои излучатели и убедившись в тщетности попыток атак на уничтожение. Но поскольку они все равно оставались опасными соседями с непредсказуемым поведением, земные наблюдатели глаз с них не спускали.

Встречались в Горловине и другие аппараты, не похожие на маатанские и предположительно относящиеся к орилоунским. Были они странными, иррационально неконтактными, неуловимыми и так же, как и аппараты «черных людей», не отвечали на запросы землян. Как правило, они уходили из-под наблюдения, едва люди обращали на них внимание, и не подпускали к себе никого ближе чем на несколько километров, за редким исключением типа того, что случилось во время проникновения Мальгина в «храм». Исчезали и появлялись в пространстве они бесшумно, как призраки, то есть не оставляли после себя ни ударных ТФ-волн, сотрясающих вакуум, ни «суперструнного тайм-фагового» эха или «шипения», ни электромагнитного излучения, за что их прозвали «фантомами», хотя были они не менее материальны, чем земные спейсеры и когти или маатанские «дикие сторожа».

Выслушав мысленные рапорты командиров ведомых станций и постов, исследовательских баз, разбросанных по узкому пространству Горловины, Ромашин сделал вывод, что его присутствие на борту лидера погранслужбы «Конунг» необязательно, да и на Земле ждало много нерешенных проблем. Пробыв на «Конунге» еще несколько часов и убедившись, что Шаламов и Мальгин действительно затерялись в таинственных недрах форпоста Границы, начальник отдела безопасности вернулся в управление. Первым, кто встретил его в зале метро, был Джума Хан.

– Что с Климом? – спросил врач, как всегда собранный и как-то особенно серьезный.

Ромашин в двух словах обрисовал ситуацию, добавив, что рад видеть Джуму живым и здоровым. В своем кабинете он усадил гостя в кресло, поколдовал над столом, пробуждая ото сна киб-секретаря, сказал негромко:

– Джума, у меня к вам два вопроса, от точности ответов на которые будет зависеть многое.

У глаз врача СПАС-службы собрались в ироничном прищуре морщинки, но он только молча поклонился. Ромашин искоса посмотрел на его спокойно лежащие на коленях руки.

– Вопрос первый: что случилось между вами и Шаламовым, когда он выбрался из реанимакамеры?

Джума ничем не выдал своего состояния.

– Ничего. Практически ничего.

Ромашин безмолвно смотрел на него.

– Я до него не добежал, – продолжал врач, нахмурившись, вспоминая, и нехотя добавил: – Можете смеяться надо мной, но перед тем, как я... мне показалось, что я вижу внутри Даниила хищного зверя.

– Какого именно? – быстро спросил Ромашин.

– Д-да... в общем-то... – Джума ошеломленно взглянул в его изменившееся на мгновение лицо. – Мне показалось, что это была... странная помесь тигра и крокодила... или варана.

– Продолжайте.

– Это все. «Тигрокрокодил» прыгнул на меня, и... я потерял сознание.

– Спасибо. – Ромашин откинулся в кресле, не сводя взгляда с лица врача. – Это коррелируется с впечатлениями экипажа «Скифа», хотя их видения несколько отличаются от ваших. Второй вопрос: вы хорошо знаете Мальгина?

Джума Хан оторопел, затем усмехнулся, покачал головой, будто отвечая каким-то своим мыслям, выражение затаенной иронии в его лице стало заметней.

– Вряд ли. Хотя суть его характера, по-моему, постиг. Знаете, как его прозвали товарищи по работе и друзья? Человек-да. Он весь в этом определении. Хотя, с другой стороны, если он скажет «нет» – значит, так оно и будет.

– И мне так показалось. – Взгляд Ромашина смягчился, стал задумчивым. – Как говорил Бернард Шоу: «Существует пятьдесят способов сказать слово „да“ и „нет“ и только один способ написать его». Это изречение в известной мере можно отнести и к Мальгину, его «да» и «нет» словно отлиты в металле.

– То есть? Поясните, пожалуйста.

– Его «да» и «нет» почти не имеют оттенков, они словно написаны, впечатаны в металл раз и навсегда. Недаром он одинок.

Врач покачал головой, колеблясь, будто сию минуту что-то сказать, но так и не заговорил. Встал, собираясь уйти.

– С какой целью вы спросили о нем?

– Просто хочу знать, чего от него можно ждать. Как вы думаете, что он предпримет, догнав Шаламова?

– Не знаю. Простите, но действительно не знаю.

– И я не знаю, а должен. Едва ли он воспользуется «василиском».

– Вы снабдили его гипнотизатором?!

– Да, а что?

– Если Клим включит его, он погиб! Черт бы вас побрал! – Хан круто повернулся и пошел к двери.

– Вернитесь, Джума, – сказал Ромашин, не повышая голоса.

Врач остановился, бросил через плечо:

– Извините...

– Почему вы считаете, что он погибнет? «Василиск» – не обычный гипнотизатор, он способен усыпить любое живое существо, с любым соматическим и генетическим аппаратом.

– И «черного человека» тоже?

– При чем тут «черный человек»? Шаламов биологически и физиологически – человек, гуманоид, несмотря на усиление некоторых качеств и засевшую в генах память маатанского компьютера.

– Дремлющую до поры до времени.

– Пусть дремлющую, но, даже если память пробудилась, она не способна разрушить органы чувств Шаламова.

– Шаламов – оборотень, вы это прекрасно знаете, иначе не поднимали бы панику по поводу его бегства. А если, усыпив в Шаламове человека, вы тем самым разбудите в нем «черного»? Что произойдет? Я уповаю только на то, что Клим удержится от выстрела из «василиска». До свидания.

Джума вышел.

Ромашин, глубоко задумавшись, опустил голову на кулаки.

Во второй половине дня он вспомнил заинтересовавшее его сообщение Шевчука о спасателе по имени Марсель Гзаронваль, который проник на полигон «Ад-3» ради острых ощущений, и что случилось это вскоре после бегства Шаламова из клиники. Связи между этими событиями могло и не быть, но Ромашин обязан был проверить, тем более что Гзаронваль и Шаламов работали когда-то в одной упряжке. Узнав, где находится пострадавший начальник отдела, он за несколько минут добрался до клиники «Скорой помощи» СПАС-центра, занимавшей левое крыло управления.

Гзаронваль лежал в отдельной палате, вернее, сидел перед виомом и смотрел какую-то комедию. Сопровождавший Ромашина врач выслушал доклад автомедика и вышел. Гзаронваль –

красивый, мускулистый и загорелый парень с капризным изгибом губ и острым хищным носом – покосился на Ромашина, потом понял, что это не врач, и повернулся к нему лицом.

– У меня один вопрос, – сказал Ромашин стоя. – Извините, я не представился: Игнат Ромашин.

– Я вас знаю, – кивнул спасатель хмуро. – Не хватало, чтобы мной еще занималась безопасность. Чем могу быть полезен? Или вас интересует, кто меня пропустил на полигон?

– Это я уже знаю, – спокойно ответил Ромашин. – Вопрос такой: что вас толкнуло на этот странный поступок? Ведь для того, чтобы пройти третий полигон, необходимо закончить курс спецподготовки, в который входит не только оптимайзинг, но и социотренинг, неформальное эс-моделирование, интентальный пилотаж, тень-маскировка, а после этого необходимо еще и пройти проверку на сюрприз-сопротивляемость и стрессовую закалку. Вы понимаете, что могли погибнуть? С чего вдруг у вас возникло столь дикое желание?

– Ничуть не дикое... Мальгин смог пройти «Ад-3», и я смогу.

– При чем тут Мальгин? – Ромашин озадаченно погладил левую бровь.

– Был у меня с ним... разговор.

– Так это с его подачи вы кинулись в омут? – догадался начальник отдела.

– Да, – нехотя ответил Гзаронваль, помолчав.

– А откуда вы знаете, что Мальгин проходил третий?

Спасатель кривовато улыбнулся.

– Слухом земля полнится... Разве узнать об этом сложно?

– Понятно. А с Шаламовым вы давно виделись?

– Да, почитай, с момента его последнего «кенгуру». Вообще-то по графику идти курьером на Орион-6 должен был я, но у меня были... свои... в общем, я попросил Дана, и он согласился.

«М-да, насколько все было бы проще, – подумал Ромашин, оставаясь с виду бесстрастным, – вряд ли этот красавчик стал бы спасать маатанина столь изобретательно, как Шаламов. И не получилось бы этого кавардака с бегством и вынужденными нештатными режимами. Как говорили в старину, *sublata causa, tollitur effectus*⁴¹».

– Спасибо. – Ромашин откланялся. – Желаю скорейшего выздоровления. Извините за беспокойство.

Он почувствовал облегчение и одновременно странное сожаление, что случай с Гзаронвалем не связан с Шаламовым. Правда, не совсем ясной была роль Мальгина в этом деле, но то была уже другая опера, неподвластная партитуре отдела безопасности. Ай да Мальгин! Вот тебе и тихоня хирург, упустивший жену из рук. Пройти «Ад-3» надо умудриться!

По пути в управление Ромашин зашел в бар, выпив брусничного соку, поговорил с коллегами из погранслужбы, забежавшими в бар «перехватить по капле смысла», и вернулся в отдел. В кабинете его ждала женщина с тонким красивым лицом, бровями вразлет и лучистыми серыми глазами. Он узнал ее сразу – Купава, жена Шаламова. Она встала при появлении Ромашина, молча ожидая его реакции.

Начальник отдела остановился на пороге, глядя женщине в глаза, потом поздоровался, усадил ее в «личный» угол кабинета и сел напротив. Он редко ошибался в оценке собеседника, поэтому, не ожидая ее вопроса, заговорил сам:

– Будем откровенны, Купава. Вы сильная натура, насколько я знаю, и в разговоре с вами не нужно искать путей обхода острых углов. Ничего утешительного сообщить не могу: он жив, но исчез.

– Кто? – шепотом спросила Купава; глаза ее наполнились слезами.

Ромашин опешил, оставаясь с виду спокойным и доброжелательным. Подумал: кажется, она одинаково беспокоится за судьбу обоих. Во всяком случае, ее вопрос явно не о муже... хотя

⁴¹ С устранением причины устраняется следствие (лат.).

такой паритет мне абсолютно непонятен. Зачем в таком случае надо было уходить от одного к другому? Захотелось проверить свою силу? Чувства? Впрочем, как говорят философы, единственная действительно непрогнозируемая вещь – женская логика.

– Мальгин исчез тоже, – сказал он ровным голосом.

Купава судорожно вздохнула, погладила живот – машинально, прислушиваясь к себе, потом глаза ее затуманило облачко недоумения.

– Клим? Как... исчез? Почему?

– Он участвовал в операции по перехв... поиску вашего мужа. Подробности вам ни к чему. Оба замечены в Горловине... редчайшем астрофизическом объекте, оставшемся от эпохи инфляционного расширения нашей Вселенной... и открытом вашим мужем. Дальнейшее местопребывание их неизвестно, хотя уверен, что они оба живы.

Купава с заметным усилием справилась с собой, улыбнулась сквозь тоску и внутреннюю боль.

– Простите... думаете, я всегда такая... рева?

– Не думаю, – как можно мягче ответил Ромашин. – Все дело в маленьком, так? – Он кивнул на ее живот.

– Вы проникательны. Но я жду не мальчика – девочку.

– Уже есть имя?

– Нет.

– Хотите, предложу?

Купава недоверчиво посмотрела в глаза Ромашину, мудрые и всепонимающие, и вдруг поняла, что он далеко не молод, хотя с виду выглядит не более чем на тридцать пять – сорок лет. И еще она поняла, что ее успокаивают – ее, всегда гордившуюся своим самообладанием, с насмешкой относившуюся к любому проявлению женской, равно как и мужской, слабости.

– Спасибо, но все же пусть имя дадут ей те, от кого это зависит.

– Резонно, – кивнул Ромашин, скрывая улыбку.

– А хотите в ответ выслушать мою историю? Вы не торопитесь?

Ромашин встал, наклонился над столом, негромко произнес:

– Я занят, беспокоить только в ЧП-режиме.

Сел снова.

И Купава вдруг, неожиданно для себя самой, рассказала ему все о себе и о своих отношениях с Мальгиным и Шаламовым...

Несколько минут он молчал, постукивая по столу указательным пальцем, потом поднял голову. Женщина виновато улыбнулась.

– Никогда не думала, что когда-нибудь вот так... ни с того ни с сего разоткровенничаюсь перед незнакомым человеком о наблевшем... но мне больше не с кем делиться... хотя вру, есть такой человек, отец Клим. Но так уж получилось... извините. Клим как-то сказал, уже после... после нашего разрыва: все проходит, но мы остаемся. Я не верила, что эта простая фраза способна мучить больней, чем физическое страдание, особенно когда понимаешь, что во многом была не права... Что-то словно погасло во мне и вспыхнуло вновь, когда я увидела его глаза и поняла, что он все еще любит и страдает, как никто другой, потому что больше всего мучаются и страдают именно сильные люди, просто это мало кто видит. И у меня появился... есть такой термин в медицине: синдром стресса ожидания, – у меня внутри все заледенело и не тает. А самое страшное – я жду их обоих! И люблю обоих... – Последние слова Купава произнесла шепотом, с изумлением и страхом. – Или так не бывает?

– Бывает, – сказал Ромашин. – Но недолго. Рано или поздно выбор делать придется, а сейчас они в равном положении... для вас.

– Не знаю... Марс говорит, что оба они любители острых ощущений и не способны... думать о других.

– Кто это – Марс?

– Марсель Гзаронваль, друг Дана, они вместе работали.

«Вот это сюрприз, – подумал Ромашин изумленно. – Снова Гзаронваль! Теперь только в качестве „друга семьи“... Что же это он отзывается о своем друге так нехорошо? Ладно бы о Мальгине, как-никак „списанный“ муж, но о Дане?.. Интересная ситуация, надо бы с ним повстречаться еще раз...»

– Что молчите? – не выдержала Купава.

– По-моему, ваш Марс не прав, Мальгина никак нельзя отнести к любителям острых ощущений. И относить его в разряд людей, мало заботящихся о других, я бы тоже не стал.

– Разве он не может измениться?

– Он – нет, – покачал головой Ромашин. – Хотя я могу и ошибаться. Вам судить о нем, несомненно, легче.

Тишина повисла в комнате, тонкая и хрупкая, как льдинка на стекле. Ромашин сидел, полускрыв глаза, и Купаве даже показалось, что он задремал, но губы собеседника вдруг шевельнулись:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ромашин вспомнил Есенина!..

Дочитал. Купава сидела не шевелясь. По лицу ее трудно было определить, о чем она думает.

– Клим однажды произнес интересную фразу, – проговорил начальник отдела словно про себя. – В душе каждого из нас сидит свой «черный человек». Понимаете? Не тот, не маатанин – есенинский «черный человек». У него, у меня... у вас тоже. И знаете, какой я сделал вывод? Мальгин, легендарный человек-да, спасший многие десятки жизней, сильный, властный и решительный человек, – раним и беззащитен, как никто из нас! И как никто из нас нуждается в поддержке. Но в чем я уверен на сто процентов – он никогда, ни при каких обстоятельствах не даст себе сорваться, какой бы «черный человек» внутри его ни сидел! Он всегда верен себе и, наверное, поэтому так одинок.

Купава покачала головой, порываясь что-то сказать, скорее всего возразить, но так ничего и не ответила.

Они посидели молча еще несколько минут, потом женщина встала. На пороге оглянулась.

– Простите меня еще раз за этот визит и спасибо за терпение, вы мне очень помогли. Я почему-то верю, что вы вернете их... Что касается Клима... до сих пор я была уверена, что сильным натурам не требуется ничья поддержка, вы поколебали во мне эту уверенность. Но я уверена и в другом: Дан тоже сильный человек и не позволит себе нанести вред другим. Марс здесь не прав. Просто Дан болен, вот и все. Клим вылечит его, вы только найдите. До свидания.

«Мне бы твою веру, девочка! – с неожиданной тоской подумал Ромашин. – Когда личность ломается – это одно, последствия такой ломки предсказуемы и поступки человека легко предугадать, а когда личность раздваивается и не знаешь, маатанин с тобой контактирует, динозавр или человек, – это совсем другое дело. Тогда дело из рук вон плохо! Потому что приходится не только страховаться, но и перестраховываться, шараться из крайности в крайность и совершать ошибки, не поддающиеся формализации и расчету...»

Над столом всплыло алое кольцо аварийного вызова, пронзительно свистнул сигнал интеркома. Ромашин дотянулся и снял блокировку сенсора ответа.

– Они появились на Орилоухе, – доложил возникший из воздуха дежурный по отделу. – Все трое: Шаламов, Мальгин и «черный человек».

– Где именно?

– Квадрат аш-сорок один-юг, «дефиле духов». Самое загадочное место на планете, по моему, – добавил дежурный. – Ландшафт там никогда не держится более суток, то и дело плывет и трансформируется.

– Готовьте «струну» на Орилоух. Шевчуку с обоймой усиления прибыть туда же. Тренажу отбой «три девятки» в эфир! От меня только что ушла Купава, жена Шаламова, прошу взять ее под наблюдение. Кто знает, вдруг ее супруг неожиданно объявится на Земле, возможности у него имеются. А для этого случая включите в постоянную готовность тревожную обойму. Все!

– «Три девятки» проиндексированы?

– АА.

– Может быть, «Шторм»?

– Нет, – отрезал Ромашин. – Выполняйте.

Дежурный кивнул, исчезая.

– Держись, Мальгин! – вслух сказал Ромашин, делая шаг к двери. – Все теперь зависит от тебя.

Когда-то состязание в силе и ловкости, открытая схватка с силами зла, кто бы их ни олицетворял – природа или человек, стремительный темп событий были его стихией, способствующей вскрывать резервы организма и полнее почувствовать вкус бытия; теперь же, на шестидесятом году жизни, на «пороге мудрости», как говорили философы, такие схватки расценивались уже как акты отчаяния после проигранной дуэли умов. Безопасник обязан выигрывать бой до его начала, только тогда он специалист своего дела. Правда, если приходится вступать в борьбу с опозданием, как в случае с Шаламовым, когда принципы и правила игры навязываются извне, ультимативно, то времени на обдумывание адекватного ответа почти не остается...

Глава 6

Мальгин напрягся, но не испугался – Шаламов почувствовал это без удивления, как само собой разумеющееся; Клим был не робкого десятка, но чувствовалось, что на душе у него тьма и мука. На мгновение у Шаламова в ответ шевельнулось чувство жалости, желание как-то успокоить друга, однако тут же в голове родилось знакомое ощущение проскочившей электрической искры: щелк! – и волна безразличия потушила желание, как вода – затлевший фитиль.

– Возвращайся, Клим, – глухо сказал Шаламов. – Я вернусь на Землю сам, когда мне будет нужно. Этот «ледяной айсберг» – то же самое, что метро на Маате – Хранитель Пути, только он еще молодой, ему всего несколько тысяч лет. Все они наполовину растения, а наполовину животные плюс интеллект. Когда-то их вырастили Вершители, пришедшие сюда из другого мира, и с тех пор они живут как флорафиты, а функционируют как живые станции метро. На Страже Горловины ты видел их скелеты, там они почему-то не прижились... хотя с ними мне еще не все ясно. Залезай внутрь «горы», ищи «окно» и уходи на Землю.

– А разве они имеют связь с Землей?! – невольно изумился Мальгин. – И никто из людей этого не знает?

– Скелет заплыл почвой, и распознать его издали очень сложно.

– В таком случае орилоуны посещали Землю?

– Задолго до появления на ней человека, поэтому легенд об их пришествии не сохранилось. К тому же, вероятнее всего, орилоуны сами не путешествовали.

– Что ты имеешь в виду? По крайней мере один из орилоунов – тот же Хранитель Пути – сидит на Маате.

Шаламов почувствовал нарастающее раздражение: время уходило на пустопорожнюю болтовню, игру в вопросы и ответы, разговор затягивался, Мальгин явно тянул паузу – для того чтобы их успели заметить земные наблюдатели, вдобавок «черный человек» начинал приходить в себя.

– На Маате сидит не орилоун, а универсальная транспортная машина, квазиживой организм, созданный или, если хочешь, выращенный орилоунами. Живых орилоунов еще никто не видел, даже маатане, а все «орилоуны», с кем имели дело наши пограничники, ксенопсихологи и контакторы, – это изделия Вершителей, наделенные разумом в необходимых для функционирования пределах. Так что наши специалисты искали способы контакта с «машинами» орилоунов, если их так можно назвать. – Шаламов хихикнул: прорвалась одна из эмоций его бывшего «я». – Есть еще вопросы? Уходи, Клим, ради бога, мне действительно некогда с тобой возиться.

– Тогда ответь на последний вопрос. – В мысленном «голосе» Мальгина отразилось его возбуждение, волнение, изумление и недоверие. – Значит, на Орилоухе... нет живых орилоунов?!

– Я же сказал – нет.

– А откуда ты знаешь?

– Ты же только что утверждал, что вопрос последний. Знаю, Клим. Как и все маатане.

«Черный человек» рядом шевельнулся. Шаламов переключил диапазон мыслесвязи и быстро спросил по-маатански:

– Маатанин решил покончить с собой? Или хотел по «струне» «серой дыры» уйти в иное пространство? Зачем?

– Я исчерпать моменты бытия, – ответил «черный человек» почти на чистом русском языке. Шаламов даже присвистнул от удивления: в языке маатан не существовало местоимения «я», и говорили они о себе в третьем лице, а его спаситель вдруг свободно перешел на психический, адекватный земному разговорному.

– Ты явно прогрессируешь, старик!

– Мне более тысяча лет, хомо, – продолжал маатанин, не слушая пилота, – и я устать хранить в себе жизнь. Хомо получить представление о цели жизни маатан?

– В самых общих чертах, но хочу разобраться глубже.

– Мне жаль, но я ничем не помочь. Силы иссякать и долго удерживать в себе жизнь я не смогу, и это очень опасно для хомо.

– Чепуха, – отмахнулся Шаламов, – не отказывайся от беседы в небезопасной для себя ситуации, ответь лучше на вопрос: зачем ты это сделал?

– Что есть? Точность формулировка вопрос, хомо.

– Сообщил обо мне на Землю зачем?

«Черный человек» помолчал: в мозгу Шаламова вспыхивали и гасли странные картины, соответствующие переживаниям негуманоида, но что они означали, спасатель не понимал, несмотря на приобретенные знания маатанских обычаев, истории и психологии.

– Хомо знать, что есть обратная связь? Когда он открыл шлюзы компьютера проникающего, я был подключен другая сторона. И теперь я – наполовину хомо...

– Об этом я не подумал. Но все, что ни делается, – делается к лучшему, я ведь тоже – наполовину маатанин, хотя меня это беспокоит мало. К тому же есть желание разобраться во всех «складах» памяти вашего компьютера, которые остаются закрытыми для меня до сих пор. Помоги осмыслить их и применить. Зря я, что ли, гонюсь за тобой по Галактике?

– Хомо сейчас есть наполовину маатанин, ему этот мало? А стать маатанин он не смочь, как бы ни хотеть, им надо родиться. Хомо быть чужой для соплеменники и не стать свой для маатан, у нас разность цели существования.

– Цель жизни есть жизнь.

– Цель жизни – ничтожество хаоса в пространстве жизни, хомо, а люди способность поддерживать стабильность уровень энтропии только в масштабах оболочка свой тело, увеличенность энтропия окружающей среды. И при этом называть себя разумными. Маатане жить иначе.

– Люди разумны, потому что стремятся познать мир.

– Как хомо мочь познать мир, не познав себя? Ему пора знать смысл маатанской цивилизации: объем используемость информация стремится в бесконечность, и ее принципиальность невозможность ни запомнить, ни освоить. Зачем тогда? Все связи с хомо – лишность. Не трать время, хомо, у маатан и людей разность цель жизни, им не понять друг друга.

– Но раньше маатанин был вообще некоммуникабелен, и все-таки мы нашли общий язык.

– Кто знать, хомо, можно ли считать этот разговор, мне для общение достаточность один контур память, в то время как я вмещать миллиард такой контур. Люди устроенность проще, их место внизу лестницы эволюции, как и у всех биологические существа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.